МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ЕЛЕЦКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ И.А. БУНИНА»

ФИЛOLOGOS

Выпуск 18 (3)

Елец – 2013

УДК 82
ББК 81
Ф 54

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина» (399770, Липецкая область, г. Елец, ул. Коммунаров, 28)

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-40325 от 15 июня 2010 г.)

Журнал входит в «Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук»

Редакционная коллегия

***Б.П. Иванюк**, докт. филол. наук (Елец, Россия) – гл. редактор; **Т.Е. Автухович**, докт. филол. наук (Гродно, Беларусь), **Н.В. Борисова**, докт. филол. наук (Елец, Россия), **С. Георгиева**, докт. филологии (Пловдив, Болгария), **А. Гейзер**, докт. философии (Берлин, Германия), **Т.П. Дудина**, докт. филол. наук (Елец, Россия), **Н.Н. Комлик** докт. филол. наук (Елец, Россия), **А.А. Кораблев**, докт. филол. наук (Донецк, Украина), **И.М. Курносова**, докт. филол. наук (Елец, Россия) – отв. секретарь, **Р. Мных**, докт. гуманитарных наук (Седльце, Польша), **Т.М. Свиридова**, докт. филол. наук (Елец, Россия), **Р.И. Хашимов**, докт. филол. наук (Елец, Россия).*

ФИЛОLOGOS. – Выпуск 18 (3). – Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2013. – 108 с.

18-й выпуск научного журнала «ФИЛОLOGOS» представлен статьями по разным проблемам поэтики и семантики текста, диалогической коммуникации и др., а также рецензией на книгу Е.А. Скоробогатовой «Грамматические значения и поэтические смыслы: поэтический потенциал русской грамматики (морфологические категории и лексико-грамматические разряды имени)». Харьков, 2012. Продолжается публикация романа Т.В. Чурилина «Тяпкатань, российская комедия (хроника одного города и его народа)».

Адресуется профессиональной аудитории.

The 18th issue of the scientific journal «PHILOLOGOS» includes papers devoted to different problems of text poetics and semantics, dialogic communication and etc. The number is also includes a review of a book by E.A. Scorobogatova “Grammatical meanings and poetic senses: poetic potential of Russian grammar (morphological categories and lexico-grammatical classes of a nomen)”. Kharcov, 2012. The novel of T. Churilin “Tyapkatan, the Russian comedy (the chronicle of a town and its people)” continues to be published.

The issue is addressed to the professional audience.

ISSN 2079-2638

© Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, 2013
© Авторы статей, 2013

СОДЕРЖАНИЕ / CONTENTS

Статьи / Papers

Бондаренко В.Т. О некоторых особенностях коммуникативного поведения русских (на материале ответных реплик)……..... 5
Bondarenko V.T. About some peculiarities of Russian communicative behavior (on the material of answering replies)……... 5

Бондаренко В.С. Конструкции со вставками в речи старших дошкольников..... 9
Bondarenko V.S. Parenthetical clauses in the speech of senior preschoolers…..... 9

Борисова Н.В. Михаил Пришвин: от эсхатологии к «миру преображенному»…… 15
Borisova N.V. Mikhail Prishvin: from eschatology to the transformation of the world…….. 15

Бородина Н.А. Семантика и способы вербализации субъекта в предложениях со значением «мыслительная деятельность»……... 21
Borodina N.A. The semantic and ways of verbalization of the subject in the sentences with the meaning “mental process”…… 21

Гурков П.Ю. Своеобразие жанра путевого очерка в отечественной публицистике 20–30-х годов XX столетия…… 27
Gurkov P. Yu. The originality of the genre of the traveling essays in domestic publicism of the 20–30s of XX century……... 27

Дмитриева Е.И. Метод типологических индексов в контексте современной квантитативной лингвистики……..... 32
Dmitrieva E.I. Typological indices method in the modern quantitative linguistics……..... 32

Дубровина С.Ю. Общие особенности и различительные признаки фонетической системы тамбовских говоров……. 37
Dubrovina S.Yu. General distinctive features and characteristics of Tambov dialect phonetic system……..... 37

Земляная А.С. Проблема передачи имплицитных смыслов при транскодировании художественного текста…….. 45
Zemlyanaya A.S. The problem of transcoding the implicit information in the literary text…… 45

Знобищева М.И. С. Есенин и Н. Гоголь: потусторонний мир как цель сакрального пути……. 50
Znobishcheva M.I. S. Esenin and N. Gogol: the underworld as the goal of sacral way……. 50

Капинос Е.В. Вариация на темы романа: «Поздний час» vs «Жизнь Арсеньева»…… 56
Kapinos E.V. A variation on the themes of a novel: “A late hour” vs “The life of Arseniev”……... 56

Касимова Г.К. Сопоставительный анализ структуры значений многозначных отглагольных и отсубстантивных существительных……... 62
Kasimova G.K. Comparative analysis of semantic structure of polysemantic deverbal and denominal nouns……..... 62

Манерова К.В., Корышев М.В. К истории европейского Просвещения: профессор истории и элоквенции И.-А. Гартман……... 69
Manerova K.V., Koryshev M.V. About the history of the European Enlightenment: professor for the history and rhetoric Johann A. Hartmann…… 69

Морозова М.Х. Мифологема «идеальной земли» в художественном дискурсе М. Пришвина……... 76
Morozova M.Kh. Mytheme of "the ideal earth" in M. Prishvin's art discourse…… 76

Хашимов Р.И. Русские историзмы, этнографизмы: проблема художественного перевода……... 81
Khashimov R.I. Russian historisms, ethnographisms: problem of literary translation... 81

Ваффа Эльвия. Диминутивы, обозначающие предметы одежды, в ранних рассказах А.П. Чехова……. 88
Waffa Elwia. The diminutives denoting clothing in Anton Chekhov’s early short stories……. 88

Рецензии / Book reviews

Харченко В.К. Скоробогатова Е.А. Грамматические значения и поэтические смыслы: поэтический потенциал русской грамматики (морфологические категории и лексико-грамматические разряды имени). Харьков: Харьковский национальный педагогический университет имени Г.С. Сковороды, 2012. 480 с. …….. 93
Kharchenko V.K. Scorobogatova E.A. Grammatical meanings and poetic senses: poetic potential of Russian grammar (morphological categories and lexico-grammatical classes of a nomen). Kharcov: Kharcov nacional pedagogical university of a name G.S. Scovoroda, 2012. 480 p. ……. 93

Публикации / Publications

Чурилин Т.В. Тяпкатань, российская комедия (хроника одного города и его народа). Подготовка текста, публикация и комментарии О.К. Крамарь.. 97
Churilin T.V. Tyapkatan, the Russian Comedy (The chronicles of a city and its people). Preparing for publishing, publishing and comments by O.K. Kramar…. 97

Сведения об авторах…… 103

Для авторов……... 105

СТАТЬИ / PAPERS

В.Т. Бондаренко
V.T. Bondarenko

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ КОММУНИКАТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ РУССКИХ (НА МАТЕРИАЛЕ ОТВЕТНЫХ РЕПЛИК)

ABOUT SOME PECULIARITIES OF RUSSIAN COMMUNICATIVE BEHAVIOR (ON THE MATERIAL OF ANSWERING REPLIES)

В статье на примерах ответных реплик диалогической речи рассматриваются некоторые основные черты коммуникативного поведения русских.
***Ключевые слова**: коммуникативное поведение, общение, ответная реплика.*

This paper regards some principal traits of Russian communicative behavior on the examples of answering replies.
***Key words**: communicative behavior, communication, answering reply.*

Учение о коммуникативном поведении, обусловленном менталитетом и национальными стереотипами, становится в последние годы актуальным и перспективным направлением современной коммуникативной лингвистики, открывающим широкие возможности для исследований лингвокультурологического плана и имеющим непосредственный выход в теорию и практику межкультурной коммуникации. См., например: [4; 5; 7; 6].

Ю.Е. Прохоров и И.А. Стернин в своей книге «Русские: коммуникативное поведение» выделяют 16 доминантных черт русского общения [6, 300–301]. Некоторые из них в диалогическом общении находят яркое или заметное проявление в содержании ответных реплик, выражающих различные реакции коммуниканта на «чужое» слово [2].

Материалы «Словаря ответных реплик в русской диалогической речи» [3] полностью подтверждают отмечаемую в литературе вопроса приоритетность для русского коммуникативного поведения такой главной и важнейшей черты, как очень высокая общительность, объясняемая особенностями русского архетипа – преобладанием среди русских людей «интуитивно-чувственного психологического типа» [8], для которых характерны особое чувственное восприятие жизни, сосредоточенность на внутренней (духовной) стороне жизни. Ср. на этот счет высказывание Н.А. Бердяева: «Русские – самый общительный народ в мире. У русских нет условностей, нет дистанции, есть потребность часто видеть людей, с которыми у них даже нет особенно близких отношений, выворачивать душу, ввергаться в чужую жизнь, вести беско-

нечные споры об идейных вопросах» [1, 471].

Чувственное восприятие жизни у русского выражается, в частности, в чутком отношении к чужому состоянию. Показательна в этом случае реакция участника диалога на реплики со словами-предикативами *стыдно, неудобно, жалко* (особо значимыми в этическом плане для русского самосознания), выражающими морально-нравственное состояние человека, попадающего в ситуацию, когда он осознает, что имеет дело с чем-то плохим или отклоняющимся от нормы.

На признание говорящего в чувствах смущения и неловкости от сознания предосудительности или неблаговидности своего поступка или положения (*Мне стыдно, неудобно, жалко*) собеседник, которому очень знакомо это неприятное чувство-состояние, в знак сочувствия субъекту эмоционального переживания может быстро предложить в качестве формул утешения и обозрения: *Стыд не дым, глаза не выест; Стыд не кислота, дырок не оставляет; Стыдно у кого видно; Неудобно, когда сапоги (ботинки) жмут; Неудобно штаны через голову надевать; Неудобно спать на потолке ‹одеяло падает›; Жалко у пчелки*.

См., например: – *Да я не тоскую. – Кузьме действительно сделалось легче. Все-таки золотой человек этот Николай. – Стыдно только. – Стыд не дым, глаза не ест. Сейчас вынесу тулуп.* (В. Шукшин); – *Лев Иванович, прошу выкладывай. – Мне так сразу и неудобно... – Тебе? Неудобно на потолке спать, одеяло падает. Говори, я тебя слушаю.* (Н.И. Леонов); – *Переживаю, потому что не могу спокойно на дураков смотреть. Мне их жалко... – Жалко – у пчелки в попке. Жалко ему!* (В. Шукшин).

Ср. еще: *Волков бояться – в лес не ходить (Бояться); В тесноте, да не в обиде (Тесно); Надежда умирает последней (Надеяться); Лучше поздно, чем никогда (Поздно)*.

Чувственное восприятие жизни у русских находит самое непосредственное проявление в таких ярких чертах их общения (особенно неформального), как эмоциональность и оценочность. Содержание большинства ответных реплик насыщено коннотативной семантикой, часто имеющей неодобрительную окрашенность (неудовольствие, возмущение, раздражение, презрение и т.п.): *Гений – Гений среди удобрений; Дать – Давай на Арбате котлетой подавился; Ну? – Не нукай, не запряг еще; Откуда? – От верблюда; Я – Я – последняя буква в алфавите, А я Папа Римский*.

Ср., в частности, выражение говорящим осуждения и негативной оценки в адрес партнера по коммуникации за его попытки выделиться, показать свою значимость в чем-либо: – *В список кулаков занесены Прокоп Алдонин и Федот Клюев. Вам ясно? – Нет, не ясно. Во-первых, на каком основании? Во-вторых, я их кулаками не считаю. – Скажите на милость, какой сословный вождь нашелся! Кто это "я"? "Я" – последняя буква в алфавите.* (Б. Можаев); – *Это ошибка, ребята, – как можно миролюбивее сказал Савушкин. – Я подполковник милиции, замнач Центрального райотдела. – А я Папа Римский, – сострил сержант. – С каких пор подполковники катаются на угнанных машинах? Руки на капот, живо!* (Д. Корецкий).

Непременная и желанная составляющая русского общения – это шутка (юмор, веселость). Яркой, бросающейся в глаза семантической чертой многих ответных реплик является их направленность в мир смеха, в мир языковой игры. Механизм шутки (комического) основывается на мотивах противоречия (сочетание несходного, контраст, парадокс, бессмыслица), видимости (мнимости, кажимости, обмана).

В производстве комического эффекта у ответных реплик задействованы языковые средства всех основных уровней (метафора, рифма, ритм, созвучие, омонимы, паронимы и др.), но решающее значение здесь имеет сама структура диалогического единства, которая оказывается «точкой» резкого столкновения реального (исходного) смысла, представленного в «чужой» реплике, и смысла реплики-реакции, демонстрирующего «отлет» от

реальности в мир нелепый, странный и фантастический.

Смеховое воздействие, оказываемое на партнера по общению и на окружающих, зависит как от коннотативности самого фразеоответа, так и от его интонации в ситуации общения. В одних случаях ответная реплика воспринимается как безобидная и добродушная шутка, назначение которой – вызвать у адресата улыбку, веселье, доставить ему удовольствие, создать непринужденную атмосферу общения: *Большое спасибо! – Большое пожалуйста!; Где работаешь? – Работаю на монтажу: где посижу, где полежу; Как жизнь? – Жизнь бьет ключом и все по голове*. На предложение выпить чаю может последовать ответ: *Чай не водка – много не выпьешь*.

Другие ответные реплики выражают ироничное отношение к объекту оценки, представляя шутки с «двойным дном», тонкие, лукавые, скрытые насмешки. Их цель – насмешить и одновременно покритиковать, подчеркнуть недостатки и при этом смягчить критику, пощадить чувства критикуемого. См.: – *Спасибо, ребята, вы по-прежнему на высоте! – «Спасибо» в карман не положишь. Коньяк когда?* (Л. Пучков); – *А мы уж думали, помилует тебя дружок-то твой Абакумов, пожалеет. – Как же, пожалел волк кобылу, оставил хвост да гриву.* (В. Балябин).

Ответная реплика-шутка часто бывает обидной, язвительной, злой. Ее коммуникативная установка – выставить адресат на осмеяние, посрамить и осудить его. Ср.: – *Говорят – Говорят, что кур доят; Профессор – Профессор кислых щей; Прямо – Прямо одни вороны летают.* Например: – *Так он же не только буржуй, – заметила Симочкина. – Он же еще ж профессор. – Профессор кислых щей.* (Ю. Герман).

Эмотивность (неодобрительная), оценочность (негативная) и насмешливость представляют благодатные условия для проявления другой заметной особенности коммуникативного поведения русских - пониженной вежливости (культурности). Среди активно употребляющихся в диалоге ответных реплик много нормативных, относящихся к числу грубых, вульгарных, сниженных и нецензурных: *А дальше? – Дальше яйца не пускают; Даром – Даром только кошки за амбаром; Герой – Герой кверху дырой; Здравствуй – Здравствуй, ж... Новый год; Как? – Каком кверху; Можно? – Можно Машку под забором; Хватит – Понос прохватит.*

См.: *Стариков спросил: – Кто среди вас старший? – Ну, я, – ответил средний, – дальше что? – Тебе передали, что я хочу видеть Зойку? – Мне такая девица неизвестна, дальше? – А дальше, болван, яйца не пускают. Я смотрю, по-хорошему нам не договориться.* (А. Тамоников); – *Спортом занимаешься? – спросил Ступицын, развернувшись ко мне с переднего сиденья. – Настольным бадминтоном. – Это – как? – улыбнулся капитан, и глаза его нехорошо блеснули. – Каком кверху.* (В. Колычев).

Все это красноречиво свидетельствует о том, что «в русском коммуникативном сознании слабо представлена категория коммуникативной ответственности: русское сознание в незначительной степени ориентирует носителя русского языка на контроль за соблюдение коммуникативных и речевых норм, на внимание к собственной правильной и культурной речи» [6, 302].

Невысокая культура общения русских подтверждается другой характерной чертой их коммуникативного поведения, – высокой степенью бескомпромиссности (импульсивности, нетерпимости), которая находит семантическое проявление у ответных реплик в выражении категорического несогласия, отказа, неприятия, недоверия или неодобрения.

Ср., например: – *А на вид, смотри, какой добрый, и характером вроде мягкий. – Э-э-э, брат, он мягко стелет, да жестко спать. С виду – прямо-таки ангел, а душа хуже черта.* (В. Балябин); *Бухгалтер, приготовивший ряд других счетов, на его взгляд, первоочередных, поправив очки, произнес: – Но... – Никаких «но», – заорал Скворцов, – делай, как я сказал, если не хочешь остаться... без рук.* (М. Воронов); – *Да я же просто так,*

а он с ходу наезжает! Синюшником обзывается! – попытался оправдаться Петушков. – Просто так только кошки родятся! – неутомимо отрезал Левашов. (И. Деревянко); – *Ты, лезь! – ткнул в меня пальцем надзиратель. – Ты не тычь, я те не Иван Кузьмич! – огрызнулся я и полез в кузов.* (Г. Сечкин); – *Но наша беда в том, что сам он в колонии ничего не делает. Ведет себя с нами очень даже вежливо. – Вот видишь, какой он хороший! – улыбнулся Варфоломеев. – Хороший, пока спит лицом к стене или играет в шахматы.* (В. Шитов).

Ответные реплики русской диалогической речи представляют благодатный материал для выявления и описания стереотипов русского коммуникативного поведения. Мы рассмотрели лишь некоторые доминантные черты, наиболее яркие в общении русских.

1. Бердяев Н.А. Самопознание: Мемуары. М., 1990.

2. Бондаренко В.Т. Ответные реплики в русской диалогической речи // Русский язык в школе. 2004. № 6. С. 75–77.

3. Бондаренко В.Т. Ответные фразеологические реплики русской речи как объект лексикографического описания // Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. 2 (24). Москва–Магнитогорск–Новосибирск, 2009. С. 644–648.

4. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М., 1996.

5. Леонтович О.А. Русские и американцы: парадоксы межкультурного общения. М., 2005.

6. Прохоров Ю.Е., Стернин И.А. Русские: коммуникативное поведение. 4-е изд. М., 2011.

7. Сергеева А.В. Русские стереотипы поведения, традиции, ментальность. 7-е изд. М., 2010.

8. Юнг К.Г. Об отношении аналитической психологии к поэтико-художественному творчеству // Феномен духа в искусстве и науке. М., 1992.

В.С. Бондаренко
V.S. Bondarenko

КОНСТРУКЦИИ СО ВСТАВКАМИ В РЕЧИ СТАРШИХ ДОШКОЛЬНИКОВ

PARENTHETICAL CLAUSES IN THE SPEECH OF SENIOR PRESCHOOLERS

В статье предпринята попытка проследить, как основная языковая тенденция (тенденция к избыточности) проявляется в речи детей старшего дошкольного возраста. Из всего разнообразия конструкций, реализующих избыточность на уровне синтаксиса, предметом нашего внимания стали конструкции со вставками.
Ключевые слова: *устная речь, избыточность, старший дошкольник, конструкции со вставками, схема высказывания.*

This article is an attempt to trace how the main language tendency (linguistic redundancy) shows itself in the speech of senior preschoolers. Of all the various expressive means that implement redundancy on the syntactic level, this article focuses on parenthetical clauses.
Key words: *oral speech, redundancy, senior preschooler, parenthetical clause, syntactical pattern.*

Онтолингвистика – наука и молодая, и древняя одновременно. Внимание ученых к речи детей обусловлено тем, что каждый ребенок постигает родной язык своим собственным путем. «Тайна того, как ребенок овладевает языком, разумеется, давно уже волнует людей. К этому вопросу обращались ученые уже в античные времена» [8, 16]. В России разработка этой темы связана с именами А.Н. Гвоздева, К.И. Чуковского, А.М. Шахнаровича, З.Д. Поповой, И.А. Стернина, О.В. Кондрашовой и других ученых. Появились и научные школы по изучению детской речи – в Саратове, в Москве, в Екатеринбурге, в Таганроге. Этот объект исследования перспективен, поскольку в детской речи, «как в переводных картинках, проступают связи языка с сознанием» [6, 95].

Актуально и введение в научный оборот нового лингвистического материала – устной речи детей старшего дошкольного возраста. На настоящий момент в основном объектом исследования в работах по онтолингвистике выступала речь детей школьного возраста, так как речевое развитие ребенка, овладение языком, языковой культурой и индивидуальный стиль речи ярче всего проявляется и изучается специалистами именно в школе. В современной науке представлены новые факты, склоняющие к представлению о гораздо более раннем, чем это считалось раньше, развитии речевой и предречевой функции; разработаны интегральные модели развития речевой способности, в частности способность различать речь окружающих еще во внутриутробном периоде [2, 7].

Отражение этой точки зрения мы находим, например, в очерке Д.Б. Эльконина «Развитие речи в дошкольном возрасте», в котором опровергается положение С.Л. Рубинштейна о том, что развитие связной речи относится в

основном к школьному возрасту. Д.Б. Эльконин опирается на данные А.Н. Гвоздева, показывающие, что уже к 3-летнему возрасту в речи ребенка имеют место все основные формы связной речи. «Достигаемый к школьному возрасту уровень овладения родным языком является очень высоким. В это время ребенок уже в такой мере овладевает всей сложной системой грамматики, включая самые тонкие действующие в русском языке закономерности синтаксического и морфологического порядка, а также твердое и безошибочное использование множества стоящих особняком единичных явлений, что усваиваемый русский язык становится для него действительно родным. И ребенок получает в нем совершенное орудие общения и мышления» [11, 13].

Устная речь ребенка на всем протяжении дошкольного возраста развивается в непосредственном общении с собеседником (родителями, воспитателем или сверстниками) и по своей структуре является речью диалогической. Лишь в редких случаях, когда ребенок рассказывает о каком-нибудь происшествии или явлении, он переходит на монолог, но и тогда он говорит в непосредственном присутствии собеседника, направляет свое высказывание на определенное известное ему лицо, в отношении которого у него имеется достаточный опыт общения.

Доказано, что фундамент речевого развития человека закладывается в дошкольный период. Становясь более самостоятельными, дети старшего дошкольного возраста выходят за рамки узкосемейных связей и начинают общаться с более широким кругом людей, особенно со сверстниками. Расширение круга общения требует от ребенка полноценного овладения средствами общения, основным из которых является речь. Развитие речи дошкольника идет несколькими направлениями: совершенствуется ее практическое употребление в общении с другими людьми, вместе с тем речь становится основой для перестройки психических процессов, орудием мышления. При определенных условиях воспитания ребенок начинает не только пользоваться речью, но и осознавать ее строение, что имеет огромное значение для последующего овладения грамотой. По словам С.Н. Цейтлин, «ребенок дошкольного возраста гораздо больше задумывается о языковых фактах, чем думают родители и педагоги» [10]. Поэтому, на наш взгляд, исследование речи детей старшего дошкольного возраста и отражения в ней основных тенденций развития языка является актуальным и представляет особый интерес.

Т.А. Ладыженская пишет о том, что устная речь (создаваемая в момент говорения) характеризуется двумя особенностями: избыточностью и краткостью высказывания (экономией). «Избыточность, т.е. прямые повторы слов, словосочетаний, предложений, чаще повторы мыслей, когда используются близкие по значению слова, другие, соотносительные по содержанию конструкции, объясняется условиями создания устного текста, стремлением донести до слушателей определенную информацию» [7, 7].

Эту же мысль мы находим и у Кв. Кожевниковой: в устной речи «в один контекстный ряд могут выстраиваться смысловые сегменты с недостаточной информативностью и сегменты, богатые информацией; лаконичность, сжатость выражения может чередоваться с расплывчатостью, дублированием» [5, 512].

Избыточность сегментных средств, наряду с их экономией, принадлежит к числу основных тенденций организации языковой системы и ее реализации в речи. Закономерности функционирования избыточных средств в речи детей изучались ранее (например, М.Ю. Нечепуренко исследовала избыточность сегментных средств в речи младших школьников), но работ, посвященных вопросам избыточности в устной речи детей старшего дошкольного возраста, в современной отечественной лингвистике нет. Цель нашего исследования – проследить, как основная языковая тенденция (тенденция к избыточности) проявляется в речи ребенка данной возрастной категории. Тенденция к избыточности проявляется на всех язы-

ковых уровнях, в том числе и на уровне синтаксиса, в частности, в таких конструкциях, как конструкции со вставками.

Поскольку вопрос о вставках все еще относится к дискуссионным вопросам современной лингвистики и по поводу синтаксического статуса, модели и модификации этих конструкций нет единой точки зрения, И.В. Голубевой были установлены следующие дифференциальные признаки вставочных конструкций:

высказывание расчленяется как минимум на две части: основную структуру и вставку (вставки);

вставка (вставки) могут занимать по отношению к основной структуре интерпозицию или постпозицию;

вставка (вставки) имеет самостоятельную интонацию, произносится в более быстром темпе и пониженным тоном, чем основная структура. В письменной речи вставка (вставки) обычно оформляются при помощи скобок или тире;

синтаксическая связь между вставкой (вставками) и основной структурой отсутствует или ослаблена;

функция такой конструкции заключается в сообщении дополнительных сведений, усилении их информативной и экспрессивной значимости [1, 101].

В психолингвистике установлено, что планирование устной речи сильно отличается от процесса создания письменного текста. Согласно Н.И. Жинкину, планирование устной речи происходит в коде внутренней речи, где задаются смысловые этапы развития рассказа. Но предварительное планирование не может регулировать конструкцию речи, которая в устной речи нарушается такими психологическими факторами, как внезапные чувства, психическое состояние, а также коммуникативным опытом, отношениями с партнером по коммуникации.

Необратимость, поступательный и линейный характер развертывания во времени – одно из главных свойств устной речи. Нельзя вернуться в какой-то момент устной речи еще раз, поэтому «говорящий обдумывает план содержания и план выражения одновременно с реализацией в речи» [5, 513], то есть он вынужден мыслить и говорить одновременно, что способствует возникновению специфических синтаксических построений, которые восполняют отсутствие возможности заранее предусмотреть ход развертывания высказывания, конструкций со вставками.

По словам Г.Г. Инфантовой, такая широкая представленность вставочных конструкций в устной речи объясняется поликоординатной ориентированностью сознания. «Объективную основу такой поликоординарности мышления составляет совмещенность многообразных явлений в реальной действительности, множество одновременно значимых для нас фактов» [4, 103].

Известно, что мышление имеет опережающий характер: говорящий знает далеко вперед, о чем он хочет сообщить, но озвучивает свои мысли гораздо медленнее. Поэтому говорящий для того, чтобы облегчить себе процесс речи, должен какую-то мысль озвучить, затем высказать дополнительные замечания, уточнения, а потом продолжить уже начатую речь. В этом и состоит важность обращения к вставочным конструкциям в устной речи. И хотя использование вставочных конструкций «может нарушить или даже разрушить высказывание», Г.Г. Инфантова считает, что «вставки в той или иной степени способствуют иерхаризации важности сообщаемых фактов, осознанию их взаимных соотношений» [4, 103].

Анализируя соотношение между началом и продолжением высказывания после вставки в плане содержания и в плане выражения, Г.Г. Инфантова ссылается на выводы, сделанные Кв. Кожевниковой о том, «что как для говорящего, так и для его собеседника главным является план содержания, а план выражения стоит на втором месте» [4, 105].

В речи детей старшего дошкольного возраста, как и в речи взрослых носителей языка, можно выделить три типа схем выражения в конструкциях со вставками:

1. Схема выражения сохранена полностью: *Мне нравится// ну// я бы хотела// я*

хотела/ бы/ выбрать Даню// я Даню// м-м// мне нравится праздник// день веселого//; У меня мама работает/ в продуктовом магазине// продук/ ну/ раньше я говорил магазинчиком// она вот работает в продуктовом магазине//.

В речи детей сохранение схемы высказывания часто сопровождается повтором после вставки того, что было сказано до вставки. В проанализированных нами предикативных единицах были представлены вставки с повтором словосочетания: *мне подарили// у меня был торт/ мне подарили/ э-э/ этот/ фу/ футбол//.*

Такой повтор не несет новой семантической информации, однако в речи детей старшего дошкольного возраста он помогает удержать в памяти сказанное и продолжить разорванное вставкой высказывание, а также обеспечивает слушающему понимание.

Значительно реже встречаются конструкции со вставкой, где сохранение схемы высказывания может и не сопровождаться повтором: *вчера я был в гостях/ у Давида/своего друга// игрался/ в лего/ игрался// у них большой дом/ там у них / еще есть подвал// смотрел телевизор//.*

2. Схема высказывания сопровождается незначительными изменениями (при повторении после вставки части высказывания, идущей до вставки, может быть добавлено одно-два слова, опущены или заменены синонимами, местоимениями, использован другой порядок слов): *и сама сказка была чудесная// я ее иногда смотрю// там режиссеры не такие// ну эта сказка для меня была хорошая//; лучники замка стреляют// когда война// лучники замка сначала стреляют//.*

3. Схема высказывания изменена полностью: *когда Дед Мороз придет /другой/ то машина// я напишу письмо/ что я хочу машинку игровую/ она открывается/ я под кровать положу// Дед Мороз увидит и под елочку положит машинку//.*

Проанализировав употребление конструкций со вставками в речи взрослых носителей языка, Г.Г. Инфантова пишет о том, что «в спонтанной обиходно-бытовой речи гораздо отчетливее проявляется тенденция к сохранению структурной схемы высказывания, чем к ее нарушению» [3, 106].

Нами было проанализировано 60 конструкций со вставками, взятых из записей речи детей старшего дошкольного возраста. Оказалось, что в 11 из этих конструкций избранная говорящим схема выражения была сохранена полностью (18,3%), в 13 конструкциях с очень незначительными изменениями (21,6%), в 30 – схема высказывания изменена полностью (50%), а в 6 – схема высказывания прервана.

В речи детей данной возрастной категории наблюдается частичное или полное изменение схемы высказывания. Вслед за Н.И. Жинкиным объяснить это явление мы можем слабо развитой оперативной памятью дошкольников, функции которой состоят в том, чтобы «во время устного составления предложения удерживать уже связанные слова и упреждать слова, предстоящие к произношению» [11].

Известно, что количество информации, которую мы можем получить, переработать и запомнить, ограничено. В работах американского психолингвиста Дж. Миллера указано, что количество единиц запоминания в оперативной памяти не превышает 7 ± 2. Но исследования в области памяти указывают на то, что количество информации, которую человек в состоянии удержать в кратковременной памяти, увеличивается в результате различных операций, и прежде всего путем структурирования материала (его группировки), повторения без переработки или с переработкой. Это наблюдается и в конструкциях со вставками.

С целью выявления представленности конструкций со вставками в речи детей старшего дошкольного возраста нами была изучена разговорная речь воспитанников старшей и подготовительной групп МБДОУ д/с № 93 г. Таганрога. Эти записи представляют собой неподготовленные самостоятельные связные монологические высказывания на близкие детям старшего дошкольного возраста темы.

Статистическая обработка материала велась по методике, предложенной

Б.Н. Головиным и использованной, например, Г.Г. Инфантовой, М.Ю. Федосюком, И.В. Голубевой, суть которой сводится к выяснению того, находятся ли полученные данные в пределах границ существенности или нет, т.е. вскрыты ли объективные закономерности или полученные результаты являются случайными.

В нашем исследовании были проанализированы конструкции со вставками в речи старших дошкольников, которые представлены 10 выборками. Все выборки имели равный объем – 10 предикативных единиц. Характеристика этих выборок представлена в таблице:

Конструкции со вставками

№	Выборки	$[(^2]_{\downarrow}i$	a_i	a_i^2
1	Выборка 1	0	-0,6	0,36
2	Выборка 2	1	0,4	0,16
3	Выборка 3	1	0,4	0,16
4	Выборка 4	0	-0,6	0,36
5	Выборка 5	2	1,4	1,96
6	Выборка 6	0	-0,6	0,36
7	Выборка 7	0	-0,6	0,36
8	Выборка 8	1	0,4	0,16
9	Выборка 9	1	0,4	0,16
10	Выборка 10	0	-0,6	0,36
	Сумма	6	0	4,4
$\delta = \sqrt{\frac{\sum a_i^2}{k}} = \sqrt{\frac{4,4}{10}} \approx 0,7$				
$[^2 = (\sum a_{\downarrow}i^{\uparrow}2)/(= 4,4/0,6 \approx 7,3$ Вероятность большего значения ≈ 70 %				

Исходя из данных таблицы, все результаты находятся в границах существенности, следовательно, они подчиняются одной и той же статистической закономерности. В среднем дети употребляют конструкций со вставками ≈ 0,6.

Дальнейшая работа в избранном нами направлении может быть продолжена. Так, с позиций проблемы избыточности сегментных средств можно:

- расширить диапазон синтаксических конструкций, реализующих избыточность в речи детей старшего дошкольного возраста,
- сравнить полученные в ходе исследования данные с речью школьников и взрослых носителей языка.

1. Голубева И.В. Опыт создания коллективного речевого портрета (на материале экспрессивного синтаксиса мемуарной прозы). Таганрог, 2001.

2. Детская речь: психолингвистические исследования: Сб. статей / Отв. ред. Т.Н. Ушакова и Н.В. Уфимцева. М., 2001.

3. Жинкин Н.И. О кодовых переходах во внутренней речи// Вопросы языкознания. 1964. № 6. С. 26–38.

4. Инфантова Г.Г. Речевой портрет школьника: коммуникативно-культурологический и методический аспекты // Язык. Речь. Личность. Ростов н/Д., 2008. С. 388–392.
5. Кожевникова Кв. О смысловом строении спонтанной устной речи // Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск XV. Современная зарубежная русистика. М., 1985. С. 512–524.
6. Кондрашова О.В. Детская речь: словотворение и творение словом // Речь. Речевая деятельность. Текст. Таганрог, 2002. С. 148–152.
7. Ладыженская Т.А. Живое слово: Устная речь как средство и предмет обучения: Учеб. пособие по спецкурсу. М., 1986.
8 .Негневицкая Е.И., Шахнарович А.М. Язык и дети. М., 1981.
9. Ушакова О.С. Развитие речи дошкольников. М., 2001.
10. Цейтлин С.Н. Лингвистика детской речи. Некоторые размышления. Часть I. http://soul.dn.ua/mind/38
11. Эльконин Д.Б. Развитие речи в дошкольном возрасте. М., 1958.

Н.В. Борисова
N.V. Borisova

МИХАИЛ ПРИШВИН: ОТ ЭСХАТОЛОГИИ К «МИРУ ПРЕОБРАЖЕННОМУ»

MIKHAIL PRISHVIN: FROM ESCHATOLOGY TO THE TRANSFORMATION OF THE WORLD

В статье рассматриваются эсхатологические интенции в прозе писателя и поиски путей их преодоления. Пришвин воплощает идею возможного просветления, преображения не только человека, но и всего природно-телесного мира на пути от тьмы к Свету.
Ключевые слова: *эсхатология, Страшный суд, преображение, природа, хаос, всеединство.*

The article discusses the eschatological intention in prose of the writer and ways of overcoming them. Prishvin embodies the idea of a possible enlightenment, transformation of man and the whole natural-corporeal world on the path from darkness to Light.
Key words: *eschatology, the Last Judgment, transformation, nature, chaos, Vseedinstvo (Total-unity).*

Михаил Пришвин, являясь чутким «резонатором» своей непростой эпохи, весьма чувствительно реагировал на трагические вызовы исторического времени.

Глубокое осознание кризиса духа, мировой философской мысли и культуры, судьбы России, народа и интеллигенции рождало эсхатологическое мирочувствование. Не случайно русская философия рубежного времени в лице Вл. Соловьева, Н.А. Бердяева, С. Булгакова «заряжена» апокалипсической напряженностью. Так, к судьбе мира обращены «Три разговора» Владимира Соловьева, в котором автор, по мнению философа А.Ф. Лосева, прибегая к творческой символике, выражает свои эсхатологические предчувствия: «Мне кажется, что только русский либо тот, кто любит и понимает русскую культуру как свою собственную, может понять дух и стиль этой пророческой работы… Соловьев весь без остатка сгорел в огне и ужасе своих апокалипсических предчувствий» [2, 89]. Такую же характеристику Лосев дает Булгакову и Бердяеву, подчеркивая, что они – «славянофилы с добавлением апокалипсической мистики» [2, 90], а «Соловьев и его ученики проникнуты апокалипсическими тревогами и надеждами, их издавна наполняет мистический страх конца, эсхатологические предчувствия роковых усилий и титаническое беспокойство за судьбы всего мира» [2, 77–78].

Н. Бердяев был убежден, что Россия, существуя вне царства «серединной культуры» и являясь «узлом всемирной истории», сама в себе заключает возможность разрешения проблем в эсхатологической плоскости: «Все своеобразие славянской и русской мистики – в искании града Божьего, града грядущего, в ожидании сошествия на землю Небесного Иерусалима, в жажде всеобщего спасения и всеобщего блага, в апокалипсической настроенности» [1, 26].

Эта очень русская устремленность к крайнему пределу была близка писателю. Вечность для него возможна лишь в слу-

чае свершения Страшного Суда, и единственное оправдание, которое он готовит, – это благоговейное отношение к природе, к «земным ризам» России: «Страшно прислушаться к себе, проверить – какой ответ я дам на близком Суде. Все засмыслилось, а в общем тайное в слове потеряло свою силу. Только целы еще скромные и чистые ризы моей родины. Я надену их в последний час, и тот, кто будет судить меня, я верю, смилуется: "Бессловесные, – скажет, – проходи!" Раскинутся тогда ризы мои полями ржаными-пшеничными, благодатное время снизойдет по воде – и станут вода и нивы тихими и дремучие леса полными хвойных и лиственных тайн – куда хочешь иди! Тропинкой вдоль большака, полями ржаными-пшеничными, краем ли моря теплого по камушкам или студеного моря твердыми наплесканными песками от сосенки к сосенке» [4, 25]. И марксизм принят как философское свидетельство надвигающейся катастрофы, страшное предчувствие которой каким-то непостижимым образом с детства было связано, тем не менее, с «женщиной будущего» — идеалом юного Алпатова: «Мы принимали крещение от Августа Бебеля за благоговейным чтением его книги "Frau und Sozialismus". Перед наступлением момента света мной овладели две идеи этой книги, первая, что близко время мировой катастрофы, и вторая, что женщина после этого, «женщина будущего», явится такой, как я желал в сокровенной глубине детства своего» [6, т. 8, 62]. И явление большевизма в России – это все та же «мечта Бебеля о катастрофе всего мира, и так возник большевизм – явление германо-славянское…» [4, 25], хотя германский дух, «немецкий порядок не допускают апокалипсических переживаний, не терпят ощущений наступления конца старого мира, они закрепляют этот мир в плохой бесконечности» [1, 150].

Естественно, эсхатологические настроения усиливаются в годы предреволюционных и революционных потрясений, когда мир уже «разрушен до основанья», а контуры нового неясны, причем, апокалипсическое предчувствие, по свидетельству Пришвина, «в одинаковой степени развито у простого народа и у нашей интеллигенции, и оно именно дает силу большевикам, а не как просто марксистское рассуждение» [4, 74]. Ожидая «число зверя», живут герои повести «Мирская чаша». «Будет ли Страшный Суд?» – вопрошает герой-повествователь, который уже не в силах переносить эту «ужасную историю», не в силах больше кипеть в страшном всепоглощающем «чане русской жизни».

Точная дата, вынесенная в заглавие «Мирская чаша. 19 год XX века», определяет главный сюжетно-композиционный вектор повести: переживание героями исторического настоящего, в котором разворачивается борьба Света и тьмы, то затухающая, то вспыхивающая с новой силой.

Переживание героями русской истории глубоко эсхатологично: уже во вступлении содержится напряженное ожидание великого события, разрешающего историю – Страшного Суда. «Будет ли Страшный Суд?» – вопрошает герой-повествователь, и в этом вопросе содержится желание «отвергнуть историю». Христианско-мистический мотив Апокалипсиса, имплицитно связанный с безумной волей зверя, выражается в поисках числа.

Символика числа волнует как автора (что явствует из дневниковых записей), так и героев повести, ибо поиски числа связаны с прорывом, с выходом из дурного исторического времени, с попыткой преодоления враждебных хаотических сил. Известно, что символика числа имеет древнейшие традиции.

С незапамятных времен единство человека со Вселенной, проявляющееся в гармонии всего живого, выражалось с помощью чисел, которым архаическое сознание придавало сакральное значение: они рассматривались в качестве божественных символов Вселенной, Космоса. «Подобно словам, числа считались неотъемлемыми качествами всех существ и предметов: они управляют не только физической гармонией и законами жизни, пространства и времени, но и отноше-

ниями их с Богом, который уподобляется Мировому единству… Высшей истине. Числа – элементы особого числового кода, с помощью которого описывается вселенная, человек и сама система метаописания. В древних мифопоэтических традициях число было не только образом мироздания, но и средством его периодического восстановления в циклической схеме развития, средством преодоления деструктивных хаотических тенденций» [7, 630].

В представлении древних число – это тайна, обладающая сверхъестественной силой. Оно двойственно, как двойственны в большинстве своем мифологические символы, и в силу своей двойственности оно может быть как сакральным, так и профаническим.

Герои повести ищут число восстановления гармонии, число – срок преодоления враждебных человеку деструктивных сил. В «Дневниках 1920–1922» мы находим следующую запись: «Эти глупейшие 42 месяца (1260 ден), которые будто бы остаются до конца большевизма по Библии, у всех мужиков в уме и на языке. Но как же это выходит? От 17 октября 1260 дней, 18 марта – 31 марта. Стало быть, 18–31 марта, по Библии, должен быть переворот. Фросина сватья сказала:

– У вас есть Библия? ну, так вы можете узнать, когда все кончится» [4, 146].

Ищут заветное число и герои «Мирской чаши»:

«– И еще говорят: кто Библию читать не умеет, тому известно число.

– Было же его число и прошло.

– Это ничего, говорит, что прошло, так и сказано надвое, число пройдет, еще столько же процарствует Аввадон, князь тьмы.

– И опять дожидаться числа?

– Опять дожидаться» [6, т. 2, 489].

Поиски числа – это своего рода стремление обесценить «испорченное историческое время, если не приостановить, то, по крайней мере, смягчить его разрушительный характер. Число, т.е. срок преодоления хаоса, соотносится с количественным фактором, что является приметой однолинейного, исторического времени, которое (и это типично для творчества Пришвина) противопоставлено вечности. Время – это мера земного бытия, к вечности же неприменимы количественные параметры, вечность – это царство духа, истины, оно – вне линейности, вне цикличности, ибо оно «не от мира сего».

Эсхатологические предчувствия в самые страшные моменты истории могут притупляться, стирая грань между жизнью и смертью; жизнь настолько невыносима, что даже всемирная катастрофа не пугает, и Пришвин записывает в своем дневнике 1920 года: «Сыро и ветрено… Гремят оторванные крыши – нет хозяев, некому прибивать железо, весь город гремит, дома, как гробы, будто разбивают забитые крышки над мертвыми, встают мертвые и вот мчатся куда-то скоро под луной.

И если, правда, Страшный Суд и Архангел с трубой покажется, я не ускорю шаг, нет! мне кажется, я это уже когда-то не раз пережил, старое, привычное дело» [5, 35].

Чувством неизбежного конца живет героиня «Осударевой дороги» Марья Мироновна, «мирская няня», всю жизнь свою и близких измеряющая приближением очистительной огненной стихии. Пришвин, переживший личные и исторические катаклизмы, постепенно освобождается от эсхатологических ожиданий и позволяет себе даже слегка подшучивать над своей героиней, так и не дождавшейся огня и, в конце концов, покорившейся рукотворному потопу: «Мирская няня, увидев, как посыпались в воду несчастные мыши, чуть-чуть как будто бы даже и улыбнулась, пожалела и в свое оправдание сказала им:

– Кто вас звал сюда?

После того она с силой ударила по воде веслом, и еще, и еще. Карбас разогнался, вышиб окно и выплыл вон из могилы на свет. И весь свет великий беспредельный принял к себе мирскую няню и открыл ей:

«Свет, дорогая старушка, не кончается, а только-только еще начинается» [6, т. 6, 177].

Эсхатологические переживания Пришвина воспринимаются как нечто естественное еще и потому, что они связаны с идеей преображения мира, коренной идеей русской философии, причем, преображение касается не только человека, но и природы. Впрочем, в представлениях Пришвина не было границы между человеком и природой: человек у него неотделим от природы и поэтому может через себя понять стремление природного организма к духовному просветлению.

Здесь, очевидно, сказалось сильное влияние Вл. Соловьева, который утверждал, что «понимать материю как пустой механизм значит унижать ее»: «Нет, только тогда материя получает для нас свое настоящее значение, когда она способна стать максимально совершенным бытием, и притом настолько, что даже все совершенства, которые человечеством приписывались божеству, оказываются субстанционально присущими также и материи» [2, 188]. Пришвину, по всей видимости, были очень близки представления Вл. Соловьева и других русских философов о «духовной телесности». В своем дневнике Пришвин запишет: «Я хочу сказать: дух… – это и есть свет (или сила) материи; предполагаю, что где-то в основах сильного духа сдержано очень много материи, чем сильнее дух, тем больше задержано (или сцеплено) материи» [5, 41]. Художественное пространство великого певца природы – это не только воплощение мира во всей его материально-телесной полноте, но и еще «оправдание материи», столь близкое национальному менталитету.

Русская философия в лице Вл. Соловьева верила в «святость, чистоту и красоту материи и тела», в то, что «вся природа, все живое ждет воскресения, восстановления, преображения» [2, 83].

В представлении Пришвина материя есть живая субстанция, которая не противопоставляется духовному началу. Отсюда рождается пришвинское светлое космическое мировосприятие, в котором обнаруживает себя это мистическое объединение всех и вся – великая целостность мира. В раннем очерке «За волшебным колобком» писатель создает образ обедни, к которой приглашены не только люди, но и весь окружающий природный мир:

«…там, в неизвестной пурпуровой дали, где-нибудь служат обедню? … Будто наши южные степи откликнулись сюда, на Севера.

– Что это?

– Журавли проснулись…

– А там наверху?

– Гагара вопит…

– Там?

– Кривки на песочке накликáют.

Протянулись веревочкой гуси… совсем как первые старики по дороге в деревенскую церковь. Потом повалили несметными стаями гаги, утки, чайки. Но странно, все туда, в одном направлении, где горит общий край моря и неба…

К обедне, к обедне!

Когда это, где это служили еще такую прекрасную, таинственную и веселую обедню? Холодно, но радостно было перед старой, тяжелой дверью. Старушка сказала: целый год не открывалась, но сейчас откроется, сама откроется.

Из мрака подходили черные люди и становились вокруг нас… Над толпой блеснул золотой крест. Скрипнула тяжелая железная дверь и чудесной силой открылась… Христос Воскресе! Воистину Воскресе! [6, т. 1, 193].

Человек не разлучен с тварным миром, с космосом, он не одинок в возможности преодоления эсхатологического нигилизма, что очень близко православному мироообразу, ибо «зримая космическая материя в православии выступает не в своей статической Богооставленности, а в динамическом пограничном состоянии: она то, что нéкогда было светлым началом и в конечной перспективе подлежит новому окончательному просветлению» [3, 135].

Пришвин утверждает, что человеку дана возможность обнаружить в себе творческую волю, чтобы воссоединить Добро и истину, «распавшиеся после грехопадения».

Ценностным вектором Всеединства у Пришвина выступает энергетика восходящего как некое космическое «томление», как «онтологическая тоска по Высшему» (А. Панарин).

В «Мирской чаше» герой-повествователь молится о просветлении, преображении природного тела России: «в день грядущий просветли, Господи, наше прошлое и сохрани в новом все, что было прежде хорошего, леса наши заповедные, истоки могучих рек, птиц сохрани, рыб умножь во много, верни всех зверей в леса и освободи от них душу нашу» [6, т. 2, 486]. В нравственные задачи человека входит «собирание» себя и мира в целое, спасение всего творения, его просветление и возведение на ступень нетленности. Отсюда столь актуальный в пришвинской поэтике мотив воскресения, имеющего не столько физический, сколько метафизический смысл. Как правило, мистерия преображения, воскресения совпадает с самым сакральным моментом суточного цикла — рождением нового дня: «Тут милостью солнца начинается воскресенье всякой залежалой твари, каждая росинка получает отпуск на небо и там, соединяясь в белые, голубые и красные хороводы, дивит нас всех несказанно» [6, т. 2, 493].

Мотив просветления, преображения природы особенно отчетливо звучит в сказке «Кладовая солнца». Художественная правда «Кладовой солнца» реализуется в идее такого единства мира, которое рассматривается автором не в качестве данности, а, скорее, онтологической заданности. Есть основания предполагать, что Пришвин вслед за Вл. Соловьевым считал: мир представляет собою целостность, находящуюся в состоянии становления, объясняя этим и смысл всеобщего развития.

Художественный мир писателя – живая, разнообразная жизнь, в которой все существует во всем, как абсолютная единораздельная цельность бытия. В «Кладовой солнца» отражено это стремление к целостности, к слиянию духовного и материального в одну живую нераздельную сущность. Здесь люди, звери, птицы, растительный мир, природные стихии приобщены ко всеобщему движению, к неустанным поискам правды, к вершинам природной эволюции, когда природа напрягается, чтобы выговорить какое-то заветное и таинственное слово. Пришвин верит не только в человека, но и в природу, и в те стихии природного мира, которые могут в процессе развития Всеединства стать носителями Света, а это значит – признать природу способной к одухотворению, преображению, то есть поверить в искупление самой материи.

Безыскусность авторского тона, отраженная в голосе коллективного героя «Кладовой солнца», только подчеркивает глубину замысла: в немудреной детской сказке-были о спасении собакой утопающего в болоте мальчика рассказывается не просто вечная пришвинская правда о взаимоотношении человека и природы, но, что самое главное, сам человек становится лишь необходимым звеном в системе космического универсума.

Герои сказки – деревенские дети Настя и Митраша, отправляясь в лес за клюквой, преодолевают, как и положено сказочным героям, одну опасность за другой. Наконец они попадают к «Борине звонкой», охотно открывшей «свою широкую просеку, покрытую и теперь, в апреле, темно-зеленой брусничной травкой» [6, т. 5, 221]. Здесь, в Борине звонкой, возвышающейся над страшным болотом, в момент особого напряжения вечной охватки Света и тьмы (Пришвин каждый рассвет считал знаком вечной победы Света) совершается мистерия Всеединства. Борина звонкая, отзывающаяся всем звукам мира, становится пространственным воплощением вселенской отзывчивости, переплавляющей в стройную гармонию богатейшее звуковое разнообразие: «Пока дети так говорили и утро подвигалось все больше к рассвету, Борина звонкая наполнялась птичьими песнями, всем стоном и криком зверьков. Не все они были тут, на борине, но с болота, сырого, глухого, все звуки собирались сюда. Борина с лесом, сосновым и звонким, на суходоле, отзывалась всему. Но бедные птички и зверушки, как мучились

все они, стараясь выговорить какое-то общее всем, единое прекрасное слово! И даже дети, такие простые, как Настя с Митрашей, понимали их усилия. Им всем хотелось сказать одно только какое-то слово прекрасное» [6, т. 5, 222]. Поиски этого непостижимо-прекрасного и единственного слова – таинственный акт единения Природы. Слово должно родиться в ее недрах в ответ на зов вселенской гармонии. Феномен слова здесь уже не антропокосмичен, а всекосмичен. Создается представление о живом говорящем космосе, в котором и природа, по-своему участвуя в становлении Всеединства, одновременно преображается, одухотворяется, пытаясь выговорить единое для всех приветственное слово Свету. И не случайно попытки высказать живое слово совпадают с сакральным временем суточного цикла – восходом солнца.

Мистерия поисков слова и победоносного явления Света выражаются в семантическом фрагменте, понятийным ядром которого выступает ключевое слово – местоимение «весь»: «И вдруг стало свежо и бодро, как будто *вся* земля сразу умылась, и небо засветилось, и *все* деревья запахли корой своей и почками. Вот тогда как будто над *всеми* звуками вырвался, полетел и *все* покрыл собою торжествующий крик, похожий, как если бы *все* люди радостно, в стройном согласии, могли закричать:

– Победа, победа.

– Что это? – спросила обрадованная Настя. – Отец говорил: это так журавли солнце встречают. Это значит, что скоро солнце взойдет» [6, т. 5, 223].

Частотность лексемы «весь» – факт закономерный, ибо повтор в тексте на любом уровне не бывает случайным. Ключевое слово «весь» в этом отрывке – знак целостности. Мир объединяется, становится единым, встречая солнце.

Все живое в этом нерасчлененном мире жаждет диалога, слова. Само молчание, сама тишина, кажется, существуют только для того, чтобы зазвучало слово.

Слово неотделимо от вещи, оно сущностно, но оно же является средством глубокого преображения, духовной метаморфозы. Магия слова, магия имени как феномен различения, сам факт именования свидетельствуют о соприкосновении всех возможных и мыслимых сфер бытия: «Живое слово таит в себе интимное отношение к предмету и существенное знание его сокровенных глубин. Оно орудие общения с предметами, поле сознательной встречи с их внутренней жизнью» [4, 299].

Слову в архаическом миросозерцании отводилась роль своеобразной криптограммы таинственной внутренней сути явления. Познавший имя приобщается к истине, на этом, как известно, основаны элементы магии.

Услышав «слово человеческое», милая Травка спасает Митрашу. Магия слова охраняет от разорения «ампирный дворец» в повести «Мирская чаша»: «Не посмотрели бы, конечно, ни на веревки, ни на печать и замки… На этих комнатах было написано: "Музей усадебного быта", – какое дело помещичий быт в такое разгромное время, а вот слово "Музей" – и не тронули, тоже слово "павлин" – и не тронули двух павлинов, мало того для охраны этих павлинов на полном совхозном пайке состоит Павлиниха, барская нянька…» [6, т. 2, 487].

Именно слову Пришвин отводит магическую роль. Познавший тайну слова, тайну имени приобщен к истине, к экзистенциальному прорыву от тьмы к свету, к спасению, просветлению, преображению не только человека, но и всего природно-телесного мира.

1. Бердяев Н.А. Судьба России. М., 1990.

2. Лосев А.Ф. Русская философия // Очерки истории русской философии. Свердловск, 1991.

3. Панарин А. Православная цивилизация в глобальном мире. М., 2003.

4. Пришвин М. Дневники. 1918–1919. М., 1994.

5. Пришвин М. Дневники. 1920–1922. М., 1995.

6. Пришвин М. Собрание сочинений: в 8-ми томах. М., 1982–1986.

7. Топоров В.Н. Числа // Мифы народов мира. М., 2000. Т. 2.

Н.А. Бородина
N.A. Borodina

СЕМАНТИКА И СПОСОБЫ ВЕРБАЛИЗАЦИИ СУБЪЕКТА В ПРЕДЛОЖЕНИЯХ СО ЗНАЧЕНИЕМ «МЫСЛИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ»

THE SEMANTIC AND WAYS OF VERBALIZATION OF THE SUBJECT IN THE SENTENCES WITH THE MEANING “MENTAL PROCESS”

Данная статья посвящена описанию семантики и способов выражения субъекта в предложениях со значением «мыслительная деятельность». Особое внимание в ней уделяется номинальным именам, характеризующим производителя ментального действия с разных сторон. Анализу подвергаются также метонимические и метафорические номинации субъекта мышления.
Ключевые слова: *субъект, субъектив, структурная схема простого предложения, мыслительная деятельность.*

The article is devoted to the description of the semantic and ways of representation of the subject in the sentences with the meaning “mental process”. The author pays special attention to the nominal nouns which are characterized the maker of thinking activity on the different sides. She analyses metaphorical and metonymical nominations of the subject of thought too.
Key words: *subject, subjective, structural scheme of simple sentence, mental process.*

Отличительной чертой современной лингвистики является ее ярко выраженная антропоцентрическая направленность, которая предполагает «изучение широкого круга языковых явлений в их непосредственной связи с человеком как исходной точкой координат мировосприятия» [2, 3]. Именно поэтому исследования внутреннего мира человека, мира его эмоций, чувств, познавательной деятельности, в настоящее время приобретают особую значимость.

Цель данной работы – рассмотреть способы выражения производителя действия, лексическое наполнение позиции субъектива в предложениях со значением «мыслительная деятельность».

Объем проанализированного языкового материала составил свыше 6000 высказываний, полученных методом сплошной выборки из художественных произведений русских классиков и современных писателей, а также из серии книг «Жизнь замечательных людей».

Ментальное действие, как и всякое другое действие, предполагает наличие деятеля – субъекта. Субъект мышления, как правило, активен, он определенным образом воздействует на объект, видоизменяет, творчески преобразует его. В большинстве структурных схем, синтаксическим способом репрезентирующих концепт «мыслительная деятельность» («кто думает о ком/о чем», «кто думает

про кого/что», «кто думает что», «кто думает над чем», «кто занимается чем», «кто учится чему», «кто/что напоминает кому кого/что», «кто/что напоминает кому о ком/о чем», «кто/что напоминает кому про кого/что», «кто додумывается до чего», «кто посвящает что кому/чему», «кто владеет чем», «кто вдумывается во что», «кто подражает кому»), субъектив маркирован именительным падежом личного имени или его субституента. Например: ***Феня*** *не ведала про ту маленькую хитрость и думала о дочери* (Алексеев. Ивушка неплакучая); ***Гете*** *занимался анатомическими схемами и метаморфозом насекомых, дописывая в то же время «Германа и Доротею»,* ***Шиллер*** *работал над «Валленштейном», а* ***Вильгельм*** *переводил хоры Эсхила* (Сафонов. Александр Гумбольдт); ***Юноша*** *мечтал стать исследователем* (Болховитинов. Столетов); *Нет,* ***я*** *своим умом дошел до этого* (Булгаков. Мастер и Маргарита); ***Каждый*** *изобретает свою систему* (Гулыга. Гегель).

Данным структурным схемам по признаку зависимости/независимости действия от воли, намерений субъекта противопоставлены схемы «кому думается что», «кому думается о ком/чем», «кому надо думать что», «кому надо думать о ком/о чем», «кому надо думать про кого/что». Субъект мыслительной деятельности в них представлен дательным падежом, который характеризуется Т.И. Певневой как «пространство души, пространство думанья». В предложениях типа *Ивану часто вспоминается море*, по мнению исследователя, «отражаются знания говорящего о том, что происходит в человеке», в них человек представлен «изнутри», «как объект, рассматриваемый как бы при многократном увеличении» [4, 54]. Е.С. Яковлева, анализируя особенности концептуализации личностного начала в русской лексике и грамматике, подчеркивает, что лицо в дативных моделях «мыслится не как носитель воли, "контролер" ситуации, а, скорее, как носитель сознания, "духа", как некая духовно-душевная целостность» [5, 98]. Приведем примеры высказываний, в основе которых лежат описываемые структурные схемы: *Эти слова* ***Джеймсу*** *запомнились* (Карцев. Максвелл); *Тогда только* ***высшему руководящему составу*** *можно понять корень вопроса* (Троепольский. Никишка Болтушок); ***Мне****, если уж на то пошло, о многом тогда думалось* (Кунин. Римский-Корсаков); *Забыть* ***тебе*** *надо про него...* (Толстой. Петр Первый).

В результате пассивизации структурной схемы «кто думает что» были сформированы трехкомпонентная схема «что придумывается кем» и четырехкомпонентная схема «что (есть) придумано кем». Отражая те же отношения внеязыковой действительности, что и производящая схема, а именно отношение действия к субъекту и объекту», в последних на «первый план выдвигается действие и его объект» [1, 168–169], что приводит к перемещению агенса в «правую» припредикатную позицию. В подавляющем большинстве высказываний, построенных по рассматриваемым схемам, производитель ментального действия не назван, а, если возникает необходимость в его упоминании, то он выражен личным именем в форме творительного падежа. Например: *Романсы сочинялись легко, складываясь порой в отдельные циклы* (Кунин. Римский-Корсаков); *«Органическая химия» написана была* ***Менделеевым*** *за лето и осенью 1861 года вышла в свет* (Гумилевский. Зинин); *Напротив, каждый факт, касающийся этого периода жизни Бируни, исследован* ***учеными*** *скрупулезно и со всех сторон*; *Уникальнейший трактат «Исчерпание методов, возможных при конструировании астролябий» будет написан* ***им*** *позднее* (Тимофеев. Бируни).

Основной способ репрезентации субъектива – наименования конкретных лиц, представленных именами собственными, их субституентами, а также номинантами, характеризующими субъект с разных сторон. Последнюю группу мы рассмотрим подробнее.

Мыслительный процесс антропоцентричен, именно человек является, прежде всего, производителем ментального действия.

В ряде высказываний субъект маркирован словами общего значения как члена определенного биологического класса. Например: *Некоторые случаи своей близости к смерти* ***человек*** *помнит, но чаще забывает их или вовсе оставляет их незамеченными* (Платонов. Неодушевленный враг); ***Люди*** *постоянно ждут чего-нибудь счастливого, интересного, мечтают о какой-нибудь радости, о каком-нибудь событии* (Бунин. Жизнь Арсеньева).

Субъект может быть представлен словами, содержательная структура которых включает семы ‘пол’ и ‘возраст’ (*мальчик, юноша, парень, мужчина, старикан, дева, девушка, миссис, женщина, старуха, ребенок, дети, старики* и др.). Например: *Обо всем этом* ***мальчик****, правда, пока еще не задумывается* (Гулыга. Гегель); *По воронам на придорожных деревьях* ***девы*** *гадали об амурных встречах* (Толстой. Петр Первый); *Каждый* ***мужчина*** *мечтает убить мамонта, но не каждому это удается. А каждая* ***женщина*** *мечтает завладеть мужчиной, который уже убил мамонта* (Васильев. Летят мои кони…); ***Дети*** *иногда не догадываются, что их родители уже не дети* (Данин. Резерфорд); ***Старики*** *вспоминали о прошлом* (Екимов. Озеро Дербень).

В субъектной позиции встречаются слова, характеризующие производителя ментального действия с учетом родственных отношений (*жена, отец, мать, брат, сестра, сынишка, дядя, тетенька, племянница, зять, дед, бабушка* и др.). Например: ***Жена*** *твоя, кстати, знала о настоящем положении дел в совхозе и не даст соврать* (Афонин. Моменты жизни); *Мы не знали, но это знали наши* ***отцы*** *и* ***матери****, прошедшие яростный огонь революции* (Васильев. Завтра была война); ***Братья*** *помнили лишь начало, остальное виделось сквозь какую-то муть* (Приставкин. Ночевала тучка золотая).

Содержательная структура личных номинантов может включать сему ‘народ (нация)’ (*американцы, итальянцы, немцы, персы, русские, турки, туркмены, чеченцы, шведы* и др.). Например: *Инженерная проблема? Вероятно. Но* ***итальянец*** *ее разрешил!* (Данин. Резерфорд*); Каждый правоверный* ***перс*** *мечтает быть погребенным именно здесь* (Голубев. Житие Даниила Заболотного); *Тут же* ***русские*** *учились арифметике и геометрии* (Толстой. Петр Первый); *Какой-то старый* ***туркмен*** *вспомнил о них и привел туда людей* (Поступальская, Ардашникова. Обручев).

Позиция субъекта может быть представлена номинантами, характеризующими лицо по выполняемой трудовой деятельности: роду занятий (*буфетчик, весовщик, доктор, журналист, землемер, извозчик, кондуктор, лесничий, машинист, медик, повар, почтальон, фельдшер, швейцар, шофер*), занимаемой должности (*заведующий, инспектор, министр, полицейский, прокуратор, ректор, помощник секретаря, секретарь, советник, финдиректор, чиновник*), по его научным интересам, специализации (*астроном, ботаник, инженер, историк, математик, техник, ученый, физик, филолог, философ, химик*), научной квалификации (*профессор*), по роли в учебном процессе (*воспитательница, преподаватель, учитель, учительница, ученик, гимназист, кадет, студент, казеннокоштный*), по направлению в искусстве (*композитор, литератор, поэт, писатель, художник*) и др. Например: *Провозился с Фунтиком* ***землемер*** *– совсем из ума вон про тарантас, про чемоданы* (Замятин. Землемер); *Пусть* ***министры*** *об этом думают* (Гумилевский. Чернов); *Придвинув поближе изодранное кресло,* ***профессора****, обросшие бородами, в валенках и пледах, писали удивительные книги. Прозрачные от голода* ***поэты*** *сочиняли стихи о любви и революции* (Толстой. Хождение по мукам); ***Воспитательница*** *еще там, у склада, догадалась о краже вещей* (Приставкин. Ночевала тучка золотая); ***Гимназисты*** *придумывали собственные упражнения* (Гумилевский. Зинин); ***Казеннокоштный*** *имеет право думать только о прошлом* (Колесников. Лобачевский).

В позиции производителя мыслительного действия выступают и слова, назы-

вающие последнего по отношению к воинской службе (*боец, солдат, казак, рыцарь*), указывающие на воинское звание (*генерал, майор, капитан, гвардии-капитан, лейтенант, офицер, юнкер, краснофлотец*), принадлежность к определенному роду войск, подразделению (*матрос, моряк, разведчик, танкист*), занимаемую должность в вооруженных силах (*военком, командир, комендант, комиссар, начштаба*) и др. Например: ***Старший лейтенант**, казалось, совсем забыл о транспорте* (Соболев. Ночь летнего солнцестояния); ***Моряки** понимали революцию как люди, давно оторванные от своего хозяйства, от горемычной сохи, от рыбацкой лодки на Поморье* (Толстой. Хождение по мукам); ***«Воинский начальник»**, то есть райвоенком, помнил про свои обязанности не хуже старой Штопалихи* (Алексеев. Ивушка неплакучая).

Довольно широко субъект мыслительной деятельности вербализован личными номинантами, в семантике которых присутствует сема ‘социальное положение’. Это слова, обозначающие человека по принадлежности к высшему, привилегированному слою общества (*король, император, царь, принц, высочество, князь, княгиня, герцог, боярин, барин, барыня, барышня, дама, пани, придворный*), или, наоборот, к низшему, непривилегированному (*слуга*), по отношению к собственности (*помещик, кулачок, хозяин, хозяйка*) и др. Например: ***Княгиня** перевела это по-французски своей старой приятельнице, графине Шуазель, сидевшей подле грузинского князя* (Толстой. Хаджи-Мурат); *О чем **бояре** наверху думают?* (Толстой. Петр Первый); *Он вовсе не был пьян, и **слуга** понял это, как только увидел его печальное лицо* (Гаршин. Происшествие); *И только тогда **хозяин** сообразил, что его просто гонят из хаты на улицу* (Горбатов. Алексей Куликов, боец).

Позицию производителя ментального действия могут занимать слова, характеризующие лицо по отношению к религии, вероисповеданию (*дьякон, викарий, архиерей, кардинал, монах, келарь, богослов, старец* и др.). Например: *Время завтрака – четверть второго – давно уж прошло, и **викарий** в библиотеке ломал голову над временным расписанием* (Замятин. Островитяне); *Ведь по-новому толковал известные библейские тексты не мирянин, а видный **богослов*** (Штекли. Галилей).

Редко представлены наименования лиц с учетом их характеристики по отношению к образу жизни, поведению (*кокетка, мечтатель, озорник, повеса, спорщик, шалунья*), к другим людям (*враг, друг, приятель, товарищ*), к местожительству (*завидовцы, земляк, житель, старожил*), к смене поколений (*предшественники, потомки, современники, древние*), указывающие на отличительный признак (*голодный, слепой, тупой, умнейший, бедняга, болван, ведьма, гигант*) и др. Например: *Только прекраснодушные **мечтатели** в угаре ликования могли думать, что с избранием Урбана настанет для ученых золотой век и святой престол так сразу и изменит свое отношение к спорам о системе мира* (Штекли. Галилей); ***Друзья** вспоминают студенческие годы, когда они жили в Петербурге* (Поступальская, Ардашникова. Обручев); *Помнят московские **старожилы** знаменитого Грибоедова!* (Булгаков. Мастер и Маргарита); ***Древние** мечтали великое знание ясным стихом усладить, приправить ученье сладким медом поэзии* (Порудоминский. Пирогов); *Но **умнейшие** догадывались, что и они не без вины* (Данин. Резерфорд).

Высказывания, в которых позицию субъектива занимают номинанты представителей зоологического мира, фауны, нами также рассматриваются, но как метафорические переносы. В нашем материале это зоонимы (*Холстомер, Широколобый, Цветок, Барабан, Узнай, Арктур, Фиша, Пуша*), наименования млекопитающих (*пес, собака, щенок, медведь, медведица, буйвол, вол*), птиц (*галка, орел, ласточка*), пресмыкающихся (*ящерица*), земноводных (*жаба, квакушка, лягушка*), моллюсков (*улитка*), слова, содержащие указание на масть животного (*гнедой*), его пол (*матка*) и др. Например: ***Узнай*** (кличка щенка. – *Н.Б.*) *тоже кое-чему*

научился (Курочкин. Страница жизни); *Этот ненавистный ей запах* ***медведица*** *запомнила на всю жизнь* (Марысаев. Забава); ***Гнедой, ящерица и улитка*** *этого не знали, но насекомые имели кое-какое понятие* (Гаршин. То, чего не было); *Старые* ***матки*** *поняли, что с ней, но молодежь пришла в волненье и, оставив мерина, окружила больную* (Толстой. Холстомер).

Метафорически субъектив представляют также фитонимы, т.е. наименования предметов растительного мира, но такие примеры единичны (*Attalea princeps, растение, пальма, березка, роза*). Например: ***Растения*** *стояли и слушали вой ветра и вспоминали иной ветер, теплый, влажный, дававший им жизнь и здоровье; И когда растения болтали между собою,* ***Attalea*** *всегда молчала, тосковала и думала только о том, как хорошо было бы постоять даже и под этим бледненьким небом* (Гаршин. Attalea princeps); *Словно не могут позабыть эти белые* ***березки*** *всех тех заплаканных глаз, которые отыскивали небо между их зеленеющими ветвями, и словно не ветер, а глубокие вздохи продолжают колебать воздух и свежую листву* (Андреев. Прекрасна жизнь для воскресших).

Не исключены и метонимические замены в процессе вербализации субъекта, когда он представлен наименованием не личного имени, а наименованием органа мыслящего существа, фактического производителя мыслительной деятельности – лексемой ***мозг*** или лексемой ***голова***, номинирующей вместилище источника и средства мыслительной деятельности – мозга: *Машинка монотонно и усыпляюще стучала, покрикивал хозяин – и все одна и та же картина представлялась усталому* ***мозгу Сазонки****: как он приходит к Сенисте и подает ему гостинец, завернутый в ситцевый каемчатый платок* (Андреев. Гостинец); *Видимо, детская* ***головка*** *работала над непосильной задачей, темное воображение билось, стремясь создать из косвенных данных новое представление, но из этого ничего не выходило* (Короленко. Слепой музыкант).

В отличие от лексем ***мозг, голова***, лексема ***разум*** обозначает не только орган мысли, но и «с п о с о б н о с т ь человека думать и понимать», акцент при этом делается на «р е з у л ь т а т процесса познания» [3, 1203]: *Никакой* ***разум*** *не мог объяснить, почему железом, динамитом и голодом человечество упрямо уничтожает само себя* (Толстой. Хождение по мукам).

В роли метонимического заместителя производителя ментального действия могут выступать и компоненты внутреннего мира человека – ***душа, сердце***. По мнению Е.В. Урысон, подобно обычным органам – легким, желудку, печени и т.д. – эти «невидимые сущности» обладают «своими четко очерченными функциями, связанными, однако не с материальными процессами внутри тела человека, а с его психикой» [3, 302]. В отличие от ***сердца***, выступающего только как орган чувств и связанных с ними желаний, ***душа*** «отождествляется с л и ч н о с т ь ю человека, с его внутренним "я", с его сущностью», это средоточие его внутреннего мира [3, 303]. Ср.: *Сердце Павлика упало. Оно-то раньше всех догадалось, что празднику пришел конец* (Алексеев. Ивушка неплакучая); ***Сердце*** *все знает...* (Вирта. Вечерние тени); *И мечтает* ***душа*** *человеческая о покое, как шахтер после смены о тарелке щей да куске черного хлебушка* (Васильев. Не стреляйте в белых лебедей).

Названия административных зданий, учреждений (*департамент*), помещений (*класс*), населенных пунктов (*город, деревня*), улиц (*бульвар*) также метонимически репрезентируют производителя ментального действия: *Через неделю весь* ***департамент*** (служащие департамента, отдела министерства, высшего государственного учреждения в царской России. – *Н.Б.*) *знал, что чиновник Котельников очень любит негритянок, а через месяц об этом знали швейцары соседних домов, просители и постовой городовой на углу* (Андреев. Оригинальный человек); *По безмолвному соглашению* ***класс*** (ученики. – *Н.Б.*) *ни словом не вспоминал о происшедшей истории и с особенной предупре-*

дительностью относился к Аврамову (Андреев. Молодежь); ***Деревня*** (жители деревни. – *Н.Б.*) *знает страдания старухи давно – из слова в слово – о том, как служил много лет в «Ревельском» Марк Иваныч, и как пошел француз, и как приказали собирать тех, кто понеугомонней, чтобы направить их в тот же «Ревельский», против французов* (Иванов. Близ старой Смоленской дороги).

Субъектив может быть репрезентирован и родовыми наименованиями, если данное мыслительное действие характеризует множество людей, находящихся в данной ситуации: ***Армия*** *уже сознает свои ошибки...*; ***Народ*** *понял: время страшным делам надвинулось* (Толстой. Хождение по мукам); *В крестьянской земле* ***рабочая партия*** *мечтает о захвате власти* (Горький. Дело Артамоновых); *Ведь* ***мир*** (человеческое общество. – *Н.Б.*) *не знал и не мог знать того, что знал Сергей Петрович о себе* (Андреев. Рассказ о Сергее Петровиче).

В заключение следует подчеркнуть, что многообразие форм выражения субъекта мышления и его семантики обусловлено лексической неоднородностью структурообразующего компонента схем, предназначенных быть синтаксическим знаком концепта «мыслительная деятельность»: это глаголы и фразеологизмы мышления и памяти, воображения и мнения, решения и созидания объекта в результате мыслительной деятельности, понимания и познания, сравнения и определения.

1. Бондарко А.В., Буланин Л.Л. Русский глагол. Л., 1967.
2. Гуреев В.А. Проблема субъективности в когнитивной лингвистике // Известия РАН. СЛЯ. Т. 64. 2005. № 1. С. 3–9.
3. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка: второе издание, исправленное и дополненное / Под общ. рук. акад. Ю.Д. Апресяна. М., 2003.
4. Певнева Т.И. Свойства субъектов и предикатов безличного предложения (на материале конструкций, описывающих явления природы и явления внутреннего мира человека): дис. ... канд. филол. наук. М., 1996.
5. Яковлева Е.С. О некоторых особенностях концептуализации личностного начала в русской лексике и грамматике // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. 1997. № 3. С. 96–105.

П.Ю. Гурков
P.Yu. Gurkov

СВОЕОБРАЗИЕ ЖАНРА ПУТЕВОГО ОЧЕРКА В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ 20–30-х ГОДОВ XX СТОЛЕТИЯ

THE ORIGINALITY OF THE GENRE OF THE TRAVELING ESSAYS IN DOMESTIC PUBLICISM OF THE 20–30s OF XX CENTURY

Статья посвящена изучению жанра путевого очерка в отечественной публицистике 20–30-х годов XX столетия. Рассматриваются традиционные и новые жанровые формы, предлагается типология образов повествователей-путешественников.
Ключевые слова: *жанр, путевой очерк, писатель-путешественник, типология, публицистика*

The article studies the genre of the traveling essays in domestic publicism of the 20–30s of XX century. It also considers traditional and new genre forms, offers a typology of images of narrators travelers.
Key words*: genre, traveling essays, typology, travel writer, publicism.*

В 20–30 годы прошлого века литература о путешествиях в отечественной словесности представлена, главным образом, жанром путевого очерка, в продолжении государственной традиции которого была заинтересована Советская власть. Подтверждением этого может служить появление, к примеру, в журнале «Сибирские огни» (выпуск начат в 1922 году) отдельной рубрики «Внутреннее обозрение Сибири», инициатором которой стал известный коммунистический идеолог, а в то время заведующий агитпропом Сиббюро Емельян Ярославский. Корреспонденты собирают материалы об истории Сибири, на страницах журнала появляются путевые отчеты. Жанровой традиции путевого очерка следуют и авторы издаваемого с 1924-го года журнала «Звезда». В его общественно-политическом разделе выходят очерки-обзоры политической жизни за рубежом. В журнале «Новый мир», издаваемом с 1925-го года, под рубрикой «По Советской земле» появляются тексты о поездках корреспондентов в деревни. Заметными авторами путевых очерков этих десятилетий можно назвать Б.М. Лапина («Тихоокеанский дневник», 1929, «Журналист на границе», 1930), Л.М. Рейснер («Гамбург на баррикадах», 1924, «Афганистан 22–25 год», 1925). В 20-е годы была заложена основа популярности советского путевого очерка, оформились его основные композиционные принципы.

Власти быстро уяснили идеологические возможности путевых очерков. Н.А. Бердяев отмечал, что русское коммунистическое государство позиционирует себя как «обратную теократию» [1, 124], что процесс преобразований в России происходит «через замену для масс символики религиозно-христианской символикой марксистски-коммунистической» [1, 126]. Однако четко просматривается и забота о литератур-

ном качестве этих произведений. Традиционные черты жанра – документальность повествования, автор в роли героя-очевидца, типизация единичных фактов, установка на широту охвата и объективность – полностью соответствовали запросам новой советской литературы. Однако жанр обогащался и новыми чертами – происходит сужение историко-географического пространства и постепенная замена его идеологическим, актуализируется бинарная оппозиция «свое/чужое (чуждое)», возникает особая темпоральность, где за автором закрепляется функция ясновидящего.

В 20-е годы возникает дискуссия о месте жанра в публицистике и художественной литературе, которая помогает «переосмыслить» возможности путевого очерка. «Лефовскому очерку», тяготеющему к «литературе факта», ставят в вину «неумение показать человека» (очерки С.М. Третьякова), «голый практицизм» и демонстрацию «индустриальных натюрмортов» (очерки Б.А. Кушнера). В 1933-м году в журнале «Новый мир» вышла статья Андрея Белого «Культура краеведческого очерка» с подробными рекомендациями по организации имеющегося материала и речевому стилю.

Благодаря своим художественным особенностям жанр позволил раскрыть материальные аспекты мира, не исключая при этом «человеческого фактора». Одним из важнейших композиционных приемов стал «разговор с попутчиком» с целью донести до читателя необходимую информацию в более непринужденной манере. Факт теперь неотделим от человека. Информативный и статистический материалы не повисают в воздухе, а персонифицируются в образах писателя-путешественника, жаждущего *узнать*, и встречного-очевидца, жаждущего *поведать*. Возникшее требование уделять больше «внимания к человеку» по-новому расставляет акценты в путевом очерке.

Путевой очерк, ранее просто рассказывавший читателю об истории и географии описываемых мест, теперь меняет основное направление и становится сугубо антропологическим, внимание авторов сосредоточивается на описании воздействия человека на природу и историю. В путевом очерке 1930-х годов закрепляются следующие структурно-семантические принципы отражения связей между явлениями.

1. Человек и время: время всегда стремится вперед; положительным изменениям, совершаемым человеком, не видно конца (Н.Н. Зарудин, «Путь в страну смысла», 1933). Прошлое негативно, если в нем не было элемента борьбы, но оно сменяется не настоящим, воспринимаемым как вр*е*менное, «перестроечное» состояние, а «светлым будущим» (М.С. Шагинян, «Тайна трех букв», 1934).

По этой же временной шкале оцениваются и встречающиеся путешественнику люди. Г.И. Чулков в 1935-м году в своих «Путевых дневниках» делит их на три категории: враги, сочувствующие и убежденные. Враги находятся в прошлом, пытаются его вернуть. Сочувствующие – в прошлом наполовину, им необходимо доступно разъяснить происходящие в стране изменения, тем самым вовлечь их в процесс обновления жизни. Убежденные сходятся с автором-путешественником во взглядах на происходящее, идут с ним по одному пути – из настоящего в будущее.

2. Человек и природа: они находятся в состоянии постоянного противостояния. Это принципиально новый повествовательный элемент для путевого очерка[1]. Очерки 1930-х годов, как правило, описывают отношения с природой с использованием военного лексикона. М. Горький в декабре 1931-го года выступает на страницах «Правды» с про-

[1] Путевой очерк как жанровая форма возник в петровский и окончательно утвердился в послепетровский период. Природа в путевых очерках XVIII века была вполне лояльной по отношению к человеку, а он к ней. Путевые записки П.А. Толстого (1697–1699), путевые очерки И.Л. Нарышкина (1706–1721), П.С. Палласа и И.И. Лепехина, демонстрируют единство человека и природы, их взаимозависимость.

граммной для этого десятилетия статьей «О борьбе с природой», где отмечает, что «участие литераторов – прозаиков и поэтов – в этом огромном, всесоюзного значения деле могло бы выразиться пропагандой необходимости борьбы с явлениями природы, враждебными людям». Ему вторит Чулков: «эту землю надо отвоевать у стихии», объявляется война Батумскому ботаническому саду, проводящему эксперименты с хной, которая предпочитает расти «у них», а не «у нас», и нам приходится «платить за нее золотом» (С.Д. Мстиславский). Соцреалистический хронотоп «отчуждения» знает лишь одну нарративную модель — бинарную оппозицию. Для того, чтобы природа стала частью «своего» пространства, она должна быть покорена. «Принудительное единство мысли» [1, 150] распространяется и на природу, которая должна находиться в полном подчинении человеку, в этой борьбе руководствующемуся не коммерческим, а идеологическим интересом: «Физическая выносливость является отличительной чертой нашей молодежи, в соединении с отвагой она дает те исключительные практические результаты, которые помогают им подчинить себе небеса» (А.А. Жабров, «На безмоторных крыльях», 1939). К примеру, Г.А. Эль-Регистан в путевом очерке с вполне безобидным названием «Жемчужная Фергана» (1939) пишет: «Нигде, ни на каком другом участке Большого Ферганского канала большевики не сконцентрировали таких могучих сил для борьбы со стихией... Вооруженные ломами, кирками, кетменями, носилками, мешками, они черной саранчевой тучей покрыли долины, которая сразу стала тесной, и подняли такую пыль...». Сравнение строителей с саранчой должно, казалось бы, вызвать у читателя, тем более, современного, негативный образ разрушителей, но пафос авторского резюме иной: «Было чему поудивляться, было на что полюбоваться!...» [4, 106].

Изменения, которые мы отметили, безусловно, отразились на принципе текстообразования. Подтверждение данной мысли мы находим у С.Н. Травникова: «В путевом очерке сложились два типа нарратива: линейный, которым автор-путешественник пользовался для описания дороги, и точечный, который применялся для описания населенных пунктов, объектов, наиболее привлекающих внимание путешественника» [3, 83]. Они имеют разную внутреннюю динамику. Спокойный и плавный «линейный» — дает возможность путешественнику осмыслить увиденное, сравнить, использовать предыдущий опыт. Данный тип нарратива все время направляет взор читателя в прошлое, но, как мы отметили ранее, прошлое в традиции советской путевой литературы несет исключительно отрицательный заряд, возвращение туда не вызывает никаких интересных ассоциаций, кроме как утверждения, что «жить стало лучше, жить стало веселее». Помимо этого, «линейный» тип слишком спокоен и философичен для «военного» дискурса постоянных преобразований.

Главенствующий повествовательный тип в советском путевом очерке 1930-х годов – «точечный». Пространство нарратива заполняют отдельные локальные описания людей, событий, предметов. В одном месте и в одно время пересекаются людские судьбы и судьбы предприятий, ботанический сад и нефтяная вышка, рыбы, деревья, МТС, парткомы, вредители и герои. Эти пересечения помогают сотворить объемную и многогранную панораму огромной «неузнаваемой страны» (Николай Злобин, «Неузнаваемая страна», 1939), строящей «наш, новый мир». Нельзя не отметить стремление очеркистов 1930-х годов к описанию и воссозданию всего нового, от «нового» человека до новой машины. Писатель испытывает ощущение религиозного благоговения от вида «новых, блестящих машин» (Шагинян, «Тайна трех букв», 1934), «только что распустившихся коробочек хлопка» (Эль-Регистан, «Жемчужная Фергана», 1939). Это новое, блестящее, свежее и есть материальное свидетельство новой жизни с ее отрывом от старого, «грязного» прошлого и устремлением в светлое будущее. Путевой очерк становится летописью создания этого нового

мира, показывая, как из хаоса мироздания под руководством партии рождается новый лучший мир. Основная тема путевого очерка теперь – изображение чуда благотворного изменения человека и его окружения. Путевой хронотоп продолжает служить организационным элементом жанра, но перестает быть его структурной основой. В путевом очерке теперь все подчинено одному мифу – мифу социалистического творения.

С выходом в 1922-м году журнала «За рубежом» и появлением в толстых журналах таких рубрик, как «Люди и факты», «За рубежом» путевая проза становится одним из наиболее активных и распространенных жанров соцреализма. Теперь писатели должны «изображать жизнь в ее революционном развитии». Они отправляются туда, где это развитие происходит. На родине их поиски направлены на подтверждение чуда метаморфозы: поездки на великие стройки – места, освященные в результате этого «чуда» (П. Павленко, П. Васильев, В. Инбер). Основной в этом направлении является модель *хожения*: так, поездка по Туркменистану у Павленко – это перемещение от чуда к чуду, причем чудо это связано как с метаморфозой антропологического характера (меняются люди под воздействием «созидающего труда»), так и метаморфозой природы, которая «покоряется человеку».

Во второй половине 1930-х годов завершается формирование канона путевой прозы, в который входят как элементы паломнического хожения, так и путевого очерка. Формируется также особый тип писателя-путешественника, который восходит к типологии, созданной в первой половине XIX века А.А. Бестужевым-Марлинским. В 1831-м году в «Письме к Эрману» он предлагал такие типы:

1. Просто путешественник – «бабочка, уносимая ветром».

2. Путешественник-философ – он повсюду «срывает воспоминания».

3. Путешественник-физиолог – он стремится «постигнуть жизнь» [2, 382].

Очевидно, что типология путешественников у Бестужева-Марлинского основывается на умении писателя наблюдать, что оказывается решающим и для публицистики 30-х годов XX века. Поэтому «путешественники просто» в литературе соцреализма немногочисленны. Они сохранились лишь в «домашнем» путевом очерке[2]. Тип «путешественника-философа» тоже возродился лишь позже, в литературе 1960-х годов. В то же время тип «путешественника-физиолога» получил достаточно широкое распространение.

В соцреалистическом каноне эти типы были дополнены следующими:

1. Путешественник-паломник. Этот тип связан, прежде всего, с созданием новой истории. Карта «советских святых мест» постоянно расширяется. Она простирается от Марсова поля до Шушенского и Малой Земли. Советское идеологическое пространство не признает географических ограничений – в него включены Стена коммунаров во Франции, могила Маркса в Англии, школа в Лонжюмо и вилла Горького на Капри. Паломником мог стать не всякий, предварительным условием заграничного паломничества было успешное паломничество по домашним «святым местам».

2. Путешественник-миссионер. Данный тип преобладает в путевой прозе зарубежных поездок и творческих командировок. Причем это двусторонний процесс: писатель «несет правду о Стране Советов» за рубеж, он же является одновременно носителем правды о жизни за границей. Миссионерская функция писателя не ограничивается его зарубежным представительством, но распространяется также на многочисленные поездки на «великие стройки коммунизма», встречи с трудовыми коллективами. Эта путевая проза строится на постоянном балансе между паломническим хожением и путевым очерком. Такой тип путевой прозы

[2] «Домашний» путевой очерк – очерк, основанный на наблюдениях и заметках, сделанных во время путешествия по родной стране. К данному направлению можно отнести К.Г. Паустовского и И.С. Соколова-Микитова.

получает наиболее широкое развитие и доминирует в 1940–1950-е годы.

Таким образом, советский писатель-путешественник 1920–1930-х годов – это, главным образом, «путешественник-миссионер». Он не ограничивается наблюдением. Немалое значение имеет интерпретация полученной во время путешествия информации. Все материалы систематизируются и тщательно анализируются, а затем подаются читателю с четко расставленными акцентами и выверенной идеологической линией, что предопределяет и обусловливает структуру и жанровые особенности соцреалистической путевой прозы этого периода.

1. *Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990.*
2. *Бестужев-Марлинский. Письма из Дагестана // А. Бестужев-Марлинский. Соч. в 2-х т. Т. 2. М., 1958.*
3. *Травников С.Н. Путевые записки петровского времени. М., 1987.*
4. *Эль-Регистан Г.А. Жемчужная Фергана // Новый мир. 1939. № 8.*

Е.И. Дмитриева
E.I. Dmitrieva

МЕТОД ТИПОЛОГИЧЕСКИХ ИНДЕКСОВ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ КВАНТИТАТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

TYPOLOGICAL INDICES METHOD IN THE MODERN QUANTITATIVE LINGUISTICS

В статье рассматривается применение метода типологических индексов для исследования категорий компаративности и качества. Приводится количественный анализ. Дается краткий обзор истории метода типологических индексов.
***Ключевые слова**: типологический индекс, компаративность, качество, количественный анализ, суффикс, аналитизм, синтетизм, супплетивизм.*

The article dwells upon the usage of typological indices method in research of the categories of comparison and quality. The statistic analysis is introduced. A brief overview of the method's history is given.
***Key words**: typological index, comparison, quality, quantitative analyses, suffix, analytism, synthetism, suppletism.*

Предмет исследования данной статьи связан с методологией современной лингвистики. Предлагается новое применение известного и объективного метода типологического индексирования.

Актуальность работы состоит в разработке методики исследования категорий компаративности и качественности при помощи типологических индексов.

Квантитативная лингвистика представляет собой междисциплинарное направление в прикладных исследованиях, в котором в качестве основного инструмента изучения языка и речи количественные или статистические методы анализа [3]. Применение статистических методов в лингвистике позволяет создать структурно-вероятностную модель языковой системы, обладающую значительным объяснительным потенциалом. Одним из важных методов квантитативной лингвистики является метод типологических индексов. Применение этого метода можно считать одним из случаев проведения лингвистического мониторинга.

Впервые метод типологических индексов был предложен Дж. Гринбергом как «попытка охарактеризовать каждый признак, используемый в данной классификации, через отношение двух единиц, каждая из которых получает достаточно точное определение посредством исчисления числового индекса, основанного на относительной частотности этих двух единиц в отрезках текста» в работе «Квантитативный подход к морфологической типологии языков» [6]. Автор выделяет следующие индексы:

1) M/W – индекс синтеза
2) A/J – индекс агглютинации
3) R/W – индекс словосложения
4) D/W – индекс деривации
5) I/W – индекс преобладающего словоизменения
6) P/W – индекс префиксации
7) S/W – индекс суффиксации
8) O/N – индекс изоляции
9) Pi/N – индекс словоизменения в чистом виде
10) Co/N – индекс согласования.

Дальнейшее развитие теория типологических индексов получила в работах Е.С. Кубряковой.

Типологическое индексирование помогает объективно описать частотность того или иного языкового явления. По мнению Дж. Гринберга, в зависимости от целей исследования могут быть отобраны разные языковые единицы. Принимая во внимание принцип эргодичности, заключающийся в том, что если в одной части системы осуществлена комбинация элементов определенного типа, то она осуществима и в другой части системы, можно считать метод индексов применимым для анализа отдельных языковых явлений на конкретном языковом материале.

Целесообразным представляется использование метода типологических индексов для описания той или иной грамматической категории. Применение данного метода позволяет дополнить структурную модель рассматриваемого явления вероятностным компонентом, то есть создать структурно-вероятностную модель употребления той или иной категории.

В данной статье будет рассмотрено применение типологических индексов для исследования категорий компаративности и качества.

Квантитативное исследование данных категорий представляется наиболее целесообразным в контексте лексической морфологии. Одним из основных понятий лексической морфологии является лексическая категория. Под лексическими категориями понимаются «такие языковые единства наиболее общего характера, которые проявляются в семантическом противопоставлении по определенному признаку двух или более слов, при том условии, что такое же противопоставление наблюдается и в других парах или больших группах слов и имеет систематическое выражение» [8].

Под компаративностью мы понимаем категорию, обладающую качественно-количественной семантикой и основанную на сравнении, устанавливающем равенство или неравенство объектов.

Компаративность, понимаемая как категориальное явление, охватывающая различные типы и случаи сравнения, выступает как следствие оценки внеязыковой сущности со стороны субъекта речи. Являясь средством категоризации оценок явлений и объектов предметного мира, компаративные единицы номинации также отражают национальную картину мира носителей языка и социолингвистическую обусловленность их коммуникативного поведения. Поэтому компаративность как объект номинации в языках различной структурно-типологической принадлежности представляется широкой и перспективной областью этнолингвокультурного исследования.

Практический интерес к данным исследованиям вызван двумя причинами. Во-первых, сопоставительные лингвистические исследования способствуют выявлению причин межъязыковой интерференции и способов ее устранения при обучении иностранному языку. Во-вторых, данные исследования используются для выявления основных способов передачи грамматических значений при переводе, что помогает развитию практической теории перевода.

Подробное описание применения метода индексирования для изучения категории компаративности представлено в диссертационном исследовании «Категория компаративности в разноструктурных языках (на материале английского, русского и немецкого языков)». В данной работе ограничимся описанием основных результатов исследования. В методологический аппарат исследования включаются 3 индекса:

- индекс синтетизма - s/n, где s – число синтетических форм выражения компаративности, n – общее число случаев употребления компаративности в анализируемом языковом материале;
- индекс аналитизма - a/n, где a – число аналитических форм выражения компаративности, n – общее число случаев употребления компаративности в анализируемом языковом материале;
- индекс супплетивизма - sup/n, где sup – число супплетивных форм выраже-

ния компаративности, n – общее число случаев употребления компаративности в анализируемом языковом материале.

Анализ языкового материала показал, что наибольшее значение индекса синтетизма наблюдается в немецком языке (0,71), наименьшее – в английском языке (0,41), что соответствует типологическим характеристикам данных языков. Индекс аналитизма в русском языке на 0,02 превышает индекс аналитизма в английском языке, что можно объяснить характерной для английского языка одноморфемностью. Наиболее высокий индекс супплетивизма (0,29) наблюдается в немецком языке, наиболее низкий – в русском (0,21). Это можно объяснить отсутствием в немецком языке показателей индекса аналитизма. Следует отметить, что все вычисления проводились на материале текстов художественной прозы (романов Д. Брауна и их переводов на русский и немецкий языки). Количественные данные представлены в таблице:

Индекс синтетизма			
	русский язык	английский язык	немецкий язык
средний	0,46	0,41	0,71
минимальный	0,33	0,31	0,60
максимальный	0,56	0,56	0,79
Индекс аналитизма			
	русский язык	английский язык	немецкий язык
средний	0,33	0,31	-
минимальный	0,24	0,20	-
максимальный	0,45	0,38	-
Индекс супплетивизма			
	русский язык	английский язык	немецкий язык
средний	0,21	0,28	0,29
минимальный	0,15	0,17	0,21
максимальный	0,28	0,39	0,40

Категория компаративности тесно связана с категорией качества. Категория качества является одной из базовых категорий и изучается наукой с разных точек зрения. Аристотелем было создано учение о категориях как основных типах, к которым может быть отнесено все многообразие высказываний о сущем. Среди восьми основных категорий Аристотель выделял категорию качества. Возможными контекстами данной категории являются следующие: наличие либо отсутствие врожденных, исходных способностей и характеристик; наличие как преходящих, так и стабильных свойств; свойства и состояния, присущие вещи и явлению в процессе их существования; внешний облик вещи либо явления. Вполне закономерным можно считать то, что подобная широкая семантика качества вызывала интерес не только философов, но и лингвистов, так как средства выражения качества воспринимаются как элементы языковой картины мира.

По мнению А.В. Бондарко, «термин «качественность» обобщает в субстантивной форме все разнообразие возможных отношений предметов мысли, находящих языковое выражение, к явлениям, обозначаемым как качество». Функционально-семантическое поле качественности является полицентрическим и характеризуется расщеплением на два центра – атрибутивный и предикативный. Далее в статье речь будет идти об атрибутивной качественности.

Данная категория также может быть описана при помощи метода индексирования.

М.Г. Зоранян, вслед за Э.Г. Валиевой, говорит о таких основных средствах реализации категории качества, как адъективная и субстантивная категориальные формы. При этом субстантивная форма

рассматривается как производная от адъективной.

Наибольший интерес, с данной точки зрения, представляют словообразовательные средства выражения качества, в частности, определенный инвентарь суффиксов. Под суффиксом традиционно понимается выделяющаяся в составе словоформы послекорневая аффиксальная морфема. Использование суффиксов «подводит лексическую единицу под более широкую грамматическую категорию» по сравнению с исходной лексической единицей.

Суффиксы, выражающие качество, образуют ряд словообразовательных типов. Под словообразовательным типом мы, вслед за Т.А. Гридиной и Н.И. Коноваловой, понимаем абстрактную схему образования новых слов, характеризующуюся тремя компонентами:

1) общностью частеречной принадлежности;

2) общностью форманта;

3) общностью значения.

Лексикографические данные об использующихся суффиксах русского и немецкого языков представлены в таблице:

	имя существительное		имя прилагательное	
русский язык	всего	30	всего	17
	продуктивных -анка, -ец, -изм, -ик, -ка, -ничество, -ость, -ство	8	продуктивных -авый, -альный, -астый, -атый, -ащ, -ем, -оньк, -ительн, -ичный, -оват, -овит, -очн, -ущ	13
	непродуктивных -ан, -ач, -ашк, -ева, -ей, -ень, -ье, -ие, -изна, -ина, -ишк, -ня, -нность, -ота, -ствие, -уля, -ух, -уш, -чак, -ыш, -яга, -ятина	22	непродуктивных -есн, -ний, -овн, -юсеньк	4
немецкий язык	всего	49	всего	39
	продуктивных -chen, -ei, -elchen, -ens, -enz, -er, -erei, -erie, -ern, -esse, -eur, -geist, -hals, -hans, -hase, -heit, -ian, -keit, -knecht, -kopf, -lappen, -ling, -maul, -lust, -meier, -mensch, -michel, -mut, -nar, -ner, -ochse, -peter, -sack, -schwester, -seele, -sucht, -suse, -tat, -tier, -trine, -vogel, -weib	39	продуктивных -ar, -arm, -artig, -bar, -ell, -en, -ent, -fertig, -formig, -frei, -ig, -isch, -iv, -lustig, -massig, -os, -selig, -sinnig, -suchtig, -widrig, -voll, -mutig	34
	непродуктивных -inus, -ion, -bold, -de, -elle, -on, -or, -ot, -rich, -ser	10	непродуктивных -esk, -ett, -haftig, -id, -il	5

Для сопоставительного квантитативного анализа нами были отобраны стословные тексты газетно-информационного характера на русском и немецком языках. Метод типологических индексов был применен с целью выявления частотности употребления суффиксов имен существительных и прилагательных со значением качества. Нами было определено 3 индекса:

- общий индекс суффиксации, рассчитанный по формуле *n/w*, где *n* – число слов с суффиксами, выражающими значение качества, и *w* – общее число слов в тексте;
- индекс субстантивной суффиксации, рассчитанный по формуле *nn/w*, где *nn* – число имен существительных с суффиксами, выражающими значение качества, и *w* – общее число слов в тексте;
- индекс адъективной суффиксации, рассчитанный по формуле *na/w*, где *na* – число имен прилагательных с суффиксами, выражающими значение качества, и *w* – общее число слов в тексте.

В русском тексте общий индекс суффиксации со значением качества составил 0,12, при этом индекс адъективной суффиксации составляет 0,7; индекс субстантивной суффиксации – 0,5.

В немецком тексте общий индекс суффиксации также составил 0,12. При этом индекс адъективной суффиксации составляет 0,6; а субстантивной – 0,6.

В обобщенном виде данные представлены в таблице:

	индекс субстантивной суффиксации	индекс адъективной суффиксации	общий индекс суффиксации
русский язык	0,5	0,7	0,12
немецкий язык	0,6	0,6	0,12

Приведенные выше данные позволяют сделать вывод о значительных совпадениях в образовании адъективной и субстантивной категориальных форм выражения качества в русском и немецком языках.

Как мы видим, метод типологических индексов является эффективным средством описания особенностей употребления тех или иных грамматических категорий. Результаты подобных исследований могут быть включены в практику преподавания теоретических дисциплин в вузах, например, таких как «Сравнительная типология», «Сопоставительная грамматика», «Морфология».

1. *Арапов М.В. Квантитативная лингвистика. М., 1988.*
2. *Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М., 2009.*
3. *Баранов А.Н. Введение в прикладную лингвистику. М., 2013.*
4. *Бондарко А.В. О структуре грамматических категорий (Отношения оппозиции и неоппозитивного различия) // Вопросы языкознания. 1981. № 6. С.17–28.*
5. *Гридина Т.А., Коновалова Н.И. Современный русский язык. Словообразование: теория, алгоритмы анализа, тренинг. Изд. 3. М., 2009.*
6. *Гринберг Дж. Квантитативный подход к морфологической типологии языков. Новое в лингвистике. Вып. III. М., 1963. С. 60–94.*
7. *Зоранян М.Г. Синтагматика категории уподобления как социолингвистическая проблема: дис. ... канд. филол. наук. М., 1984.*
8. *Зуев А.Н. Молчанова И.Д. Словарь словообразовательных элементов немецкого языка. М., 2001.*
9. *Смирницкий А.И. Морфология английского языка. М., 1959.*
10. *Теория функциональной грамматики. Качественность. Количественность / Т.Г. Акимова, В.П. Берков, А.В. Бондарко [и др.]. Рос. акад. наук, Ин-т лингв. исслед. СПб., 1996.*
11. *Цыганенко Г.П. Словарь служебных морфем русского языка. Киев, 1982.*

С.Ю. Дубровина
S.Yu. Dubrovina

ОБЩИЕ ОСОБЕННОСТИ И РАЗЛИЧИТЕЛЬНЫЕ ПРИЗНАКИ ФОНЕТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ ТАМБОВСКИХ ГОВОРОВ

(Издание статьи осуществлено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 13 – 04 – 00017)

GENERAL DISTINCTIVE FEATURES AND CHARACTERISTICS OF TAMBOV DIALECT PHONETIC SYSTEM

В настоящей статье на примерах диалектных записей автора статьи исследуются отличительные системные характеристики тамбовской фонетики – качество просодии (словесного ударения и интонации), тип ритмической структуры слова, особенности «тонической силы» ударного и безударных гласных, аканье и редукция гласных, развитие эпентетических гласных. Отдельно рассматривается функционирование протезы как отрезка речевого потока в начале слова.
Ключевые слова: *русский язык, русские диалекты, тамбовские говоры, фонетика говора, интонация, ударение, суперсегментные единицы речи, вокализм.*

In this article in terms of author's dialect field recordings are investigated specific system characteristics of Tambov phonetics: prosody feature (wordage accent and intonation), rhythmic structure word type, stressed and unstressed vowel "tonic power" feature, "akanye" and vowel reduction, epenthesic vowel extension. Separately is considered a functioning of prosthesis as word stream parting at the beginning of word.
Key words: *Russian language, Russian dialects, Tambov portois, dialect phonetics, intonation, accent, supersegment word units, vocalism.*

На карте диалектного членения русского языка бытующие в пределах русского языка на территории европейской части России тамбовские говоры входят в Рязанскую группу ЮПП 1, находящуюся в составе восточной зоны южнорусского наречия. Новейшие типологические исследования русских говоров, основанные на методике таксономического анализа, выделяют тамбовские говоры в отдельный тамбовский диалектный тип со своими типоопределяющими признаками и своим числовым показателем – ЮП 21 [16, 95; 117; см. также 9]. По классификации русских говоров Н.Н. Пшеничной, «говоры Тамбовского диалектного типа занимают восточную часть территории, относящейся к Рязанской группе диалектного членения» [16, 176].

Исторически территория современной Тамбовской области вплоть до XVII века представляла собой незаселенное, необжитое Дикое поле – степь, лежавшую за юго-восточной границей России и заселенную потомками волго-окских племен и угро-финнами. В своих трудах известный тамбовский краевед И.И. Дубасов

неоднократно отмечал, что аборигенами тамбовского Дикого поля следует считать потомков древнего племени вятичей [4]. Активное заселение Тамбовского края, связанное с государственной стратегией расширения и укрепления Московии, начинается в конце XVI – начале XVII вв. и привлекает огромное количество переселенцев – служивых людей, беглых, «утеклецов» и «бродников» из самых разных областей, прежде всего, центральных и северных. Возникшие здесь веси и поселения играли роль крепостей и укреплений Московского государства. Первоначально центральное значение играл северный город Шацк (сегодняшняя территория Рязанской области). В 1636 году закладывается основание Тамбова, ставшего впоследствии губернским городом, и строится город Козлов (ныне Мичуринск). С 1780 года обширная территория южно-русской «украйны», часть которой составляет современная Тамбовская область, вошла в состав России, а с 1796 года стала именоваться губернией.

Коренное языческое население мордвы, мокши, черемисов, эрзя подверглось сильной русской языковой и этнической ассимиляции. Местное население длительное время сохраняло черты старого быта и уклада. Процесс ассимиляции аборигенов был постепенным, в языковом отношении представлявшим на этапе XVIII – середины XIX вв. смешение угро-финских и русских элементов. Лингвистический интерес, к примеру, представляют записи мордовских заговоров, демонстрирующие вкрапление русских слов и выражений в преобладающую мордовскую речь [25]. Безусловно, было и обратное культурное и языковое влияние угро-финского населения на русское, что отражалось, например, в традиционном костюме крестьян, в топонимии и гидронимии области [6, 7].

Колонизационные процессы происходили на фоне языкового диалектного взаимовлияния, что отражалось в фонетике, акцентологии, морфологии и синтаксисе тамбовских говоров. Смешение говоров могло отразиться на разных языковых уровнях. Но особенно наглядно оно проявляется в наиболее открытой системе лексики,

В дальнейшем, в связи с миграционными процессами заселения северо-западных и восточных районов края, влияние русского языка значительно расширилось и вытеснило на периферию угро-финские и тюркские элементы.

Говоры разных районов Тамбовской области имеют ряд различительных признаков, противопоставленных друг другу. Например, отдельная лексема может иметь в одних районах форму женского рода, а в других – мужского (по наблюдениям Л.Н. Клоковой, в Сосновском, Бондарском, Инжавинском, Тамбовском районах говорят *полотенце*, а в Мордовском, Тамбовском, Гавриловском – *полотенец*), причем местное население вкладывает в эти слова существенные смысловые различия [13, 37–44].

При подаче материала мы старались сохранить фонетические, морфологические и другие черты местного колорита, всегда следуя принципу точного указания на место записи.

Суперсегментные признаки, просодия.

Наиболее устойчивыми, характеризующими речь признаками принято считать особенности суперсегментных единиц – более крупных единиц речевого потока. Наиболее подробное освещение проблемы фонетики и просодии южнорусских говоров получили в настоящее время в работах Р.Ф. Касаткиной [10, 11, 12].

По нашим наблюдениям, в тамбовских диалектах суперсегментные признаки фонетических единиц выражены следующими особенностями:

– слабым примыканием в слоге,

– появлением регулярных пазвуков в конце синтагмы,

– контрастом по ударности-безударности гласных,

– выделенностью ударного слога.

Сюда же следует отнести вставные гласные перед плавными, которые усиливают эффект распадения речевой цепочки на открытые слоги (*в^{а}лас'т', п^{а}лахо'й, т^{а}рава'*).

Контраст по ударности-безударности создает такие условия сильной позиции гласных, при которых сильная позиция удерживается независимо от ограничений, касающихся консонантного окружения. Как известно, Р.И. Аванесов считал «сильным положением для фонем такое положение, в котором ее звуковое качество в наименьшей степени обусловлено позицией» [1, 39]. При этом ученый определял сильную позицию для гласных фонем как позицию под ударением не между мягкими согласными, относя это заключение к любому диалекту и к литературному русскому языку [То же, 39–58; раздел «Вокализм. Гласные ударенного слога. Сильное положение для гласных фонем русского языка в его говорах»].

Интонация южного наречия, к которому относятся тамбовские говоры, характеризуется напевностью, плавностью, отсутствием ритмизации речевого потока. Это связано с тем, что в южнорусских говорах «имеется ярко выраженный центр интонационной конструкции, характеризующийся движением тона и увеличенной интенсивностью и длительностью ударного гласного одного из слов. Этот центр подчиняет себе как просодические, так и сегментные свойства звуков, составляющих периферию данной интонационной конструкции» [15, 19].

Во внутрисловных консонантных группах проявляются вставные гласные, усиливающие эффект распадения речевой цепочки на открытые слоги: [баро´т°ка] (Илье на бородку [ил'йэ´ нъˆ барот°ку]), [г^{а}лава´] ʻкупол церкви', [сачэ´в°н'ик] ʻдень накануне Рождества'. Ср. также произношение *амаво´н* вм. «амвон». Просодика тамбовского диалекта построена таким образом, что регулярно в конце синтагмы появляются гласные пазвуки, придающие речи растяжность и плавность. Сохраняется старое общеславянское требование внутрислогового нарастания звучности.

Исходя из указанных примет диалектной просодии, мы наблюдаем произношение [п^{а}сал]ти′рь, [п^{ы}′сал]тырь ʻкнига псалмов царя Давида', где развитие гласного призвука этимологически не оправдано, т.к. оно происходит на месте греческого звука ψ – «пси». Закон возрастающей звучности нарушается последовательностью звуков первого слога: [п], глухой смычный взрывной, за ним следует [с], щелевой свистящий, затем гласный [а]. Известно, что взрывные являются более звучными, чем фрикативные, поэтому в целях устранения «противозаконного» следования менее звучного за более звучным диалект допускает развитие вставного гласного после [п], что соответствует принципу восходящей звучности. В тамбовских говорах и просторечии мы наблюдаем ***пы**салтирь, п**а**салтырь*. Ошибаясь в орфографии, тамбовские жители могут написать ***по**салтирь* (такое написание приходилось наблюдать у учащихся).

В ответе информантки о приготовлении кутьи на Рождество встречаем ту же просодию вставного гласного, усиливающую плавность речи: *«Варили кутью ис п^{ы}шаницы [пышан'и´цы] с мёдом»* (д. Ржевка мичур. тамб.).

В бытовых ситуациях общения (в магазинах, на центральном рынке Тамбова) приходилось слышать: «– Возьмите, пожалуйста *мазочку*! [ма´з^{а}чку] – Что? – Ну, *маз**о**чку*, маски делать» (речь шла о косметической маске для лица). В данном случае вставка гласного в начальной группе согласных приводит к тому, что вокальная эпентеза образует первый предударный слог, но она возможна и в других позициях: *п^{ы}лохая, с^{ъ}валил, ув^{ы}лёк*. «В говорах юго-восточной зоны начальная группа согласных часто разделяется вставными гласными»; это связано с утратой слоговости у первых гласных [18, 24].

Аналогичное произношение «вставного» гласного в имени *Климент – [К^{о}лимент]* мы записали в 2004 году в с. Глуховка Гавриловского района. Имя *Климент* малоизвестно, забыто, воспринимается как архаичное и «церковное». Жители села произносят его в соответствии с нормами своей фонетической синтагматики – [*К^{ъ}ли′м'энт*]. Но не только сельские жители сохраняют такое произ-

ношение, оно свойственно и городским жителям областного центра. Однажды нам попалась аудиозапись книги богословского содержания, которую студентки, жительницы г. Тамбова, находясь в селе на практике, записали для себя, продиктовав на диктофон. Обладательницей книги являлась старая жительница села Глуховка. Девушки произносили: «…книга напечатана по благословению епископа Колимента Калужского и воро′вскога» [в книге: Боровскаго с окончанием –аго].

Произносят *цилинд**о**р [цыл’и′нд^{о}р]* вм. лит. «цилиндр» с вставным гласным, *вене′чик [в’ян’э′ч’ик]* вместо лит. «венчик» ‘кропило’, где вставной гласный становится даже ударным.

В системе согласных проявляется их вокализация в положении между гласными (*тра**б**езная* вм. лит. «трапезная»).

Интересны факты, свидетельствующие о сохранении исторического стремления слогов к возрастающей звучности и открытости. О растяжной просодике южнорусской речи свидетельствуют случаи, когда устраняются закрытые слоги: *бышлага* вм. лит. «обшлага», где начальное «о» в диалекте устраняется, изменяет местоположение и переходит в редуцированное [ы].

Вокализм. Аканье и редукция гласных.

Для тамбовских говоров, как и для всех говоров восточной зоны южнорусского наречия, характерен пятифонемный состав вокализма. В говорах представлено аканье недиссимилятивного типа и ассимилятивно-диссимилятивные типы яканья после мягких согласных. Коренные жители Тамбовской области живо осознают «акающую» особенность своей речи. Народную характеристику тамбовского аканья (правда, на ударном примере) нам пришлось однажды услышать в д. Княжево Моршанского района от самих информантов. «Мы говорим всё на – Я!», – подметила информантка 1906 г.р. и тут же привела свой пример: *дь**я**′кан.* (Пример, акцентирующий фонему ‹а› в ударном слоге, не является, по понятным лингвистическим причинам, показателям аканья и значителен в этом смысле для диалектоносителя).

В южных говорах интонационная конструкция подчинена движению тона с увеличенной интенсивностью к ударному слогу, который является главным центром синтагмы. Этот центр становится доминирующим в результате центробежной направленности сонантов к ударному слогу и подчиняет себе просодические свойства «периферийных» гласных. Возникает сильная редукция гласных в слабом положении.

В южнорусских говорах рязанского диалектного типа во 2-м предударном слоге гласный сильно, «до нуля», редуцируется: тамб. *прас′ук, увари′ть* (ср. лит. *поросенок, говорить)*; из интересующей нас лексики отметим сильно редуцированный вариант названия праздника Рождества Господа Иисуса Христа – *Ржд*ство *[ржд’аство′]*, бондар. тамб.: «На Рждство бегали по домам, калядить» (с. Кулички тамб.).

В заударных слогах редуцируются гласные в названиях таких церковных праздников, как Сретение, День памяти сорока мучеников севастийских (общеупотр. – Сороки), Радуница: *Встре′тни* наряду со *Встре′тенье*; *Со′рки* (от «со′рок», вариант *со′роки*); *Ра′дваница*, инж. тамб. вместо лит. Радуница (*пасля′ Пасхи на третий день Ра′дваница*).

Редукция возможна даже для гласного [у], не подвергающегося, как известно, качественной редукции в литературном языке и сохраняющего свою противопоставленность в литературном языке и окающих диалектах в заударных слогах. В районах Тамбовской области можно услышать *пролубь // прол^{у}ба → пролба ’прорубь’*, где [у] → [ъ] → «нуль звука» (про′лубь → про′лъб’ → про′лба). Способность [у] к редукции проявляется также в неразличении I и II спряжения глаголов в форме 3 л. мн. ч., в которой «обобщаются» окончания глаголов 3 л. мн. ч. –’ут и –’ат (*сглазють, крестють наряду с кстять, носють, дышуть, видють*). Все эти условия позиционной мены способствуют ослаблению оппозиции

[у//ъ], [у//другие гласные] в южнорусских и, в частности, в тамбовских говорах.

Противопоставление нелабиализованного гласного неопределенного тембра [ь] лабиализованному гласному [˙у̯] в окончаниях глаголов оказывается единственным устойчивым в литературном языке и важной отличительной чертой северных «окающих» говоров, которым не свойственно общее спряжение глаголов.

Реализации гласных [у, ы] касается еще одна важная особенность тамбовского диалекта. В тамбовских говорах существует тенденция к замещению гласных среднего и нижнего подъема в позиции после твердых согласных гласными с низкими тембральными характеристиками [у], [ы], что дает произношение *арт**у**с,* п**ы**намарь, *Свят**у**й Дух, гнёзд**у**шка* (в поговорке на Благовещение *Птичка гнёздушка не вьёт,* морд.); также *с**ю**нушна* ‘всенощная’, *за'гв**ы**нья наряду с за'г**ы**в**ы**нья* ‘заговение’. Ряд замещений фонем [а, о] посредством [у, ы] обычен в повседневной диалектной речи – *п**у**купалси ‘покупался’ (3 ед.), н**ы**кунались ‘накунались’ (3 мн.), дев**ы**чка ‘девочка’.* Имеются факты замещения [ы] на [у]. В записанных нами текстах «овсеня» на Васильев день славится хозяин и «его жёнушка, *красносолн**у**шка*» (Никифоровский, Уваровский районы).

Сильная редукция заударных гласных в акающих говорах приводит к полному исчезновению первого заударного гласного.

В связи с этим приведем текстовые иллюстрации. «Тахда фсе гавели. Даже нивзирая на рибятишкаф. Значить, загавели на мясную *за´гвынью*, и да этава фсе» (с. Носины морш.). «Сабо<u>рв</u>ають кахда чилавек уже при смь рти. Забалеить – пазаву´ть причастию. К курятам выйдуть, малитву пачитають» (с. Носины морш.). «*Сабо<u>рв</u>ають* – как хто плахой. Этът помир и пъсаборвать ни успели. Посля´ *сабо´<u>рв</u>ыньи причастия*» (д. Стежки сосн.). В данных примерах в словах «соборование» (*сабо'рванье*), «соборуют» (*сабо'рвають*), «заговенье» (*за'гвынья*) в заударной позиции [ъ] переходит в нуль звука. Следующий за исчезнувшим гласным слог расширяется по звучности, и 2-ой заударный гласный не ощущается как редуцированный, а становится гласным полного образования: собо´р[в<u>а</u>ют’], собо´р[в<u>ы</u>ют’].

В других случаях возможно исчезновение второго заударного слога, несмотря на позицию конца слова, усиливающую конечный гласный. Так, в предлоге «около» – *около [о´кълъ°] → окол [о'кол] → окъл [о´къл]* до нуля редуцируется конечный гласный [о]: «-Кто такой ангел-хранитель? – Он находится *окол* нас с правой стороны, это Господней ангел» (с. Челнаво-Рождественка сосн.). Другой пример полной редукции ‹о› в заударной позиции в этом же предлоге: «Ате′ц Никалай *о´кла* кры′льциф и Бо′жа Мать» (с. Новотомниково морш.).

Протеза гласных.

Развитие протетических звуков в начале слова перед гласными имело, как известно, широкое распространение в ряде славянских языков. В русском языке последовательно развивался протетический [j] перед начальными [а], [э]. Начальный [j] перед гласным [э] у восточных славян был рано утрачен. По этому поводу Н.Д. Русинов пишет: «Следует заметить, что переход *je* в *о* совершался, видимо, на очень ранних ступенях развития древнерусского языка, когда он еще не окончательно обособился… Во всяком случае, начальные *je* изменились в указанных условиях в *о* у восточных славян до появления дошедших до нас памятников древнерусской письменности, так как уже в самых ранних из них встречается начальное *о* из *je* (*олень* – «Поучение Владимира Мономаха»; *озеро* – «Златоструй»; *осень* – Синодальный список Новгородской I летописи» [17, 60]. В южнославянских языках средненебный [j] развивался перед [у] (ст. слав. югы, юноша, ютро, юже). «В русском языке, кроме союза *а* и междометия *ах*, откуда *ахать, ахнуть*, нет слов, которые начинались бы с гласного [а] и при этом не были бы заимствованными; однако, в старославянском языке случаи с [j] перед начальным [а] сильно ограничены» [24, 53].

Диалекты русского языка отражают это фонетическое явление за счет протезы не-йотового характера. Южнорусским говорам свойственно развитие протетического [и] либо [а] в начале слова перед сочетаниями согласных (*аржаной, иржать).* По нашим наблюдениям, тамбовским говорам более свойственно развитие протезы [а] *(альняной, аржаной)* и замена начального [и] на [а] (*Арина* вм. *Ирина)*. Христианская лексика дает нам один подходящий случаю пример: *оскоромное [аскаро´ннайа], оскоромиться [аскаро´м'ица]* при литературном «скоромное» от др.-русск. *скоромъ* «жир, масло, скоромная пища» из праслав. **skormъ* 'жир' [22, III, 652]. Еще один типичный пример из фонетики предлогов касается развития протезы в диалектном произношении предлога «после»: «– Бывают ли послабления грешникам в аду? – *Апасля* Христова-то Васкрешения им, грешным душам, дается нядельнай срок на пасяще´нья и апще´нья ссро´тсвинниками» (д. Кузьмина Гать Тамбовского района, 2000 год). Вариант предлога *посля [пасл'а´]* (диал.) развивается в *апосля [апасл'а´]* с протезой [а].

Сходное фонетическое явление отмечено В.И. Далем в диалектах полосы Черноземья и на Рязанщине. Речь идет о названии *аспожка, аспоженка*, употребляющемся в значении 'день Успения Богородицы' или 'Третий Спас', 15 августа по ст. ст. В диалектах с ним связаны и другие значения – название всего Успенского поста, первых двух недель августа и всех трех спасов. У В.И. Даля: «Аспо´жка ж. *кур., орл., вор.* А´спос м. А´спо´сов день, спо´сов день *ряз.* оспо´женка, госпо´женки [госпожи´нки], большая-пречистая, успение Пресвятой Богородицы, третий Спас, 15 авг.; также весь Успенский пост, первые две недели августа и все три спаса; это первые осенины, первая встреча осени» [3, I, 68–69].

Возможно, словообразование восходит к первоначальному «Спас» через промежуточное ***А´спос***, отмеченное Далем (А´спосов день ряз.). Если включить пример Даля в деривационную цепочку, то она будет выглядеть следующим образом: *Спас → А´спос → спо´сов-день, а´спосов-день.*

Однако, учитывая прагматичность народного календаря и тесную привязку его к циклу земледельческих работ (а время Успения совпадает с уборкой урожая), логично соотнести южнорусское *аспожка* с глаголами «жать», «спожинать», и в этом случае цепочка деривации будет выглядеть таким образом: *жать → диал. спожать, спожинать → ряз. → аспо´жка ж. кур. орл. вор., оспоженка ряз.* Нам удалось подтвердить рязанский пример записью из Сосновского района нашей области, где был записан вариант без протетического [а] – *Спажин день [Спажын^д'э´н']* в значении 'день Успения Богородицы' (д. Верхняя Грязное, Троицкая Вихляйка сосн. тамб., запись 2001 г.).

Народ сближает рядом стоящие по срокам праздники *Третий Спас* и следующее за ним *Рождество Богородицы*, одинаково называя их. По этому поводу В.И. Даль замечает: «На юге зовут *пречистою* и *госпоженкою* также малую-пречистую, рожд. Богородицы, 8 снтб., да еще местами путают *аспос* и *спас*, *госпо´женки* и *спожи´нки*, словно по троякому производству, от *Спас*, *Госпо´женка* и *спожинки* (см. Семен-день и Спас)» [3, I, 69].

Протетическое [а] в русских диалектах отражает словарь семейских Забайкалья: **а**вторник 'вторник', **а**где 'где': «*У нас у Бягу´ри многа слоў на «а» – awто´рник, амува´льник, агаро´х*; *Агде´ана смерть-та заблудилась?*» [20, 21]. Забайкальский вариант интересен в нашем случае тем, что в числе переселенных в 17–18 вв. в Забайкалье и Башкирию староверов были выходцы из Тамбовского края [14; 21, 4; 4; 5, 335–350]. В СРНГ: «**А**гаро′х. **О**горо′х» [19, в. 1, 200].

Интересный пример развития протетического [в] можно наблюдать при воспроизведении Символа веры (запись из с. Донское Тамбовского района, в Сосновском, Первомайском районах). Произносят и читают: «и взашедша на небеса, и сядяща ***водясную*** отца». Привлекает внимание церковнославянское наречие → *водесную [вад'исну´йу]*, в котором раз-

вился протетический [в] (из *ŭ) перед старым гласным [ъ] (запись из с. Донское Тамбовского района, также сосн., первом).

В ряд сопоставлений с праславянским чередованием наличия начального [в] в корне слов // его отсутствия (ст.-слав. вопль и вызопити, навыкнжти ’учиться’ и наука); входит и тамбовское диалектное *понавумленный* при вариативном произношении имени *Наум // Навум*, литературном произношении фамилии *Наумов*. Лексема *понавумленный* встречается в материалах, свидетельствующих о дне памяти пророка Наума (14 декабря), когда детей отдавали в учебу.

Пример протезы мы наблюдаем также в существительных, обозначающих прорубь, вырубаемую в реке на Крещение, – *воердань, воерданье*. Ср. также *аукать* и диал. *авукать*.

В других случаях мы видим, напротив, исчезновение начальных гласных в словах церковной тематики.

В слове *аналой* наблюдаем исчезновение начального гласного [а]: *«Водять крух налоя» (*станция Селезни тамб.*); «Вазля´ нало´я во´дять три раза´»* (д. Тишининовка инж.). Произношение *налой* следует, видимо, рассматривать как развитие процесса вокализации в словах особой, книжной стилистики. В том случае, если диалектоносителем осознается невозможность развития протетического [j] перед начальным [а] (гипотетическое *янало'й*), диалект, свободный в средствах своего выражения и направленный на удобство пользователя, отбрасывает начальное [а] целиком. Сравнение с другими церквнославянизмами этого плана (авити – ъявити, агнец – *ягненок,* агода – *ягода,* азы – *яз*) не принимается в расчет, так как слово «аналой» имеет однозначную семантику, маркированную в дискурсе храмовой среды.

Вариант «налой» без начального [а] встречается в русских духовных стихах: «Эта книга не малая, эта книга великая; на руках держать – не сдержать будет, *на налой* положить Божий – не уложится» [23, 36].

Отмечена утрата начального [и] в слове *коностас* (лит. иконостас): *У нас говорят коностас, аналой не говорять* (Вторые Левые Ламки сосн.).

Исчезновение начального [а] обычно в южнорусском произношении «бытового» слова «огород»: тамбовское, елецкое *город [γаро´т]*.

Можно предположить, что в южнорусских говорах начальные гласные [и], [о] могут восприниматься как имеющие приставочный характер. Случай с *иконостасом* (диал. *коностас)* поддерживается фонетической аналогией с утратой начального [jь] после падения редуцированных в украинском, белорусском языках: *голка, грати.*

Таким образом, явление начальной протезы и протетических вставок в начале слова, свойственное древней исторической стадии русского языка, обнаруживается в живой диалектной речи и на современном этапе, проявляясь в различных лексико-семантических группах лексики. Являясь вспомогательной ступенью развития вокализации гласного в синтагме, оно отражает изначально заложенную в природе славянских языков тенденцию к возрастающей звучности внутри слога.

Фонетическая основа утраты [j] как явления, повсеместно представленного перед [у], [э] в древнерусском языке, возможно, была связана с меньшей напряженностью звонких согласных, к которым принадлежал [j], что, в свою очередь, было обусловлено системной перестройкой и утратой доминантного значения самого признака.

Интересные примеры сохранения явления протезы и системной адаптации обнаруживает лексика, отражающая вероучение, практику и идеи христианства в русских диалектах. Так, начальное [jэ], повсеместно утраченное (олень, озеро, один, ольха, ёж …), представлено в лексике этой группы (едемский сад, енизаретское озеро, ефимоны). Возможно развитие звучности в начале слова за счет [и] – *Изосима Саввaтей* (святые Зосима и Саватий).

1. *Аванесов Р.И. Очерки русской диалектологии. Часть 1. М., 1949.*
2. *Высотский С.С. О звуковой структуре слова в русских говорах // Исследования по русской диалектологии / Отв. ред. С.В. Бромлей. М., 1973.*
3. *Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х тт. Репринтное воспроизведение издания 1903–1909 гг. М., 1994.*
4. *Дубасов И.И. Очерки из истории Тамбовского края. М., 1883, вып. 1. М., 1883, вып. 2. М., 1884, вып. 3. Тамбов, 1887, вып. 4. Тамбов, 1889, вып. 5. Тамбов, 1897, вып. 6.*
5. *Дубасов И.И. Очерки из истории Тамбовского края. Тамбов, 1993.*
6. *Дубровина С.Ю. Поверья и обычаи финно-угорских племён на территории юго-восточной российской «украйны» (XVII век) // Духовная культура: Проблемы и тенденции развития: Тезисы докладов Всерос. науч. конф.11–14 мая 1994 г. / Отв. ред. Т.Я. Гринфельд. Сыктывкар, 1994. С. 28–29.*
7. *Дубровина С.Ю. Женский мещерский костюм на Тамбовщине // Живая старина. 2001. № 1 (29). С. 42–45.*
8. *Диалектологический атлас русского языка. Центр Европейской части СССР. В трех вып. / Под ред. Р.И. Аванесова, С.В. Бромлей. Вып. I. Фонетика. М., 1986.*
9. *Захарова К.Ф., Орлова В.Г. Диалектное членение русского языка. М., 1970.*
10. *Касаткина Р.Ф. Просодия русских говоров // Просодический строй русской речи / Отв. ред. Т.М. Николаева. М., 1996.*
11. *Касаткина Р.Ф. Южнорусское наречие. Новые данные // Вопросы языкознания. 2000. № 6. С. 98–109.*
12. *Касаткина Р.Ф. Заметки о южнорусской интонации // Материалы и исследования по русской диалектологии. I (VII): К 100-летию со дня рождения Р.И. Аванесова / Отв. ред. Л.Л. Касаткин. М., 2002.*
13. *Клокова Л.Н. Категория рода в говорах Тамбовской области // Материалы к лингвофольклорному атласу Тамбовской области. Тамбов, 1999. С. 37–44.*
14. *Падучев П. О тамбовской старине // Издание постоянной комиссии народных чтений. 2-е изд. СПб., 1902.*
15. *Пожарицкая С.К. Русская диалектология: Учебник. М., 1997.*
16. *Пшеничнова Н.Н. Типология русских говоров. М., 1996.*
17. *Русинов Н.Д. Древнерусский язык. М., 1977.*
18. *Русская диалектология / С.В. Бромлей, Л.Н. Булатова, О.Г. Гецова // Под ред. Л.Л. Касаткина. М., 2005.*
19. *Словарь русских народных говоров / Гл. ред. Ф.П. Филин; ред. Ф.П. Сороколетов. Вып. 1–43 // АН СССР. М-Л.: Наука, ЛО, 1965–2011.*
20. *Словарь говоров старообрядцев (семейских) Забайкалья / Под ред. Т.Б. Юмсуновой. Новосибирск, 1999.*
21. *Тамбовская губерния: Список населенных мест по сведениям 1862 года / Обработан А. Артемьевым. СПб., 1866.*
22. *Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / Пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева; под ред. Б.А. Ларина. М., 1986.*
23. *Федотов Г.П. Стихи духовные: Русская народная вера по духовным стихам. М., 1991.*
24. *Хабургаев Г.А. Старославянский язык. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1986.*
25. *Чигин С. Мордва – мокша: Очерк (религиозные верования, песни) // Архив РГО. 40. № 39. СПб.,* 1903. *(Спасский уезд Тамбовской губернии, село Анаево).*

Сокращения:

г. – город
д. – деревня
диал. – диалектное
инж. – Инжавинский район Тамбовской области
мичур. – Мичуринский район Тамбовской области
морш. – Моршанский район Тамбовской области
первом. – Первомайский район Тамбовской области
петр. – Петровский район Тамбовской области
ржакс. – Ржаксинский район Тамбовской области
сосн. – Сосновский район Тамбовской области
тамб. – Тамбовский район Тамбовской области

А.С. Земляная
A.S. Zemlyanaya

ПРОБЛЕМА ПЕРЕДАЧИ ИМПЛИЦИТНЫХ СМЫСЛОВ ПРИ ТРАНСКОДИРОВАНИИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

THE PROBLEM OF TRANSCODING THE IMPLICIT INFORMATION IN THE LITERARY TEXT

Статья затрагивает вопросы имплицитности художественного текста в условиях перевода как межъязыковой и межкультурной коммуникации. Особенности художественной имплицитной информации и персонализированный характер процесса ее транскодирования обусловливают взаимосуществование концептосфер автора, переводчика и реципиента и взаимосвязь имплицитных смыслов, текста и контекста в языковом и культурном пространстве.
Ключевые слова: *имплицитный смысл, транскодирование, художественный текст, контекст, релевантность, межкультурная коммуникация.*

The article touches upon the problem of implicit information in literary translations as a type of interlanguage and cross-cultural communication. The characteristics of implicit connections in literary texts and personalized nature of their transcoding determine the cooccurrence of the author's, translator's and recipient's conceptual views and correlation among the implications, text and context in linguistic and cultural extent.
Key words: *implicit information, transcoding, literary text, context, relevance, cross-cultural communication.*

Современное состояние лингвистической науки предполагает изучение феномена имплицитности в ткани художественного произведения на уровне междисциплинарного подхода: теории языка, культурологии и, в частности, в переводоведении, где на основе антропоцентрического подхода интерпретируется смысл авторских интенций. Перевод как «процесс межъязыковой и межкультурной коммуникации; коммуникация с использованием двух языков, контакт языков, явление билингвизма» [3, 9], с одной стороны, предполагает передачу смыслового наполнения оригинала и может быть представлен многообразием форм. «Effective translation transfers the meaning (semantics) of the source language into the target language and can be achieved by changing the form (lexicon and grammar) of the first language into the form of a second language. The original meaning must stay constant» [14, 40]. С другой стороны, художественный текст накладывает свои универсалии на сущностные стороны процесса «межъязыковой трансформации» [2, 6]: «due to the unique density of the literary texts and the way in which the implicit information is conveyed, the translator of the literary text often finds more difficulties in translating the implicit information of the source text» [15, 27].

Особенностью адекватного транскодирования имплицитных смыслов является взаимодействие субъективных и объективных (фоновых) знаний переводчика для понимания глубинных структур иноязычного текста, прагматических пресуппозиций (общего когнитивного фонда). Импликация, обладая двойной референцией, оказывает влияние на процесс рождения нового смысла. Переводчик при этом основывается не только на свои познания в области семантико-стилистической организации исходного и конечного языков, но также и на познания в области культуры, в которой существует носитель языка. Данным вопросом в своих трудах занимались многие отечественные и зарубежные исследователи (Комиссаров 1999, Чернов 1988, Швейцер 1973, Казакова 2006, Nida 1964, Larson 1984, Meyer 1997, Sperber 1996, Willson 1994).

Размышляя об имплицитной информации в условиях перевода, J. Meyer говорит о том, что благодаря имплицитной информации автор исходного текста получает больше возможностей для передачи всего богатства своих идей, чувств и мировосприятия, которые при этом не обязательно выражаются вербально. Посредством имплицитной информации автор наделяет текст смысловой «плотностью», «содержательностью» [15, 24–37], требуя, таким образом, от реципиента мыслительной «работы» для восприятия всех заложенных смыслов. Федоров в своих работах называет это явление «смысловой глубиной» или «смысловой емкостью» [9, 374]. Однако такая смысловая «плотность» или «смысловая емкость» и особые способы ее реализации в тексте посредством имплицитных смыслов, присущих конкретному автору, требуют от переводчика ряда трансформационных операций при передаче имплицитной информации во вторичном тексте.

Ввиду того, что наличие значительных объемов имплицитной информации характерно для художественного текста, рассмотрение вопросов создания эффективных механизмов декодирования имплицитного содержания наиболее актуально именно в рамках художественного перевода.

Имплицитная информация – «information for which there is no form but which is a part of the total communication intended or assumed by the writer» [14, 38], обладает рядом характеристик, ограничивающих возможность передачи ее в художественном тексте в другом языковом и культурном пространстве. В связи с этим декодирование имплицитной информации требует от переводчика не только языковой, но и лингвокультурологической компетенции.

Неверное декодирование и передача имплицитной информации при переводе может привести к неверной ее интерпретации на языке перевода и, как следствие, двусмысленности или неясности в тексте перевода. Так, в следующем фрагменте из романа Джейн Остен «Чувство и чувствительность»: «He meant not to be unkind, however, and as a mark of his affection for the three girls, he left them a thousand pounds a-piece» – сочетание «three girls» не несет в себе отрицательного коннотативного значения. В русском же варианте перевода: «Впрочем, он вовсе не думал обидеть их и в знак расположения оставил каждой из трех девиц по тысяче фунтов» – сочетание «трех девиц» маркировано отрицательной оценочностью, демонстрируя нам неверную интерпретацию имплицитного содержания иронического контекста и, как следствие, неверную его репрезентацию.

Кроме того, исследования большинства ученых указывают на невозможность абсолютной передачи всех имплицитных смыслов в переводе. «Переводчик декодирует значение каждого слова не только из микроконтекста, как читатель, но привлекает и последующие контексты, знания которых у читателя еще нет. Экспликационная деятельность переводчика проявляется на всех уровнях текстовой структуры...» [6, 47]. Причиной этого становится «разрыв между поступающей информацией и информацией, накопленной в принимающей системе» [7, 48]. В данной связи целесообразно определение параметров соответствия оригинального и переводного текстов. Так Г.В. Чернов

говорит о понятии эквивалентности, называя эквивалентным перевод, «при котором импликативность текста оригинала и текста перевода является совместимой, т.е. когда множество импликатур (единичных импликаций) текста оригинала и множество импликатур текста перевода находятся в состоянии пересечения, а в непересекающихся частях этих множеств нет противоречащих импликатур» [10, 53].

В качестве основного постулата в подходе D. Sperber и D. Wilson в данной связи разрабатывается понятие «релевантности» текста в своей коммуникативной среде, которая и является критерием оценки в передаче имплицитных смыслов в переводе. В своих исследованиях они рассматривают «релевантность» как относительное понятие и размышляют о различиях в степени релевантности исходного и переводного текста для аудитории, являющейся носителем исходного или переводного языка. Соответственно, исходный текст в переводе в любом случае менее «релевантен» для носителей языка перевода, чем оригинальный текст для носителей языка оригинала. Тем не менее, задача переводчика преобразовать исходный текст в такой текст перевода, который должен быть настолько же «релевантным» для носителя языка перевода, насколько исходный текст «релевантен» для носителя языка оригинала [16, 222].

В современном подходе к изучению художественного перевода большое внимание уделяется влиянию культурного элемента на значение и функционирование языка во вторичных текстах, «где постоянно ведется поиск новых путей преодоления языковых и культурных барьеров» [1, 9]. Проблема лингвистического механизма имплицитности предполагает верифицирование параметров контекста. В своей «теории релевантности», к примеру, D. Sperber и D. Wilson как ключевое понятие выделяют «контекст», под которым они нетрадиционно понимают множество понятий и пресуппозиций реципиента о действительном мире, используемых для интерпретации имплицитных смыслов. То, что традиционно трактуется как фоновые знания или картина мира автора. «Context… rather refers to part of the hearer's cognitive environment…, a set of facts that are manifest to him…, not the external physical factors» [16, 39].

E.A. Gutt в поддержку этой идее полагает, что успешная коммуникация в виде «релевантного» перевода зависит от потенциального «контекста», присущего как автору, так и читателю, и достигается при условии совпадения намерений автора и ожиданий реципиента, то есть при совпадении их «контекстов» [12, 240].

Р.К. Миньяр-Белоручев в этой связи вводит понятие «информативного запаса», под которым он понимает «комплекс сведений, которые получает коммуникант, связывая языковой знак с действительностью» и подчеркивает градуированный характер «информационного запаса», говоря об уменьшении экстенсионально-интенсиональных и увеличении импликациональных качеств информации [7, 50]. Закономерно предположить, что именно «информационный запас» с более сильными импликациональными характеристиками составляет трудность для переводчика, так как требует широкого тезауруса на фоне слабой маркированности передающего имплицитную художественную информацию знака.

Важно также отметить, что передача художественной имплицитной информации в переводе не деперсонализированный процесс и тесно связан с личностью как автора, так и переводчика. Переводчик как реципиент текста индивидуально дифференцирует особенности текстовых единиц, определяя их информативность, коммуникативную ценность, имплицитную содержательность и обрабатывает полученную информацию в зависимости от индивидуальных лингвистических экстралингвистических знаний и когнитивных особенностей. «Определение информативности текста возможно только с точки зрения конкретного или потенциального получателя» [7, 75].

Декодирование иноязычного текста предполагает разрешение задач в ситуации требующей сосуществования в тексте перевода ряда концептосфер: авторской-переводческой-читательской, исходного языка-языка перевода, исходной культуры-культуры перевода, то есть «взаимодействия различных по природе семиозисов» [5, 123], ситуации, когда «знаки исходного текста вступают в противоречивые отношения не только с тезаурусом переводчика, но и с условиями переводящей культуры и возможностями переводящего языка» [5, 124].

Базисным для лингвистического исследования имплицитности в условиях перевода

становится создание такого текста, который соотносился бы с оригинальным по содержанию, форме и восприятию реципиентом, что осуществимо при условии инвариантности семиозисов, взаимопересечения концептосфер.

Существует ряд понятий, используемых в теории перевода при определении целей и оценке результатов работы переводчика, таких как адекватность, эквивалентность, точность, полноценность, достоверность и др. Набор последовательных действий переводчика, направленных на достижение «эквивалентности перевода» определяет переводческую стратегию или «систему взаимодействия рационально-эмоциональных факторов понимания и переводческой установки, направленную на решение практических задач по созданию художественного подобия оригиналу на другом языке» [5, 148]. Возможна как сознательная, так и подсознательная реализация переводческой стратегии.

Присутствие в информационном содержании художественного текста особой экстраинформативной области смыслов – имплицитных смыслов, происходящих от «первичной и вторичной образности» [8, 23] элементов текста, – может коренным образом моделировать характер переводческих стратегий.

Так, возможны разнообразные варианты действий переводчика в работе по идентификации и трансляции скрытых смыслов в переводе. Предположительно, самыми распространенными сценариями в отношении алгоритма действий переводчика со скрытыми смыслами являются следующие:

A. верное определение имплицитного смысла + его воспроизведение в имплицитной форме;

B. неверное определение имплицитного смысла + его воспроизведение в имплицитной форме (например имплицитное выражение эксплицитной информации исходного текста);

C. верное определение имплицитного смысла + его воспроизведение в эксплицитной форме;

D. неверное определение имплицитного смысла + его воспроизведение в эксплицитной форме.

Так, к примеру, перевод одной и той же фразы, содержащей ироничное, имплицитное высказывание, с английского на русский и немецкий язык был выполнен переводчиками романа Джейн Остен «Sense and Sensibility» по разным сценариям. В случае перевода на русский язык явно прослеживается сценарий **D**: «He really pressed them, *with some earnestness*, to consider Norlend as their home…» – «Он с *вполне искренней настойчивостью* просил их считать Норленд своим домом…», где переводчик не совсем верно истолковал скрытый смысл, заключенный в ироничном отступлении «with some earnestness». В переводе на немецкий язык нам представляется сценарий **A**: «Er nötigte sie sogar – *nicht ohne einigen Eifer*, Norlend als ihr Heim zu betrachten…». Подобные расхождения могут быть объяснены как различиями в культуре семейных отношений представителей двух национальностей, так и особенностями мировосприятия личностью переводчика.

Еще один пример сценариев, используемых разноязычными переводчиками, демонстрирует схожесть восприятия имплицитных смыслов и различие в их воспроизведении. Так русский и немецкий переводчики одинаково верно идентифицировали скрытые смыслы во фразе «…that he seemed rather to stand in need of more money himself than to have any design of giving money away», чему, вероятно, способствовала универсальная для всех культур концептосфера «деньги». Однако в русском варианте переводчик выбрал сценарий **C**: «… и даже начинало казаться, что он бьется в тисках нужды и даже пенса не в состоянии кому-нибудь уделить». В немецком варианте переводчик прибегает к сценарию **A**: «…daß er eher selbst Geld nötig zu haben als sich mit der Absicht zu tragen schien, etwas von seinem Geld wegzugeben», демонстрируя таким образом тенденцию к импликации в немецком переводе выявленных в англоязычном оригинале скрытых смыслов, в то время как русский переводчик тяготеет к их экспликации в аналогичной ситуации.

Подобные расхождения в сценариях переводческих действий по транскодированию имплицитной информации могут быть объяснены рядом лингвистических и экстралингвистических факторов и тре-

буют в каждом отдельном случае детального рассмотрения для определения причин, целей и оценки действий переводчика.

Таким образом, изучение явления имплицитности как «параллельного смысла» находит плодотворное применение в сфере герменевтического подхода к художественному тексту. В процессе транскодирования выводного смысла переводчику приходится активизировать весь объем лингвистических и лингвокультурологических знаний для работы с текстом, наделенным высокой художественной «плотностью» посредством содержащихся в нем элементов непрямой коммуникации. Процесс декодирования переводчиком имплицитных смыслов художественного текста осложняется не только наличием двух этапов: идентификации скрытых смыслов и их воспроизведения в переводе; но и вопросом о персонализированности процесса, напрямую связанного как с личностью самого переводчика, так и с личностью автора.

1. *Алексеева И.С. Введение в переводоведение. СПб., 2004.*
2. *Бархударов Л.С. Язык и перевод. М., 1975.*
3. *Гарбовский Н.К. Теория перевода. М., 2007.*
4. *Джейн Остен. Чувство и Чувствительность. М., 2009.*
5. *Казакова Т.А. Художественный перевод: в поисках истины. СПб., 2006.*
6. *Кухаренко В.А. Экспликация содержания в процессе перевода // Текст и перевод. М., 1988. С. 40–51.*
7. *Миньяр-Белоручев Р.К. Теория и методы перевода. М., 1996.*
8. *Солодуб Ю.П., Альбрехт Ф.Б., Кузнецов А.Ю. Теория и практика художественного перевода. М., 2005.*
9. *Федоров А.В. Основы общей теории перевода. СПб. 2002.*
10. *Чернов Г.В. Контекстно-свободная и контекстно-связанная импликативность и проблема переводимости // Текст и перевод. М., 1988. С. 51–63.*
11. *Austen Jane. Sense and Sensibility. Moscow, 2004.*
12. *Gutt E.-A. On nature and treatment of implicit information in literary translation: A relevance-theoretic perspective. International Journal of Translation Studies (8). 1996.*
13. *Austen Jane. Vernunft und Gefühl. Aufbau Taschenbuch Verlag. Berlin, 1996.*
14. *Larson M.L. Meaning-based translation: A guide to cross-language equivalence. New York: University Press of America, 1984.*
15. *Meyer J. What is Literature? Work papers of the Summer Institute of Linguistics. University of North Dakota Session (41). 1997.*
16. *Sperber D., Wilson D. Relevance: Communication and cognition. Oxford: Basil Blackwell, 1986.*

М.И. Знобищева
M.I. Znobishcheva

С. ЕСЕНИН И Н. ГОГОЛЬ: ПОТУСТОРОННИЙ МИР КАК ЦЕЛЬ САКРАЛЬНОГО ПУТИ

(Издание статьи осуществлено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 13 – 04 – 00017)

ESENIN AND GOGOL – THE UNDERWORLD AS THE GOAL OF SACRAL WAY

В статье содержится анализ специфических, национально выразительных представлений С. Есенина и Н. Гоголя о Потустороннем мире. Рассмотрены такие формы идеального топоса, как "Иное царство", "утраченный рай", "сокровенный град". Эти и другие представления писателей о "лучшей отчизне" соотносятся с общим контекстом русского национального пространства.
Ключевые слова*: Потусторонний мир, русское пространство, идеальный топос, Гоголь, Есенин, библейские образы.*

The article contains an analysis of specific and national-coloured images of Esenin and Gogol about the Underworld. Such forms of ideal topos as "Other Land", "Lost Paradise" and "Inmost Town" are considered. Those and another images of writers about the "Best Motherland" correlate with the general context of Russian national space.
Key words*: Underworld, Russian space, ideal topos, Gogol, Esenin, biblical images.*

Итогом всякого сакрального странствия становится достижение идеального топоса. Русское пространство – это, прежде всего, пространство души. Обращаясь к первоэлементам национальной мифопоэтики, С. Есенин и Н. Гоголь соотносили поиск «лучшей отчизны» с «тоской по утраченному раю». Как православный писатель, Гоголь не мог не иметь в виду христианский смысл спасения души и со всей очевидностью выстраивал образы восхождения души человека по небесной лестнице, вместе с тем вынашивая идею о спасении души России [7, 52–57]. По-своему интерпретируя библейские мифологемы, Есенин воссоздал в собственном художественном мире образ Небесного Града, претерпевший значительные изменения в процессе общей эволюции творчества поэта [см.: 7].

Образ «небесной Отчизны» или Града Небесного тесно соотнесен в русском сознании с образом Русской земли. Отношение к русской земле как к идеальному топосу зародилось еще в лоне древнерусской литературы, теснейшим образом связанной с монастырской книжной культурой. Сакральность русского пространства породила особое его именова-

ние: Святая Русь, «…где Божие царство реально начинается, а человек становится ткачом свободным за божественным станком и счастье мира ткет из Божьей нити» [7, 222]. Вот почему в русской культуре идея тоски по утраченному раю оформилась в три национальных архетипа: «земного рая», «иной земли», «сокровенного града» [3, 327].

Примером воплощения первого из них можно назвать знаменитое юношеское стихотворение Есенина «Гой ты, Русь, моя родная» (1914), итогом которого становится выбор героем русского «земного рая»: «Если крикнет рать святая: // «Кинь ты Русь, живи в раю!», // Я скажу: «Не надо рая – // Дайте родину мою!» [6, т. 1, 51]. Отголоски этой архетипической идеи слышатся в пророческих письмах Гоголя из «Выбранных мест»: «Поблагодарите же Бога прежде всего за то, что вы русский. Для русских открывается этот путь (путь спасения. – *М. З.*), и этот путь есть сама Россия» [4, т. 8, 300].

Архетип «сокровенного града», воплотившийся в национальной мифологии в образе Китежа, также имеет глубокое, но не столь очевидное проникновение в пространство есенинского и гоголевского творчества. Так, религиозно-мистический контекст есенинской эпохи буквально соткан из отголосков китежских колоколов. Идея спасения мира в преддверии грядущего Апокалипсиса претворилась в России в национальный образ сокровенного града, силой коллективной молитвы всех, не желающих жить во грехе, скрывшегося под водой Светлояра.

Продолжая развивать и интерпретировать китежскую легенду XVII века, закрепленную в русской литературе П. Мельниковым-Печерским, А.К. Толстым и другими, к образу «сокровенного града» обратились такие разные по мировосприятию художники, как И. Бунин, В. Короленко, Н. Клюев. Архиепископ Иоанн Сан-Францисский (Шаховской) соотнес «китежский архетип» с поиском правды и верностью вере, назвав их «светлоярским сознанием в народе». Сказание о «городе людей, соблюдших правду Божию и не отдавших святую веру на поругание», стало в XX веке «выражением самой русской культуры» [1, 58], – писал он. Так, по оценке О.Е. Вороновой, «китежские» и «антикитежские» мотивы организуют художественное целое поэмы Есенина «Инония» (1918) [3, 326].

Проклинаю я дыхание Китежа
И все лощины его дорог.
Я хочу, чтоб на бездонном вытяже
Мы воздвигли себе чертог [6, т. 2, 62].

В революционной мистерии «Инония» земно-небесное пространство России переворачивается «с ног на голову», герой-демиург по-новому воссоздает ее мистический рельеф.

В письме к А.В. Ширяевцу (26 июня 1920 г., Москва) Есенин с пренебрежением писал о китежском образе: «…Потом брось ты петь эту стилизационную клюевскую Русь с ее несуществующим Китежем и глупыми старухами, не такие мы, как это все выходит у тебя в стихах. Жизнь, настоящая жизнь нашей Руси куда лучше застывшего рисунка старообрядчества. Все это, брат, было, вошло в гроб, так что же нюхать эти гнилые колодовые останки?» [6, т 6, 113]. Известна также дарственная надпись Ширяевцу на первой чистой странице книги «Исповедь хулигана», вышедшей в Москве в 1921 году:

Я никогда не любил Китежа
и не боялся его, нет его и
и не было так же, как и
тебя и Клюева.

Жив только русский ум,
его я люблю, его кормлю
в себе, поэтому ничто
мне не страшно, и не город
меня съест, а я его проглочу

(по поводу некоторых замечаний о моей гибели) [6, т. 6, 201].

«Несуществующий Китеж», этот «застывший рисунок старообрядчества», противопоставляется у Есенина «настоящей жизни нашей Руси» и живому «рус-

скому уму». Поэта интересуют иные координаты русского пространства, иные столпы нового царства «Инонии». Однако сама модель построения этого нового русского пространства, отталкиваясь от китежской мифологемы, тем не менее, берет ее за образец.

О духовном зрении Гоголя, романтически отрешенно провидящего сквозь земную реальность правду небесную, писал К.В. Мочульский: «Гоголь видел перед собой не мрачную николаевскую Россию, а мистическое царство, некий святой град Китеж» [9, 42–43].

Память об утраченном рае содержится в русских топонимах. В особенности это характерно для усадебных локусов, о которых писал, в частности, В. Щукин: «ориентация усадьбы на архетипический образ рая оказалась весьма устойчивой… Отрада, Отрадное, Воронцово-Беспечное, Прибежище, Забава, Милое, Нерастанное и, наконец, Рай-Семеновское, Раек» [11, 103]. В «Мертвых душах» травестированным примером такого топонима можно считать Маниловку, которую, по меткому замечанию А. Большаковой, мужики не желают называть Заманиловкой» [2, 312].

Моделью рая у Есенина выступает село Радово. Как отмечали многие исследователи, именно праведное, благополучное Радово противостоит в «Анне Снегиной» пошедшей путями кривды Криуше. Но и Радово становится моделью утраченного рая, как только радовские мужики проходят через грехопадение и вместе с криушанами оскверняют свои души убийством.

О мотивах, побуждающих героев русских сказок отправиться в дальний неведомый путь, размышлял Е.Н. Трубецкой: «На все лады повторяются и варьируются в сказке рассказы про "иное государство", "другое царство", "иншее царство", "иные земли". Ищут этих новых земель все те, кому так или иначе тесно в рамках быта. Но есть точка, где ищущие разделяются. Одни удовлетворяют потребности в "новой земле" "естественными житейскими способами, другие, напротив, преисполняются отвращением ко всему обыденному, житейскому и испытывают непреодолимое влечение к чудесному» [10, 96]. Определяя общий исходный пункт такого странствия как бедность (отсутствие богатства), исследователь, по сути, сводил страннические импульсы к недостатку житейских либо духовных богатств.

Сказка повествует о чуде. Встреча с чудом, чудесное перевоплощение героя составляют ее сакральное поле. Отголоски мотива поиска чудесного, безусловно, слышатся и в классической литературе. Цели странствий персонажей Гоголя и Есенина, как правило, магически завуалированы. Их героев, в общем виде, также можно разделить на искателей земного рая и рая небесного.

К разряду первых, без сомнения, относятся все герои, осуществляющие путешествие за деньгами и славой. Таков чиновник Поприщин в «Записках сумасшедшего». Иллюзорность его стремления к свету женской красоты (дочка директора) обнаруживает свою изнанку через ряд пространственных образов. Сидя в кабинете директора и очиняя перья, Поприщин мечтает: «Хотелось бы мне заглянуть в гостиную, куда видишь только иногда отворенную дверь, за гостиною еще в одну комнату. Эх, какое богатое убранство! Какие зеркала и фарфоры. Хотелось бы заглянуть туда, на ту половину, где ее пр-во, вот куда хотелось бы мне! в будуар, как там стоят все эти баночки, скляночки, цветы такие, что и дохнуть на них страшно, как лежит там разбросанное ее платье, больше похожее на воздух, чем на платье. Хотелось бы заглянуть в спальню... там-то, я думаю, чудеса, там-то, я думаю, *рай, какого и на небесах нет*. Посмотреть бы ту скамеечку, на которую она становит вставая с постели свою ножку, как надевается на эту ножку белый как снег чулочек... ай! ай! ай! ничего, ничего. . . молчание» (выделено мною. – *М.З.*) [4, т. 2, 199–200].

Любовь чиновника зарождается из благоговения перед «генеральством», дочка директора подсознательно воспринимается им как проводница в зеркально-фарфоровый рай сытой жизни. Подобно царевнам русских сказок, с женитьбой на

которых герой не только получает ум, красоту и душу избранницы, но и «полцарства в придачу», гоголевские красавицы часто обладают этой двойной материально-духовной притягательностью. Такова, к примеру, губернаторская дочка, очаровавшая Чичикова. Любовь и расчет, брак по расчету станут организующими мотивами всей русской литературы XIX века, отражающей процесс «омертвения» человеческой души под гнетом имущественных отношений.

И, наконец, самый яркий представитель ищущих наживы, глава всей этой рати, Чичиков избирает мнимой целью своих махинаций поездку в Херсонскую губернию: «…Да ведь я куплю на вывод, на вывод; теперь земли в Таврической и Херсонской губерниях отдаются даром, только заселяй. Туда я их всех и переселю! в Херсонскую их! пусть их там живут! А переселение можно сделать законным образом, как следует по судам. Если захотят освидетельствовать крестьян: пожалуй, я и тут непрочь; почему же нет? Я представлю и свидетельство за собственноручным подписанием капитана-исправника. Деревню можно назвать Чичикова слободка, или по имени, данному при крещении: сельцо Павловское» [4, т. 6, 240]. Чичиков выстраивает свою модель земного рая, еще незаселенного, с даровой плодородной землей, «рослостью трав» и… мертвыми душами. В традиционных для сакральной географии России представлениях о «качественном пространстве» Юг соотносится с материей, в противоположность Северу (духу) [5, 72]. Эта зона считается профаническим пространством. Куда, как ни на Юг, может стремиться гоголевский приобретатель?

Населяя воображаемый рай несуществующими душами, Чичиков не заботится о духовной живости своего земного царства. Только торжество материи, долженствующее расцвести на богатых причерноморских почвах, по-настоящему волнует его. Ощутив кураж от удачно совершенной сделки, Чичиков мечтает о «трехпольном хозяйстве и счастье двух душ», о «белокурой невесте с румянцем и ямочкой на правой щеке, херсонских деревнях, капиталах» [6, 152], о наследниках.

Представление о мужицком рае, где «избы новые, кипарисовым тесом крытые» [5, 202] отразилось в есенинской модели земного рая – уже упомянутом нами селе Радове:

«Село, значит, наше — Радово,
Дворов, почитай, два ста.
Тому, кто его оглядывал,
Приятственны наши места.
Богаты мы лесом и водью,
Есть пастбища, есть поля.
И по всему угодью
Рассажены тополя.

Мы в важные очень не лезем,
Но все же нам счастье дано.
Дворы у нас крыты железом,
У каждого сад и гумно.
У каждого крашены ставни,
По праздникам мясо и квас.
Недаром когда-то исправник
Любил погостить у нас.
[6, т. 3, 158]

Радово как образ праведной патриархальной Руси противостоит разбойной, богоотступнической Криуше. Именно криушане во главе с братьями Оглоблиными вершат суд над землей, сотворяя новый ее передел. Однако мир изменяется не к лучшему, и это ощущают все: «Сама я своими ушами // Слыхала от прихожан: // То радовцев бьют криушане, // То радовцы бьют криушан» [6, 3, 165], – жалуется Сергею старуха-мельничиха. Очевидно, выступающая в поэме в роли архетипа «вещей старухи», она видит корень зла в ломке патриархальных ценностей, попрании религиозно-правовых институтов, десакрализации русского пространства, из Космоса превращающегося в Хаос:

А все это, значит, безвластье.
Прогнали царя...
Так вот…
Посыпались все напасти
На наш неразумный народ.
[6, т 3, 166]

Поэма «Страна Негодяев» (1922–1923) дает классические портреты обезображенных духовной мертвенностью искателей земного счастья. Так, десакрализация русского пространства происходит в сознании Рассветова: «Вся Россия – пустое место, // Вся Россия – лишь ветер да снег» [6, т. 3, 76]. Как известно, «свято место пусто не бывает», следовательно, для Рассветова не существует никакой Святой Руси, для него Россия – «не страна, а сплошной бивак».

Отношение к России, как к тяжело больной, которой необходимо сделать клизму, явно подчеркивает отсутствие в Рассветове сыновнего трепета перед родиной-матерью, страна для него – лишь бездушное тело, одряхлевшее в азиатской нищете. Однако в ненависти к внешней отсталости есть и иной уровень смысла. «С этого момента я разлюбил нищую Россию» [6, т. 5, 162], – пишет окинувший взглядом роскошь американского мира Есенин в очерке «Железный Миргород» (1923). Та же мысль повторится в стихотворении «Неуютная жидкая лунность» (1925). Очевидно, поэта угнетала не только материальная отсталость России, но и порожденные ею скорбная покорность и беззащитность русского пространства, нехватка животворной силы и веры русского человека в самого себя, забитость.

Помимо непосредственного воплощения в ткани художественных произведений, религиозно-нравственные искания Гоголя нашли отражение в «Выбранных местах из переписки с друзьями», «Размышлениях о Божественной Литургии», «Душеспасительных письмах». Религиозные воззрения Есенина, во множестве проявляющие себя через поэтику его стихотворений и поэм, не озвучиваются поэтом в рамках отдельных произведений. Из исповеди и проповеди, двух начал, присущих гению Гоголя, Есенин предпочитал первую. Непосредственным же, документальным свидетельством непрерывной духовной работы Есенина на этапе его личностного становления могут служить письма другу юности Грише Панфилову, в которых чувствуется не столько пафос богоискательства, сколько искреннее желание верующего человека приблизиться ко вполне осознанному и обретенному в виде конечной истины идеалу Христа.

Многогранный и сложный для анализа вопрос о религиозных воззрениях двух писателей, широко освещенный в наше время, как в литературе о Гоголе, где сформировалось целое научное направление (И.А. Виноградов, И. Монахова и другие), так и в науке о Есенине (О.Е. Воронова, И.А. Есаулов и другие), имеет одну неоспоримую сторону. Путь христианина был путем Гоголя, понимаемым как прямое, постепенное следование от маловерия к истовой вере, как восхождение по духовной «Лествице». Не таков был духовный путь Есенина, прошедшего не только этапы истовой веры, но и искушение богоотступничеством, богоборчеством, вплоть до потери веры («Стыдно мне, что я в Бога верил, // Горько мне, что не верю теперь» [6, т. 1, 185]. Однако и в том, и в другом случае очевидно вращение двух писателей вокруг одного светила, их существование в единой, православной, системе координат. Эта религиозная специфика русской души во многом и определяет ценностные ориентиры двух рассматриваемых нами художественных систем. Категории греха и покаяния, грешности и святости, спасения и гибели души, Ада и Рая организуют как весь русский Космос, так и отдельные его галактики, художественные миры его поэтов.

1. *Архиепископ Иоанн Сан-Францисский. Дно Светлояра // Архиепископ Иоанн Сан-Францисский. Избранное. Петрозаводск, 1992.*
2. *Большакова А.Ю. Усадебные локусы в «Мёртвых душах» // Гоголь как явление мировой литературы. М., 2003.*
3. *Воронова О.Е. Сергей Есенин и русская духовная культура. Рязань, 2002.*
4. *Гоголь Н.В. Собр. соч.: в 14 т. М., 1958.*

5. *Дугин А.Г. Мистерии Евразии. М., 1996.*
6. *Есенин С.А. Полн. собр. соч.: в 7 т.(9 кн.). М., 1995–2002.*
7. *Ильин И.А. Сущность и своеобразие русской культуры. М., 2007.*
8. *Михаленко Н.В. Небесный Град в творчестве С.А. Есенина: поэтика и философия: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2009.*
9. *Мочульский К.В. Гоголь. Соловьев. Достоевский. М., 1995.*
10. *Трубецкой Е.Н. «Иное Царство» и его искатели в русской народной сказке // Литературная учеба. 1990. Кн. 2. С. 96–118.*
11. *Щукин В.Г. Миф дворянского гнезда. Krakow, 1997.*

Е.В. Капинос
E.V. Kapinos

ВАРИАЦИЯ НА ТЕМЫ РОМАНА: «ПОЗДНИЙ ЧАС» VS «ЖИЗНЬ АРСЕНЬЕВА»

A VARIATION ON THE THEMES OF A NOVEL: “A LATE HOUR” VS “THE LIFE OF ARSENIEV”

Одним из главных предтекстов «Позднего часа» может считаться роман «Жизнь Арсеньева», в лаконичном виде сюжет рассказа повторяет сюжет романа. Сюжетное сходство текстов расширяет смысловые потенции рассказа, выделяет его в цикле «Темные аллеи» и позволяет почувствовать лирическую природу всего творчества И. Бунина, которое, подобно лирике, варьирует одни и те же мотивы, но всякий раз представляет их в новом виде.

Ключевые слова: *сюжет, мотив, автоперсонаж, интертекст, художественный мир.*
The “The Life of Arseniev” may be regarded as one of the main pre-texts of the short story A “Late Hour”, as the plot of the short story retraces, in a concise fashion, the plot of the novel. The similarity between the plots of these texts broadens the scope of potential interpretation of the short story, singles it out in the “Dark Avenues” cycle and elucidates the lyrical foundation of Bunin’s body of work as a whole where like in lyrical poetry, the same motifs are varied over and over, but each time are presented anew.
Key words: *plot, motif, author-character, intertext, artistic universe.*

Общий сюжет «Позднего часа» (Темные аллеи», 1938) характерен для эмигрантской литературы: в Париже герой-повествователь вспоминает Россию, во сне или в мечтах возвращаясь к покинутым местам. В контексте бунинского творчества этот сюжет тоже далеко не единичен, в том или ином смысле почти каждая новелла «Темных аллей» – это воображаемая прогулка по родине. Впервые сюжет-возвращение появился у Бунина в 1899 г. в рассказе «Поздней ночью»: в парижском гостиничном номере герой ссорится со своей спутницей, потом подходит к окну (кажется, что речь идет о парижской мансарде), смотрит на узкую улицу и ясно вспоминает родные места:

«Я мысленно покинул Париж, и на мгновение померещилась мне вся Россия, точно с возвышенности я взглянул на огромную низменность… Вот – хмурые страны сосен, уходящие в сумрак к востоку, вот – редкие леса, болота и перелески, ниже которых, к югу, начинаются бесконечные поля и равнины… Сонные разноцветные огоньки мерцают вдоль путей и один за другим убегают на мою родину» [2, т. 2, 177].

Воспоминание о родине оживляет прошлое в душе героя, и вместе с прошлым возвращается любовь к уже разлюбленной.

Рассказ «Поздней ночью» (подробнее об этом рассказе см. [3]) можно считать первым, но далеко не единственным предтекстом «Позднего часа». Не только сюжет мысленного возвращения на родину, придуманный и опробованный за 20 лет до эмиграции, повторит Бунин в «Позднем часе», он сопроводит его теми же образами, что и в «Поздней ночи»: связью пространства с героиней (своего рода женским «олицетворением» города, страны), мотивами ночи, месяца, печали, утраты. Только лирическая динамика и смысловая концентрация текста 1938-го окажется гораздо выше, чем в 1899-ом. Через четыре десятилетия во Франции давно найденный сюжет получит «жизненные подтверждения» и значительно усложнится в поэтике.

«Поздний час» начинается «с середины» каких-то воспоминаний. Две-три первых фразы позволяют понять, что герой живет не в России, а за границей, но не успевает читатель окончательно установить местоположение героя, как автор перемещает его в родной, русский уездный город, будто лишь мост через реку отделяет заграницу от России:

«Ах, как давно я не был там, сказал я себе. С девятнадцати лет. Жил когда-то в России… имел полную свободу разъезжать куда угодно, и не велик был труд проехать каких-нибудь триста верст. А все не ехал, все откладывал… Но вот уже нельзя больше откладывать: или теперь, или никогда…

И я пошел по мосту через реку, далеко видя все вокруг в месячном свете июльской ночи.

Мост был такой знакомый… гимназистом я думал, что он был еще при Батые» [2, т. 7, 37].

Мгновенно совершенный переход из Парижа в Россию не одноактен: от древнего русского города повествование вновь возвращается через «Ярославль», «Суэцкий канал», «Нил» в Париж, с ветхого русского моста на один из старых мостов через Сену. Однако, описав обширный круг, соединяющий восток и запад, две страны и два континента, рассказ вновь устремляется в Елец:

«Тут на мосту фонарей нет, и он сухой и пыльный. А впереди, на взгорье, темнеет садами город, над садами торчит пожарная каланча» [2, т. 7, 38].

Кажется, что сон не сразу, а постепенно захватывает сознание героя. Текст строится по стихотворным законам, он скреплен серией повторов и весь прошит пунктиром заглавия: словосочетание *поздний час* повторяется от начала к концу в прямом или несколько редуцированном виде четырежды[3], а между повторами размещены следующие друг за другом картины, и их равномерное чередование задает ритм, соотносит между собой разные времена и локусы, позволяя им выплывать друг из-под друга.

В конце третьего абзаца, когда Франция уже во второй раз уступает место России, перед нами появляется совсем не тот Елец, с которого все начиналось. Если сначала Елец явился сном и мечтой, слегка нереальной, путающейся, неверной, «странной» («Одно было странно… прежде река была не судоходная» [2, т. 7, 37]), то затем он принимает вид Ельца-воспоминания, точного до малейших подробностей:

«Горело далеко, за рекой, но страшно жарко, жадно, спешно. Там… высоко вырывались из них кумачные полотнища пламени, поблизости от нас они, дрожа, медно отсвечивали в куполе Михаила Архангела» [2, т. 7, 38].

Казалось бы, разница между мечтой и воспоминанием незначительна, однако именно эта разница серьезно усложняет и

---

[3] «Надо пользоваться единственным и последним случаем, благо *час поздний* и никто не встретит меня» [2, т. 7, 37], «И вот в такую ночь, в тот *поздний час*, когда в городе не спал только он один, ты ждала меня в вашем уже подсохшем к осени саду» [2, т. 7, 40], «И было уже так *поздно*, что даже и колотушки не было слышно…» [2, т. 7, 40], «Как *поздно* и как немо!.. Ветер стих к предрассветному *часу*» [2, т. 7, 42] (Здесь и далее в текстах Бунина курсив наш. – *Е.К.*).

углубляет описание города. Бунин намеренно разнообразит и умножает целый ряд несходств между тем Ельцом, всплывающим в памяти, и Ельцом, который здесь и теперь предстает перед глазами рассказчика. Здесь, как в «Несрочной весне» и во многих других рассказах Бунина, не обходится без влияния элегии-Heimkehr, которая предполагает сопоставление картин прошлого и настоящего: до отъезда и после возвращения. Июльское возвращение на родину как бы отстает на месяц от августовских воспоминаний о счастливом давнем лете, случившемся на заре жизни («И ночь была почти такая же, как та. Только та была в конце августа» [2, т. 7, 39]).

Мы называем город «Позднего часа» Ельцом, но это неверно, поскольку в тексте город ни разу не назван. Не названа и река, через которую по мосту переходит герой, чтобы остановиться перед высоким собором. Отсутствие елецких топонимов тем более заметно на фоне названных Парижа и Сены, что придает «нереальность», призрачность, образу русского города. Между тем мы все-таки имеем право точно назвать описанный Буниным город – слишком высока топографическая достоверность этого текста. Очевидно, что речь идет об одной из главных улиц Ельца – Орловской, которая ведет через весь город от Вознесенского собора на старое кладбище, этим путем и проходит герой. Пожар полыхает на фоне любимой Буниным церкви Михаила Архангела, узнаваема пожарная каланча на Орловской, чуть правее расположена гимназия, в которой учился Бунин, прямо на Орловской – мужской монастырь по дороге на кладбище. Названия улиц Старая, Монастырская стилизованы, обобщенно приближены к эпитетам. Хотя улицы легко опознаются, условные топонимы специально скрывают их реальные имена.

Кроме узнаваемых реалий, есть еще одна причина, позволяющая увидеть Елец: те же самые улицы, мост, церкви, гимназия подробнейшим образом обрисованы в «Жизни Арсеньева». Именно этот роман является вторым по значимости предтекстом «Позднего часа». Вот лишь несколько отрывков из романа с церковью Михаила Архангела, с гимназией, Вознесенским собором и Орловской улицей, ведущей мимо монастыря к кладбищу:

«гул колоколов с колокольни Михаила Архангела, возвышавшейся надо всем в таком величии, в такой роскоши, какие не снились римскому храму Святого Петра» [2, т. 6, 11];

«А потом – резкая и праздничная новизна гимназии: чистый каменный двор ее, сверкающие на солнце стекла» [2, т. 6, 65];

«А прямая, как стрела, Долгая улица, ведущая вон из города, к острогу и монастырю, тонет в пыли и слепящем блеске солнца, заходящего как раз в конце ее пролета <…> Чем ближе собор, тем звучнее, тяжелее, гуще и торжественнее гул соборного колокола» [2, т. 6, 67–68].

Через повторы одних и тех же или очень схожих мотивов, через узнавание в одном тексте деталей другого проявляется природа бунинского лиризма. Репертуар лирических тем гораздо более ограничен, чем репертуар тем прозаических, в повторяемости мотивов бунинская проза напоминает стихи. Стихи описывают одно и то же, но по-разному, так же устроена и бунинская проза: рассказы отражаются в романе, в автобиографических заметках, а между собой легко группируются в семантические гнезда, несобранные автором циклы и т.д. В «Темные аллеи» «Поздний час» входит как миниатюрная вариация на темы «Жизни Арсеньева», рассказ в точности повторяет сюжет романа: детство и юность героя в старинном уездном городе, ранняя смерть возлюбленной, эмиграция и вечная память о любви и родине. Бунин и в «Жизни Арсеньева» оставляет город своего детства без названия. Постоянно упоминая реальные и вымышленные Каменку, Батурино, Васильевское, Орел, писатель как бы специально обходит Елец, а та же Орловская улица Ельца в романе превращается в Долгую. Абстракция топонимики возвышает и поэтически обобщает образ конкретного места, читатель получает возможность пройтись по выдуман-

ному городу с настоящим, но скрытым именем.

В «Жизни Арсеньева» и в «Позднем часе» Елец не равен самому себе, удваивающиеся, но не одинаковые рельефы одних и тех же мест не являются результатом случайного неразличения образов памяти и воображения в художественном мире Бунина. Бунин разделяет два города – город памяти и город воображения, и читатель имеет возможность заметить разность между ними. Елец юности – шумный и живой; свидания героя и героини проходят в окружении толпы или в чьем-то присутствии хотя бы на дальнем плане. Тот город, в котором, переместившись из Парижа, очутился рассказчик, напротив – тих и безлюден, причем эта тишина и безлюдье замечаются не сразу, а настораживают постепенно, подспудно. В первом абзаце город уже пуст: «и никто не встретит меня» [2, т. 7, 37], но поскольку речь идет о «позднем часе», кажется, что фраза мотивирована ночным временем, однако и позже рассказчик не услышит ни одного звука, не встретит ни единой души, устремляясь через весь город от моста к кладбищу. Тогда-то и становится понятно, что герой идет по мертвой земле, по городу-Некрополю, а описание Некрополя наложено на описание живого, радостного и шумного Ельца, оставшегося в далеком прошлом.

Подобные моменты разведения пространств в одном континууме иногда удается зафиксировать в текстах лирической природы. Так, по мнению Ю.Н. Чумакова, XXXV, XXXVI–XXXVII строфы 4 гл. «Евгения Онегина» позволяют заметить неразличимое сходство между домом Автора в Михайловском и домом Онегина в деревне: «автор (и это хорошо видно в тексте романа) фактически вселяет Онегина в собственное поместье, а затем одновременно оказывается живущим там же. Конечно, в поэтическом тексте они живут каждый в своем доме, но автор, поставив строфы рядом, обыграл множественность своих обликов, намекнул, что реально-жизненной основой эпизода является сельцо Михайловское, узнаваемое по разрозненным чертам и деталям» [4, 77]. В «Позднем часе» также разные городские планы едины, но и несводимы друг с другом, причем они восприняты одним героем (а не двумя, как у Пушкина), и «я» этого героя-рассказчика получает множественные облики: *я*-в мечтах, *я*-в воспоминаниях, *я*-в прошлом, я-в молодости, *я*-сейчас. Нетождественность внутри «я», расслоенность «я» – одна из ведущих тем этого, как и многих других бунинских рассказов: «худой юноша в серой куртке и в щегольских панталонах со штрипками; но разве это я?» [2, т. 7, 39]. Аналогичных моментов взгляда на себя со стороны, «неузнавания» себя самого много в «Жизни Арсеньева», особенно это касается любимых Буниным сцен перед зеркалом, когда Арсеньев видит не только и не столько свое отражение, сколько себя другого: себя в прошлом или в будущем, вот один из примеров:

«Помню: однажды… я вдруг увидал себя в небольшое трюмо… Очевидно, в силу того, что я вдруг увидал (как посторонний) свою привлекательность, – в этом открытии было, неизвестно почему, даже что-то грустное» [2, т. 6, 29].

Черта, отделяющая Некрополь от живого Ельца, парижский сон о Ельце от воспоминания о нем, не проводится резко, она не четкая, мягкая. Б.В. Аверин пишет о важной для Бунина зыбкости грани между «действительностью и воображением», о «настоящем», которое «кольцом накладывается на прошлое, соединяется с ним» (речь идет о «Жизни Арсеньева» [1, 226–227]. Ту же зыбкость можно уловить, наблюдая за героиней. Героиня, подобно городу, тоже двоится, потому что она символизирует и олицетворяет этот город. Там, где героиня вспоминается, она близка герою, на ней – светлые одежды: на пожаре «холстинковое платье», во время свидания в саду – белое. Второе явления героини совершенно иное, в пустом городе-Некрополе она сплетается из теней листвы на мостовой, на ней траур, ее призрачный, сквозистый, «кружевной» образ из плана воображения незаметно переходит в план воспоминаний:

«только в домах направо, до которых тень не достигала, освещены были белые стены и траурным глянцем переливались черные стекла; а я шел в тени, ступал по пятнистому тротуару, – он сквозисто устлан был черными шелковыми кружевами. У нее было такое вечернее платье… Где это было? В гостях у кого?» [2, т. 7, 39].

Гости, кажется, почти готовы ожить вместе с героиней, но не хватает какого-то последнего усилия памяти, поэтому воображаемая неопределенность обстановки и недоступность героини сохраняется, контрастируя с другим ее образом, светлым, родным и близким, во время пожара и в саду.

Если считать сюжет «Позднего часа» сжатой вариацией на темы «Жизни Арсеньева», то по аналогии с романом герой не должен был бы присутствовать на похоронах героини: в романе между Ликой и Арсеньевым происходит размолвка, и Арсеньев только по прошествии полугода узнает о смерти Лики. В рассказе нет развития отношений, подробностей судьбы героев, отмечены лишь вершинные ее моменты. Сюжет составляют пожар и ночные свидания: любовь в параллели к смерти заполняет весь текст. Сцена похорон героини как будто бы вставлена в сюжетную цепь отдельным звеном, но, с другой стороны, этой сцены как будто и нет:

«Дует с полей по Монастырской ветерок, и несут навстречу ему на полотенцах открытый гроб, покачивается рисовое лицо с пестрым венчиком на лбу, над закрытыми выпуклыми веками. Так несли и ее» [2, т. 7, 42].

Траурная процессия описывается сначала в обобщенной модальности (так обычно бывает в этом городе, на этом кладбище), но приближенное в ракурсе и выразительное описание лица «некоего» покойника[4] меняет угол зрения, обобщенный обзор превращается в конкретную картину, «некто» мертвый преображается в героиню, к живым портретам которой добавляется еще один – с «рисовым лицом» и «выпуклыми веками».

Понять, был ли герой на ее похоронах, был ли он с ней в момент ее смерти, повествование не позволяет, тем более что в самом начале «Позднего часа» есть указание на то, что рассказчик покинул родной город очень рано, в «девятнадцать лет». Похороны могут быть грезой рассказчика, вмещенным в его парижскую мечту о Ельце, сном во сне.

Разноликость, многогранность героини определяет характер повествования: «Поздний час», не содержа в себе ничего, кроме свиданий героев, тем не менее пунктиром намечает биографию героини: от девственности к женственности и смерти, причем биография эта дается в наложении друг на друга разных фрагментов. Отсутствие героини в пустом городе, мечта и воспоминания о ней, ее черное платье несут в себе семантику смерти, и в то же время текст обнаруживает и противоположное смысловое движение – по мере углубления в сон и воспоминания не только усиливается осознание смерти и утраты, но и, наоборот, героиня все больше оживает, а ее любовь к герою (и его к ней) набирает силу. Оживление героини происходит в сознании героя, сфера его эмоций определяет повествование, поскольку рассказ идет о нем и от его лица, а между тем существует иллюзия, что не герой, а героиня и ее таинственный тихий город скрывают причину происходящего с ним. Мертвые героини Бунина никогда не уходят в небытие, их биография продолжается, они существуют после смерти, меняются, уже будучи мертвыми, продолжают возбуждать жалость и любовь. Вспомним последние фразы «Жизни Арсеньева», которые, как и рассказ «Поздней ночью», могут считаться увертюрой «Позднего часа»:

«Недавно я видел ее во сне – единственный раз за всю свою долгую жизнь без нее. Ей было столько же лет, как тогда, в пору нашей общей жизни и молодости, но в лице ее уже была прелесть увядшей красоты. Она была худа, на ней

[4] В описании похорон у Бунина ни разу не употребляется слов «покойник», «мертвец», «мертвый», отсюда столь сильное воздействие этого описания.

было что-то похожее на траур. Я видел ее смутно, но с такой силой любви, радости, с такой телесной и душевной близостью, которой не испытывал ни к кому никогда» [2, т. 6, 288].

И сюжет, и герои рассказа «Поздний час» освещены рефлексами сюжета и героев «Жизни Арсеньева». Опускаясь на уровень микроструктуры текста, можно было бы найти больше перекличек между «Поздним часом» и романом Бунина. «Поздний час», таким образом, становится в «Темных аллеях» своеобразным «тайником», куда упрятан в концентрированном виде роман «Жизнь Арсеньева». Это расширяет смысловые потенции рассказа, выделяет его в цикле «Темные аллеи» и позволяет почувствовать лирическую природу всего творчества Бунина, которое, подобно лирике, варьирует одни и те же мотивы, но всякий раз представляет их в новом виде.

1. Аверин Б.В. Дар Мнемозины: Романы Набокова в контексте русской автобиографической традиции. СПб., 2003.

2. Бунин И.А. Собрание сочинений: в 9-ти томах. М., 1965–1967.

3. Марченко Т.В. Парижский текст Ивана Бунина: прелюдия в лунном свете (в печати).

4. Чумаков Ю.Н. В сторону лирического сюжета. М., 2010.

Г.К. Касимова
G.K. Kasimova

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СТРУКТУРЫ ЗНАЧЕНИЙ МНОГОЗНАЧНЫХ ОТГЛАГОЛЬНЫХ И ОТСУБСТАНТИВНЫХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

COMPARATIVE ANALYSIS OF SEMANTIC STRUCTURE OF POLYSEMANTIC DEVERBAL AND DENOMINAL NOUNS

В статье выявляются особенности формирования семантической парадигмы многозначных девербативов со значениями процессуального признака и «носитель процессуального признака», а также отсубстантивных существительных. Определяется роль семантики мотивирующего слова, словообразовательного форманта и той внеязыковой ситуации, участником которой выступает мотиватор.
Ключевые слова: *семантическая парадигма, девербатив, субстантив, синтаксическая деривация, лексическая деривация, семантическая деривация, транспозиционное значение, мутационное значение.*

The article determines character features of semantic paradigm's formation in polysemantic deverbal nouns with the meaning of processual feature and "bearer of processual feature", and also in denominal nouns. the author defines the role of semantics of motivating word, derivative formant, and the extralinguistic situation which the motivator is a part of.
Kew words: *semantic paradigm, deverbal, nominal noun, syntactical derivation, lexical derivation, semantic derivation, transpositional meaning, mutational meaning.*

Исследование обширного массива мотивированных существительных с точки зрения структурирования значений в семантической парадигме дериватов показывает неоднозначную разноплановую картину в различных группах анализируемых слов. Часть из них составляют отглагольные существительные, другую – субстантивы.

К анализу привлечены данные Словообразовательного словаря русского языка А.Н. Тихонова, материалы Словаря русского языка в 4-х т. под ред. А.П. Евгеньевой (МАС), иллюстративный материал извлечен также из сайта Национального корпуса русского языка (НКРЯ).

При формировании производных значений, как известно, значительное место отводится семантике мотивирующего слова. В нашем случае таковым предстает глагол, который, по словам, академика В.В. Виноградова, является самой сложной и самой емкой грамматической категорией русского языка [2, 337]. Он занимает центральное место в структуре предложения. Вокруг него концентрируются различные компоненты: дополнения, обстоятельства, которые в лингвистической семантике называются аргументами, или актантами. Их наличие и количество связано с ситуацией, обозначаемой глаголом. Речь идет о семантических валентностях глагола, то есть о способности слова сочетаться с другими элементами. Состав валентностей у глагола

варьируется в зависимости от его грамматических признаков: переходности/непереходности, залогового значения, возвратности.

Ученые установили, что с семантической валентностью производящего глагола тесно связана регулярная многозначность синтаксических дериватов. «Значения орудия, места, результата, объекта и т.д. у отглагольных существительных отражают связи действия с условиями его реализации. Сам глагол не может иметь вторичных значений вне общего значения действия, поэтому такого рода значения выражает его синтаксический дериват» [4, 106].

Говоря о синтаксической деривации, мы предполагаем, что перед нами производное с тем же лексическим значением, что и производящее, которое является результатом транспозиции, перехода слова из одной части в другую, с изменением его синтаксических свойств. Соответственно дериват имеет транспозиционное значение. При анализе многозначных девербативов (типа *отделение, собрание, соединение, переделка, поддержка, прокладка, надлом, перевоз, прорыв*) предстает следующая картина: основное, исходное, значение существительного сохраняет значение мотивирующего глагола и обозначает опредмеченное действие или состояние; остальные же лексико-семантические варианты (ЛСВ) полисеманта приобретают предметное значение, следовательно, речь идет о мутационных значениях, которые не могут быть следствием транспозиции. В этой связи перед исследователем встают задачи: выявить источники вторичных значений производного существительного, которые, как показывает анализ, следует искать в семантической структуре мотивирующего глагола, установить типы словообразовательных значений, определить роль форманта в структуре деривата.

Рассмотрим девербатив ***окружение***, семантическая парадигма которого включает 5 значений и структурируется по комбинированному типу полисемии. Мотивирующий глагол ***окружить*** (*окружать*) также является пятизначным, что свидетельствует о полиситуативности глагольной семантики. В формировании структуры деривата глагол участвует в полном объеме своих значений.

Первый ЛСВ – ′1. *Действие по глаг.* окружить – окружать (в 1 и 3 знач.)′ (← **окружить** ′1. Расположиться, занять место вокруг кого-, чего-л. *Раненые повыползли из своих комнат и с радостными бледными лицами окружили подводы.* Л. Толстой. Война и мир. 3. Обойти кругом, взять в кольцо, лишая возможности выхода, отступления′) – является результатом синтаксической деривации. Исходное значение девербатива выступает номинализацией действия, на базе которой формируется 5-й ЛСВ с актуализацией результативного компонента: ′5. Положение, при котором кто-, что-л. находится в кольце вражеских войск′. *Из окружения "демянского мешка" немцы-таки вышли.* М. Карпов. Список Визенталя. НКРЯ.

Второй ЛСВ – ′2. Окружающая обстановка, условия существования кого-, чего-л. *Географическое окружение. Капиталистическое окружение*′ – появляется в результате актуализации пространственного компонента семантической структуры глагола *окружить* и имеет значение места, обстановки, определенной среды обитания. Этот ЛСВ развивается на основе пятого значения глагола *окружить*: ′5. *чем.* Создать вокруг кого-л. какую-л. обстановку, атмосферу′.

Третий ЛСВ существительного – ′3. Совокупность лиц, составляющих общество, в котором кто-л. вращается; окружающая среда′ – имеет значение субъекта действия (*Хорошо бы посоветоваться с взрослой умной женщиной – но таких в окружении нет…* Людмила Улицкая. Казус Кукоцкого. НКРЯ. *Развеялась прежняя иллюзия о том, что фюрер ничего не знает, что во всем виновато его окружение*. Даниил Гранин. Зубр. НКРЯ.), которое формируется при объективации субъектного компонента семантической структуры глагола *окружить* и базируется на его четвертом, переносном значении: ′4. *перен., кем.* Приблизить каких-л. лиц к кому-л., создать из каких-л. лиц чье-л. окружение, общество′.

Четвертый ЛСВ деривата – ′4. Окружающий, прилегающий к чему-л. район; окрестность. *Машиностроительные заводы Москвы и ее окружения′. Центральная усадьба заповедника находится в поселке Брыкин Бор в окружении сосен, на высоком берегу реки Пра*. З.Б. Минина. Творческие мастерские // «Первое сентября», 2003. НКРЯ, – имеет пространственное значение, которое опирается на второй ЛСВ глагола ′2. *чем.* Поместить, расположить что-л. вокруг кого-, чего-л.′

Таким образом, структура лексического значения девербатива *окружение* сформирована по комбинированному типу полисемии: в процессе синтаксической деривации формируется исходный ЛСВ с транспозиционным значением опредмеченного действия, выступающий мотивирующим для 5-го ЛСВ со значением результата действия, которое актуализируется в процессе семантической деривации.

2, 3 и 4-й ЛСВ существительного предстают результатом отраженной полисемии, «при которой собственно полисемия развивается в производящем, но при соотносительности производного и производящего по всему семантическому или по его части, включающей несколько значений, она передается производному» [8, 60]. Эти значения, как и 5-й ЛСВ, выражают метонимические предметные значения. В выражении транспозиционного и мутационных значений девербатива, помимо семантики мотивирующего глагола, его словозначений, участвует словообразовательный формант. Анализ суффикса *–ениј-* в существительном ***окружение***, как видим, выражает несколько различных значений: значение опредмеченного действия (транспозиция) и предметные значения (мутация) результата (2 и 5-й ЛСВ), субъекта (3-й ЛСВ) и места (3-й ЛСВ) действия, которые выявляются в определенном контексте. Эти значения можно объединить в одном словообразовательном типе с общим значением «субстанция, имеющая отношение к действию, названному мотивирующим глаголом», в котором можно выделить несколько семантических подтипов. «Слова с тождественными контекстными значениями инвариантных аффиксов образуют семантические подтипы в пределах словообразовательного типа, выделяемого на основе инвариантного значения форманта (а также части речи мотивирующего слова). Слова с неинвариантными аффиксами семантических подтипов не имеют» [7, 94]. В структуре девербатива ***окружение*** представлены семантические подтипы со следующими словообразовательными значениями:

а) «опредмеченное действие, названное мотивирующим глаголом», точнее его 1 и 3-м ЛСВ;

б) «результат действия, названный исходным значением деривата или 3-м ЛСВ глагола, а также 5-м ЛСВ глагола»;

в) «субъект действия, названный 4-м ЛСВ глагола»;

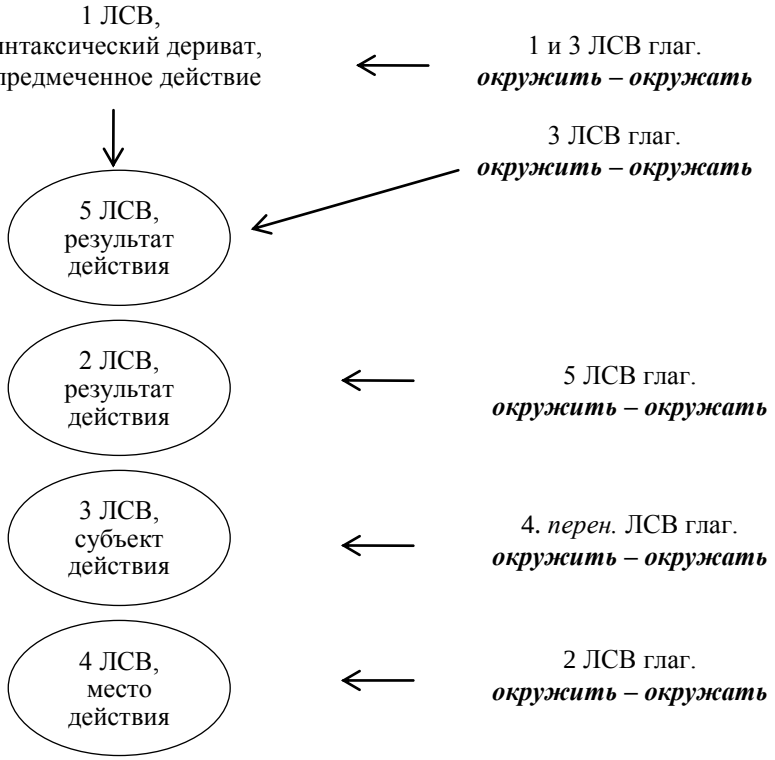
г) «место действия, названное 2-м ЛСВ глагола».

В формировании словообразовательных значений участвует и словообразовательный формант, который предстает инвариантным. «Применительно к семантике инвариант – это общее значение единицы, выведенное из его конкретных реализаций в тексте», – отмечает И.С. Улуханов [7, 89]. И далее он пишет: «…об инвариантном значении какой-либо единицы языка (слова, морфемы или грамматической категории) следует говорить в тех случаях, когда, во-первых, различные значения этой единицы, присущие ей в контексте, в окружении других единиц, в той или иной степени определяются этим окружением; во-вторых, когда эти контекстные значения не исключают друг друга и могут быть подведены под более общее значение» [7, 91]. Как видим, отмеченные положения вполне применимы к структуре рассматриваемого существительного ***окружение***.

Следует обратить внимание на следующий факт: при анализе 2-й ЛСВ девербатива предстает полимотивированным. При непосредственной мотивации словозначение деривата мотивируется 3-м ЛСВ глагола; при опосредствованной мотивации 2-й ЛСВ существительного мотивируется его исходным значением,

которое представляет собой номинализацию действия. Думается, обе мотивации деривата являются равноправными.

На схеме структура девербатива ***окружение*** предстает следующим образом:

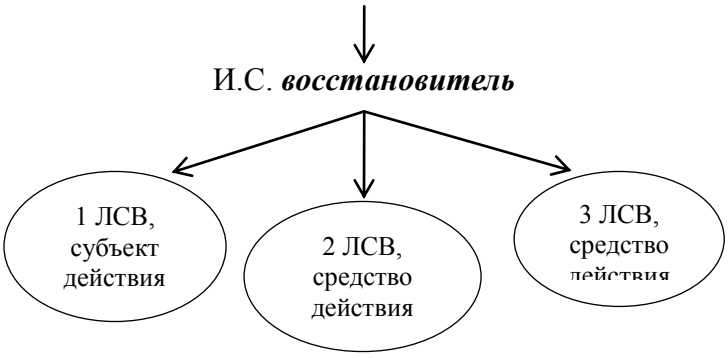


По-иному формируется семантическая парадигма девербативов со значением «носитель процессуального признака». В структурировании дериватов участвуют такие суффиксы, как: *-тель, -чик/-щик, -атор, -к(а), -ник* и др.: *возбудитель, измеритель, наполнитель, бомбардировщик, корректировщик, переносчик, счетчик, вертушка, ставка, пересмешник, сборник, классификатор, манипулятор, регистратор* и др. Рассматриваемые имена существительные относятся к конкретно-предметной лексике, их конкретные значения создаются преимущественно в процессе лексической деривации, в соответствии с чем семантическая парадигма девербативов представлена мутационными словообразовательными значениями.

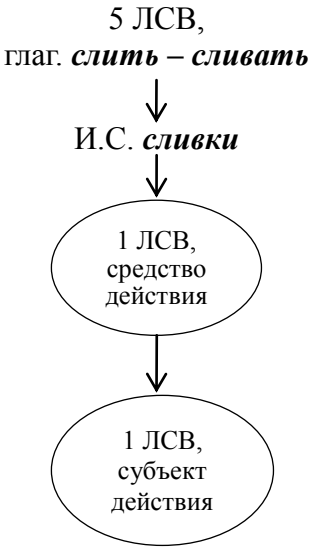
В семантической парадигме отглагольных дериватов со значением «носитель процессуального признака» наблюдаются такие значения, как лицо – производитель действия, орудие, средство, вещество и др., при помощи которых осуществляется действие. Эти предметные значения при анализе ситуации, обозначенной глаголом, его семантических валентностей (под которыми понимаются глубинные, смысловые роли, которые характерны для каждой ситуации), позволяют выявить источники формирования актантных значений девербатива.

Так, существительное ***восстановитель*** содержит в своей семантической парадигме три ЛСВ: ′1**.** Тот, кто участвует в восстановительной работе. *Утром команда восстановителей железнодорожного полотна наткнулась у насыпи на Федота.* Седых, Даурия′. *И тут Меркурий Авдеевич должен был выступить в качестве восстановителя утерянного равновесия и направить стопы дочери на путь истины.* К.А. Федин. Первые радости. НКРЯ. ′2. *Хим.* Вещество, с помощью которого производится реакция

восстановления (во 2-м знач.). 3. Средство для восстановления прежнего цвета волос′. Мотивирующий глагол ***восстановить*** также является многозначным, однако структура деривата базируется на одном, 1-м ЛСВ мотиватора: ′1. Привести в прежнее состояние, положение что-л. разрушенное, нарушенное, пришедшее в упадок, в негодность; возродить, возобновить. *Восстановить разрушенное войной хозяйство. Восстановить здоровье′.* Обращение к пропозиции, центром которой выступает предикат, показывает, что участниками ситуации выступают такие актанты, как субъект и средство действия, актуализация которых в процессе деривации находит отражение в соответствующих предметных номинациях. 1-й ЛСВ называет субъекта действия, 2 и 3-й ЛСВ – средство действия.



Также вещественное и субъектное значения совмещены в структуре дериватов ***обогатитель*** и ***сливки***. Семантическая парадигма этих существительных, как и девербатива *восстановитель*, формируется на базе одного значения мотивирующих глаголов. Если в девербативе ***обогатитель*** предметные номинации сформированы в процессе лексической деривации путем актуализации соответствующих актантных компонентов субъекта и вещества (средства), при помощи которого осуществляется мотивирующее действие: ′1. Специалист по обогащению полезных ископаемых. 2. Вещество, состав и т. п., повышающие полезные качества почвы, руды, минералов и т. п., делающие их богаче в отношении содержания чего-л. *Многие бактерии являются обогатителями почвы′*, то в существительном ***сливки*** субъектное значение является результатом метафорического переноса в процессе семантического развития исходного значения: ′1. Верхний густой и жирный отстой молока. *Снять сливки с молока. Взбитые сливки. Кофе со сливками.* 2. *перен.; кого-чего.* Самая лучшая, отборная часть кого-, чего-л.′ *Жаль, что ботинком нельзя вдарить: все-таки не ооновская шушера перед нами, а сливки родной коммунистической партии.* Василий Аксенов. Таинственная страсть. НКРЯ. *А американцы и европейцы в те же годы без лишнего шума запускали один за другим относительно недорогие и очень умные зонды, долетевшие до всех крупных планет Солнечной системы и сделавшие практически все открытия первого уровня, «снявшие сливки» научных сенсаций.* В. Сурдин. Нужно ли человеку лететь на Марс? // «Наука и жизнь», 2006. НКРЯ.



Мотивирующим для существительного *обогатитель* выступает 3-й ЛСВ глагола ***обогатить***: ′Повысить полезные качества чего-л. (почвы, руды, минералов и т. п.), сделать богаче в отношении содержания чего-л. путем внесения какого-л. вещества, состава и т.п. или удаления ненужного. *Обогатить почву азотом. Обогатить руду′*, для деривата ***сливки*** – оттенок 5-го ЛСВ глагола ***слить***: ′Вылить или перелить отстоявшуюся жидкость, отделяя ее от чего-л. густого′.

Таким образом, в формировании семантической парадигмы имен существительных со значением «носитель процессуального признака» глагол принимает участие лишь частью своих значений. Словообразовательный формант, будучи инвариантным, конкретизируется в каждом акте деривации до значений субъекта, средства действия и пр.

Исследование многозначных отсубстантивных существительных (типа *голубятник, медвежатник, ночник, газетчик, хлебница* и др.) показывает, что их семантическая парадигма также зачастую базируется на одном значении мотиватора. При анализе источников формирования семантической парадигмы дериватов необходимо учитывать различные лексические и грамматические характеристики мотивирующего слова. Знаменательное слово характеризуется определенным семантическим потенциалом. «Это те семантические возможности, отмечает Г.И. Кустова, которые предоставляет говорящим исходное значение и связанная с ним ситуация для осмысления, концептуализации других ситуаций, и, с другой стороны, сам круг ситуаций разных типов и разной природы, на которые данное слово можно “распространить”, которые им можно “охватить”» [5, 30].

Так, существительное ***песенник*** включает в свою семантическую парадигму следующие значения: ′1. Исполнитель песен. *В городском саду по соседству играл оркестр и пел хор песенников.* Чехов. Ионыч. || *Разг.* Тот, кто умеет и любит петь. *Песенник и гармонист, он был постоянным гостем на всех вечеринках.* Николаева. Жатва.

2. Автор текста песен или композитор песенной музыки. *Поэт-песенник.*

3. Сборник песен. *[В помещичьих домах] попадались песенники и другие дешевые произведения рыночной литературы, которые выменивали у разносчиков барышни.* Салтыков-Щедрин. Пошехонская старина′.

Необходимость анализа окружения мотивирующей единицы определяется сложной семантической структурой производного слова. Рассмотрение мотиватора ***песня*** с точки зрения возможных ситуаций, объектом которых может быть

этот артефакт, показывает: а) песню кто-л. исполняет; б) песню кто-л. пишет (сочиняет); в) песни собирают, объединяют в какие-л. книги. В соответствии с этими ситуациями перед исследователем предстают следующие словообразовательные значения субстантива ***песенник***: а) тот, кто исполняет то, что названо мотивирующим словом; б) тот, кто пишет (сочиняет) то, что названо мотивирующим словом; в) то, в чем объединены, собраны предметы, названные мотивирующим словом. Как видим, в каждом из словообразовательных значений присутствует глагол (предикат), являющийся связующим компонентом между мотивирующими и мотивированными единицами. На этот факт обращал внимание Ю.Д. Апресян: «Необходимо учесть, что в подавляющем большинстве словообразовательных типов… семантически имеет место отглагольное словообразование, независимо от того, сопутствует ли ему формальная производность от глагола или нет; поэтому и в случаях типа *садовник, коровник* и т.п. на достаточно глубоком уровне обнаруживается та же система актантных значений (субъект, место и т.п.), что и в случаях классического отглагольного словообразования» [1, 132]. В семантической парадигме рассматриваемого субстантива представлены актантные значения субъекта (1 и 2-й ЛСВ) и места различных предикатов, актуализированные в процессе деривации.

О «встроенном» предикате в структуре существительных типа *автобус, экран, роман, платье* и т.п. пишет Е.В. Рахилина: «…у этих имен предикаты оказываются встроенными не в поверхностную морфологическую, а в “невидимую” семантическую структуру» [6, 322].

На то, что не выражено значение действия в словах типа *барабанщик*, хотя слова эти относятся к nomina agentis, указывает и О.П. Ермакова. «Как и все названия лиц, мотивированные названиями предметов, они характеризуются невыраженностью значения действия. Ср. *голубятник, печник, газетчик, барабанщик* и др. Назовем такое наращение синтаксическим на том основании, что производящая основа, не изменяя в составе производного лексического значения, как бы вводит в значение производного целый компонент словосочетания – свое главное слово (глагол) [3, 17].

Таким образом, проведенный анализ различных групп многозначных девербативов и субстантивов позволяет утверждать, что в структурировании значений дериватов значительное место занимает семантика мотивирующего слова. Появление производных значений во многом предопределяется той ситуацией, в центре которой находится глагол вместе со всеми его семантическими валентностями. Если в формировании семантической парадигмы девербативов семантика мотивирующего глагола находит морфологическое выражение в структуре существительного, то при образовании субстантивов семантика глагола, находясь в латентном виде, входит в значение деривата вместе с мотивирующим словом. Словообразовательный формант, участвующий в актах деривации, предстает инвариантным, конкретизируясь в каждом из словообразовательных подтипов.

1. Апресян Ю.Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М., 1974.

2. Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). М., 1972

3. Ермакова О.П. Проблемы лексической семантики производных и членимых слов: автореф. дис. … докт. филол. наук. М., 1978.

4. Ермакова О.П. Лексические значения производных слов в русском языке. М., 1984.

5. Кустова Г.И. Типы производных значений и механизмы языкового расширения. М., 2004.

6. Рахилина Е.В. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. М., 2010.

7. Улуханов И.С. Словообразовательная семантика в русском языке и принципы ее описания. Изд. 3-е. М., 2004.

8. Ширшов И.А. Типы полисемии в производном слове // Филологические науки. 1996. № 1. С. 55–66.

9. НКРЯ – Национальный корпус русского языка. URL: *http://www.ruscorpora.ru/*

К.В. Манерова, М.В. Корышев
K.V. Manerova, M.V. Koryshev

К ИСТОРИИ ЕВРОПЕЙСКОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ: ПРОФЕССОР ИСТОРИИ И ЭЛОКВЕНЦИИ И.-А. ГАРТМАН

ABOUT THE HISTORY OF THE EUROPEAN ENLIGHTENMENT: PROFESSOR FOR THE HISTORY AND RHETORIC JOHANN A. HARTMANN

В период Просвещения язык для немцев становится идеологическим средством понимания и идентификации себя как нации, в Германии возрастает интерес ко всему, что связано с изящным стилем: к обучению и преподаванию, к изучению риторики, ее истории. Статья посвящена научной деятельности одного из признанных мастеров элоквенции в Германии профессора Марбургского университета Иоганна Адольфа Гартмана. Его научные интересы охватывали историю, философию, теологию, теорию стихосложения и риторику.
Ключевые слова: *И.-А. Гартман, риторика, европейское Просвещение, университет г. Марбурга, М.В. Ломоносов.*

For the German Enlightenment period in the first half of the 18th century, the concepts "Stil" (Style) and "Geschmack" (Taste) are the most enduring constants. One of the acknowledged German masters in elocution is professor at the University Marburg Johann A. Hartmann. He wrote more than 70 works about history, philosophy, theology and rhetoric. These works contribute to the becoming of the historical and philological German tradition and to the formation of the language for the humanities. His doctrine in rhetoric might inspire the researches of the Russian scientist M.V. Lomonosov.
Key words: *Johann A. Hartmann, rhetoric, German Enlightenment, University of Marburg, M.V. Lomonosov.*

Может показаться удивительным, но хорошо изученная история немецкого Просвещения постоянно открывает нам новые имена в контексте межкультурных связей ученых и университетов. Новый метафилологический принцип – взаимодействие культурных кодов – позволяет иначе взглянуть на историю становления научных контактов. Для немецкого Просвещения периода второй половины XVIII века понятия «Stil» (стиль) и «Geschmack» (вкус) являются устойчивыми константами, наряду с логико-философскими категориями «Vernunft» (разум) и «Denken» (мышление). Научный и пуристический интерес к немецкому способствует его развитию и утверждению в статусе языка народа, обладающего высокоразвитой культурой (нем. Kultursprache). В это время язык для немцев становится идеологическим средством понимания и идентификации себя как нации, и, как следствие этой тенденции, в Германии возрастает интерес ко всему, что связано с изящным стилем: к обучению и преподаванию, к изучению риторики, ее истории. Одним из признанных мастеров элоквенции в Германии считают профессора истории и элоквенции Марбургского университета Иоганна

Адольфа Гартмана. Его интересы, согласно тенденции универсализма, характерной для ученых XVIII века, охватывают несколько сфер: историю, философию, теологию, теорию стихосложения, риторику и другие аспекты.

Мы можем предположить, что имя этого немецкого просветителя сейчас известно очень немногим современным историкам науки только благодаря тому, что среди слушателей его лекций в Марбурге были трое студентов, приехавших в 1737 году из России – М.В. Ломоносов, Д.И. Виноградов и Г.У. Райзер. На самом деле во многих исследованиях, которые посвящены деятельности М.В. Ломоносова как ритора и члена Исторического собрания Академии наук (М.И. Радовский, В.В. Фомин, П.Е. Бухаркин), упоминание о Гартмане не представлено, хотя отметим, что устойчивый интерес Ломоносова к проблемам риторики и, в особенности, к истории развился в Германии.

Подробную биографию немецкого просветителя, написанную на основе рассказов самого Гартмана, приводит Фридрих Вильгельм Штридер [11, 289–312]. Ф.В. Штридер отмечает следующее: Гартман сам начал писать свою биографию, но успел дойти лишь до эпизода в Португалии. Вдова Гартмана передала эти записи проф. Гаасу, он довершил очерк биографии Гартмана.

Иоганн Адольф Гартман (Johann Adolph Hartmann (известно 13 вариантов написания имени Гартмана на немецком языке), 10.03.1680–31(?)10.1744, *по старому стилю*) родился в г. Мюнстере в семье имперского нотариуса, поверенного в делах, хранителя печати в церковном суде епископата Адольфа Генриха Гартмана. Начала латыни и католического вероучения Гартману преподал домашний учитель, позже, а именно с 1689 года, обучение продолжалось в гимназии Мюнстера, где уроки патера Меера, иезуита, так повлияли на юного Гартмана, что он решил вступить в этот орден и посвятить свою жизнь изучению и преумножению сакрального знания. Однако во время обучения в гимназии Гартман интересовался не только толкованием Божественного писания, не меньший интерес представляли для него занятия светскими дисциплинами, а именно поэтикой, красноречием и философией, которые в гимназии вел талантливый профессор поэтики Иоганн Ремпен. Ремпен, иезуит и страстный приверженец католицизма, к методике обучения подходил как светский профессор, трактовал свой предмет широко и стремился привить своим ученикам универсальный подход к его изучению. Особое внимание в обучении Гартмана Ремпен уделял логике как одному из разделов философии, обязательному в гимназическом преподавании, а также занятиям по ведению диспута как необходимой подготовке к будущему вступлению в орден иезуитов. Гартмана в этих занятиях привлекали методические разъяснения профессора Ремпена о необходимости четко формулировать задачу и ясно выражать мысль в диспуте, о выборе средств убеждения, аргументации, то, чего впоследствии ему не будет хватать в самом учении иезуитов. Ремпен занимался с Гартманом до 1695 года, затем профессора сменил пастор Кнауф, однако его консервативная манера преподавания и ограниченное толкование философии так сильно отличались от интересных занятий профессора Ремпена, что Гартману приходилось изучать другие разделы философии во многом самостоятельно. Вынужденное самообучение, однако, принесло свои плоды, и в 1698 году Гартман успешно защитил избранные тезисы по философии и был принят в орден иезуитов.

Вместе с другими шестью кандидатами он отправился в семинарию города Трира, куда и прибыл в последний день мая 1698 года. В семинарии ордена новообращенный Гартман занимался так называемыми духовными упражнениями, заключающимися в основном в наблюдениях и размышлениях о тяжести греха, о наказании, вечном блаженстве, божественной любви. В обучении Гартману не хватало ясности и четкости в определении предмета, не хватало философского подхода, т.е. того, к чему он привык на занятиях с профессором Ремпеном. Кро-

ме этого, Гартман стремился к занятиям светскими дисциплинами, собственно наукой, но основное обучение новообращенных в иезуитских семинариях ограничивалось формированием у семинаристов так называемой «рабской покорности» вышестоящим и отрицанием ценностей других религий, концепцией, сформулированной Игнатием Лойлой (нем. Kadavergehorsam). Гартман провел в семинарии г. Трира два года, по окончании в 1700 году он вернулся в Мюнстер, где снова занялся изучением философии и литературной поэтики. Следуя традиции иезуитов не задерживаться долго на одном месте, в 1701 году он переехал в небольшой город Косфельд на границе с Голландией.

Несколько неприглядных историй, в которых были замешаны монахи-иезуиты из этого города и свидетелем которых был сам Гартман, оставили в его душе неприятный осадок и породили сомнения. Его поразило то, что поведение его братьев по ордену было в высшей степени греховным, нарушало все принципы, привитые им католической верой, но виновники не были наказаны, более того, их оставили в рядах ордена иезуитов.

Гартман попросил перевести его в другое место и в 1703 году получил направление в г. Еммерих-на-Рейне, где смог заняться тем, что его увлекало, а именно преподаванием риторики и поэтики в гимназии. Среди его учеников было два протестанта, выгодно отличавшихся усердием и дарованием среди других мальчиков, и в ходе общения с ними полное предубеждений отношение Гартмана к людям не католической веры постепенно сменилось уважительным интересом к протестантизму, что в дальнейшем изменило не только его духовные и нравственные ориентиры, но и жизнь.

В возрасте 33 лет (1713 г.), сразу после получения ученого звания профессора, Гартман решил посвятить себя миссионерской деятельности. Согласно прошению, он получил назначение в Восточную Индию. Из Голландии через Англию в Португалию и далее по морю в Индию – таков был план Гартмана. По пути в Португалию случилось недоразумение: капитан английского судна, на котором плыл Гартман, принял появившиеся на горизонте корабли своего же соотечественника – английского адмирала Бинга – за варварские пиратские суда и завернул в северо-испанский порт Виго, отказавшись плыть дальше. Из этого портового города Гартману пришлось продолжать свой путь в Лиссабон по суше. В пути он заболел: как иносказательно пишет биограф, «португальский воздух подействовал на него губительно», в действительности же недуг Гартмана был следствием легочной инфекции, в те времена называемой «португальской лихорадкой»; по тяжести протекания эту болезнь приравнивали к чуме. Помощь Гартману оказали в иезуитском монастыре в Лиссабоне. Однако болезнь изнурила Гартмана, и настоятель монастыря посоветовал ему не продолжать свое путешествие с благими миссионерскими целями, а вернуться домой и продолжить свое служение в лоне католической церкви. Можно только догадываться о том, воспринял ли Гартман свой недуг и вызванное им крушение намерений как некий знак свыше, стал ли он свидетелем других неприглядных поступков братьев-иезуитов, какие беседы зародили в нем сомнение в истинности его веры, но ценность католицизма утратила для него свое значение. По возвращении в немецкий г. Падерборн, он решил перейти в протестантизм.

В то время известным оплотом протестантизма в Германии было ландграфство Гессен (например, в 1686 году туда перебрались, спасаясь от преследования во Франции, около 4000 гугенотов), и Гартман решил искать пристанища там. Он подал прощение о защите гессенскому министру, и в 1715 году ему удалось перебраться в г. Кассель. Там же в 1715 году он перешел в протестантскую веру.

Не удивительно, что в протестантских графствах и княжествах Германии с недоверием относились к беглым иезуитам. Однако Гартману, прозелиту, разрешили не только преподавать в кассельском протестантском учебном заведении

Collegio Carolino, но и выступать с речами по торжественным случаям при дворе суверена – ландграфа Карла Гессен-Кассельского. Студенты и коллеги превосходно отзывались о Гартмане, и 27 июля 1716 года решением ландграфа его утвердили в звании профессора философии и поэтики, позже – истории и элоквенции, чему 24 ноября Гартман получил соответствующее свидетельство. Отношение к Гартману в Гессене было особым, ландграф Карл высоко оценил личность и одаренность бывшего католического миссионера: по высочайшему повелению Гартману стали выплачивать высокое жалование и, что редко случалось, через полгода удвоили его.

С 1722 года профессор элоквенции и истории Иоганн Гартман преподает уже в Марбургском университете. Здесь Гартман читал лекции по своим любимым дисциплинам: красноречию, истории, философии, а также обучал студентов искусству ведения диспута. «Работоспособность, честность, тщательность исполнения обязанностей и добродетель Гартмана принесли ему заслуженное уважение и многие материальные блага» [11, 297].

На сайте архива Марбургского университета размещен индекс лекций профессорского состава философского факультета Марбургского университета с 1722 по 1743 гг., в который включены и лекции профессора И.-А. Гартмана (Indices lectionum et publicarum et privatarum quae in Academia Marpurgensi) [10]. Преподавательская «нагрузка» профессора Гартмана органично совмещала занятия по истории и стилистике, позже и по философии. Как можно предположить, основываясь на архивном материале, в качестве герменевтического источника и предмета обсуждения для занятий Гартман выбирал преимущественно авторов, носителей так называемой «золотой латыни», произведения которых могли иллюстрировать студентам и толкование истории, и анализ приемов риторики. Как видно из анонса предлагаемых курсов, в разное время Гартман отдавал предпочтение следующим авторам и работам: это Цицерон, Тацит «Германия», Цезарь «Записки о Галльской войне», Светоний «Жизнь 12 цезарей», Валерий Максим «Достопамятные деяния и изречения», Луций Флор «Римская история», Тит Ливий «Римская история», Курций Руф «История Александра Македонского». Безусловно, предлагаемые для изучения работы свидетельствуют о прекрасной начитанности самого Гартмана, о его склонности к комплексному интерпретационному анализу. С другой стороны, именно этим авторам в отображении исторических событий свойственна острота восприятия жизни, а не только «кабинетная» ученость, что, безусловно, нашло свое выражение и в языке, в селекции языковых средств. Выбор произведений указанных авторов для комментирования можно назвать прекрасно продуманным. Так, Цезарь, Ливий, Валерий Максим – признанные уже в античности (военные) историки и мастера красноречия; Курций Руф, вероятно, уделял больше внимания риторике, чем исторической правде, однако, его сочинение написано образным языком, и, как известно, было источником для изложения основ стилистического анализа не только в немецких университетах.

Дополнительные практические занятия на философском факультете детализируют действительно обширные научные интересы Гартмана в области гуманитарных наук. В разные месяцы он занимался со студентами стилистикой, ораторским искусством, эпистолографией, всеобщей историей, историей Германии и отдельно Гессена, историей литературы, историей Священной Римской Империи, логикой, географией, геральдикой. Необходимо сказать, что Гартман не только преподавал данные дисциплины, как практик он с успехом применял их принципы и основные положения, например, в написании собственных трудов. Его библиография насчитывает свыше 70 работ. Гартман является, среди прочего, автором известных жизнеописаний понтификов XI и XII вв., вовлеченных в так называемый «спор об инвеституре» – Урбана Второго, Геласия, Каликстия [6]. Гартман

– автор крупных работ по истории Германии, написанных преимущественно на латыни. С 1726 года ему было доверено написание истории ландграфства Гессена "Historia Hassiaca», эта работа вышла в трех томах (1741–1746 гг., третий том вышел уже после смерти автора) [7]. Гартман интересовался и филологическими исследованиями: в работе «Vera mentis notion ex probatis scriptoribus eruta et auspiciis serenissimi principis ac Domini Frederici Hassiae Landgravii Religua» [9] проводится детальный этимологический и стилистический анализ понятий «*mens*» и «*anima*» в работах античных и других авторов. Гартман упоминается и в качестве научного консультанта и редактора для более чем сорока диссертаций по философии, теологии, теории стиля, истории, выполненных на философском факультете университета г. Марбурга. Принципы античного красноречия Гартман использовал также при написании «окказиональных» речей: панегириков и надгробных речей, в этом он был особо искусен. Известными примерами панегириков в немецкой риторике являются речи Гартмана в честь своего суверена, короля Швеции и ландграфа Гессен-Кассельского Фридриха Первого (ср. Panegyricos Friderico – Regi Suec. Hass. Landgr. cum die 2. Apr. 1720 Suecor. Rex esset renunciatus, diectus nomine Coll.Carolino.Cassel 1720.fol [8]).

В 1737 году студентом Гартмана в Марбургском университете становится Михаил Ломоносов. Упоминания занятий Гартмана в историографии М.В. Ломоносова не часты. В списке «Сведения о лекциях, читанных в Марбургском университете», подготовленном для М.И. Сухомлинова и хранящемся в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН (СПбФ АРАН, Фонд 20, опись № 006, единица хранения 59), не содержится подробного описания учебных занятий И.-А. Гартмана. М.И. Сухомлинов в статье о Ломоносове, студенте Марбургского университета, пишет о профессоре элоквенции И.-А. Гартмане в следующем контексте: «...Гартман читал о римском красноречии, разбирал сочинение Цицерона *de officiis* также Тацита, Тита Ливия, Юлия Цезаря, Квинта Курция, преподавал также географию и отечественную историю» [5, 157]. Элоквенция и стихотворство имели в те времена прикладное назначение, а написание од и стихов было занятием многих. Это занятие оплачивалось – за речи королям и высокопоставленным лицам платили по 12 талеров, недовольные могли подать жалобу и требовать выдачи награды по «таксе, определенной уставом». По мнению М.И. Сухомлинова, именно под влиянием примера немецких литераторов М.В. Ломоносов привык смотреть на торжественную лирику как на официальную обязанность.

Сотрудница архива Марбургского университета И. Ауэрбах, автор книги «Der hessische Löwe und der russische Bär» упоминает занятия, которые вел И.-А. Гартман: логика, универсальная история и история права.

М.В. Ломоносов мог посещать не только лекции «publice», но и практические занятия Гартмана, проводимые в формате «privatim», т.е. семинары для студентов, записавшихся на тот или иной предмет, в объеме, который определял сам профессор. Как следует из индекса лекций Марбургского университета, в апреле 1738 года темой занятий Гартмана была работа Курция Руфа «История Александра Македонского», весьма колоритный памятник римской литературы времени раннего принципата, который он мог предлагать и для разбора на дополнительных занятиях. Вот что пишет современный латинист А.А. Вигасин в предисловии к изданию: «История Александра Македонского» написана Курцием в некоем смешанном жанре: для истории здесь слишком много драматических преувеличений и внимания к одной личности, для биографии — слишком много событийной истории, описаний битв и походов. Это смесь исторического повествования и риторики, где последний элемент не менее важен, чем первый. Курций Руф славится как мастер составления речей. Он выписывал их с особенной любовью и тщанием. Речи построены

по всем правилам античного красноречия, даже те, которые вложены в уста простых и грубых скифов. Они изобилуют яркими образами и риторическими фигурами, часто основаны на контрастах. Имя Квинта Курция Руфа содержится также в списке знаменитых риторов середины I в. у Светония» [4, 19]. Мы можем предположить, что М.В. Ломоносов знал эту работу Курция еще со времен обучения в Славяно-греко-латинской Академии, т.к. переводное русское издание было инициировано, по всей видимости, еще Петром Первым и появилось в 1709 году. На титульном листе первого русского издания значилось: «Книга Квинта Курция о делах содеянных Александра Великого царя македонского, переведена повелением царского величества с латинского языка на российский лета 1709 и напечатана в Москве того же лета в октоврии месяце». В середине XVIII в. известный ученый и писатель Степан Крашенинников выпустил свой новый перевод, затем переиздававшийся. Об этой работе Н.М. Карамзин писал как о переводе «совершенном и классическом», который «и теперь имеет цену свою, по крайней мере, в сравнении с другими переводами латинских авторов». «Квинт Курций Руф, таким образом, внес свою лепту в развитие и русского литературного языка» [4, 22].

Не берем на себя смелость утверждать, что занятия профессора И.-А. Гартмана могли оказать сильное влияние на риторическую концепцию М.В. Ломоносова. Скорее, эти занятия могли послужить источником опорных пунктов для последующей разработки таковой. Некоторые наблюдения позволяют сделать вывод о близости научных интересов обоих ученых в области гуманитарных наук: риторики и истории. Остановимся на уже названном сочинении Курция Руфа. Так, в работе «Краткое руководство к красноречию» 1747 года М.В. Ломоносов в числе античных авторов упоминает и Курция Руфа: на «Историю Александра Македонского» дано 11 ссылок. Каждый раз Ломоносов берет из данного сочинения цитаты для иллюстрации примеров риторических фигур и приемов. Например, в параграфе 78 Главы пятой «О изобретении доводов» М.В. Ломоносов пишет: «Когда две энтимемы, сделанные из условных силлогизмов, соединены будут в силлогизм или, лучше, в энтимему разделительную, тогда рождается дилемма, довод обоюдный, который ради своей остроты по справедливости рогатым называют. Так говорят скифские послы Александру Великому у Курция, в книге 7:

Ежели ты бог, то должен ты смертным делать благодеяния, а не грабить; буде же ты человек, то помни, что ты такое» [3, 6, 158].

В «Кратком руководстве к красноречию» Ломоносов приводит подробные примеры и выдержки из сочинения Курция в главе «О возбуждении, утолении и изображении страстей» в разделах о надежде (с. 181) и гневе (с. 184). В главе «О изобретении витиеватых речей» Ломоносов в части о вымышленном действии приводит речь скифских послов к Александру:

«И скифские послы говорят Александру Великому у Курция, в книге 7:

Наконец, когда ты преодолишь весь род человеческий, то уже с лесами, со снегами, с реками и с дикими зверьми войну иметь будешь» [3, 6, 211].

Другие цитаты из «Истории Александра Македонского» приводятся в разделах об обращении, о расположении описаний, о прямой и косвенной речи, о вводной речи, об изречении, о присовокуплении. Безусловно, Ломоносов очень хорошо знал работу Курция Руфа и трактовал ее сообразно своим представлениям о риторической традиции.

Не только элоквенция, но и история Германии была предметом лекций профессора Гартмана в период обучения М.В. Ломоносова в Марбурге. В апреле и сентябре 1738 года исторический аспект в лекциях профессора Гартмана был представлен работами Корнелия Тацита по отечественной истории (Collegium vero Historiae Germanicae). Одним из новейших изданий Тацита в Библиотеке Академии Наук было франкфуртское издание

1725 г. М.В. Ломоносов читал эту работу и неоднократно ссылался на нее. Так, в полемике с Г.-Ф. Миллером по поводу диссертации «Происхождение имени и народа российского», а именно в изложении взглядов на происхождение роксоланов Ломоносов упрекает своего немецкого коллегу в незнании основополагающих источников: «Здесь примечания достойно, что господин Миллер вышеписанные о роксоланах свидетельства древних авторов, то есть Страбоновы, Тацитовы и Спартиановы, пропустил вовсе..» [1, 6, 29]. Следуя нашим наблюдениям, укажем, что в работе «Древняя российская история» [2, 6, 176] М.В. Ломоносов ссылается на работу Тацита «De situ, moribus et populis Germaniae libellus» (Книга о положении, обычаях и народах Германии) в трактовке вопроса этнической принадлежности вендов.

В настоящей краткой статье мы представили заинтересованному читателю жизненный и научный путь немецкого просветителя И.-А. Гартмана, выразили полемические предположения о возможной цитации его взглядов в работах российского ученого М.В. Ломоносова. Данные наблюдения позволяют нам сделать вывод, что взаимовлияние немецкой и российской литературной и исторической культур в период Просвещения изучено еще далеко не полностью и постоянно открывает исследователям новые перспективы.

1. *Ломоносов М.В. [Возражения на диссертацию Миллера] // Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений / АН СССР. М.; Л., 1950–1983. Т. 6: Труды по русской истории, общественно-экономическим вопросам и географии. 1747–1765 гг. М.-Л., 1952.*
2. *Ломоносов М.В. [Древняя Российская история от начала российского народа до кончины великого князя Ярослава Первого или до 1054 года, сочиненная Михаилом Ломоносовым, статским советником, профессором химии и членом Санкпетербургской императорской и королевской Шведской Академии наук] // Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений / АН СССР. М.; Л., 1950–1983. Т. 6: Труды по русской истории, общественно-экономическим вопросам и географии. 1747–1765 гг. М.-Л., 1952.*
3. *Ломоносов М.В. Краткое руководство к красноречию. Книга первая, в которой содержится риторика, показующая общие правила обоего красноречия, то есть оратории и поэзии, сочиненная в пользу любящих словесные науки // Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений / А СССР. М.-Л., 1950–1983. Т. 7: Труды по филологии 1739–1758 гг. М.-Л., 1952.*
4. *Руф К.К. История Александра Македонского. М., 1993.*
5. *Сухомлинов М.И. Ломоносовъ студентъ Марбургскаго университета // Русскій вестникъ. 1861. Т. XXXI. № 1. С. 127–165.*
6. *Hartmann J.A. Joh. Adolphi Hartmannni Vitae Pontificum Romanorum Victoris III., Urbani II., Paschalis II., Gelasii II et Callisti II / olim editae nunc Honorii II vita auctiores Marburgi Cattorum: Mueller, 1742.*
7. *Hartmann J.A. Historia Hassiaca: Historiam Hassiae, Ad Annum Usque MCLXVII, Complexa, vol. 1, Marburgi Cattorum. Mullerus, 1741; (vol. 2, Marburgi Cattorum. Mullerus, 1742; vol. 3. Marburgi Cattorum. Mullerus, 1746).*
8. *Hartmann J.A. Panegyricos Friderico – Regi Suec. Hass. Landgr. cum die 2. Apr. 1720 Suecor. Rex esset renunciatus, diectus nomine Coll.Carolino. Cassel 1720.fol*
9. *Hartmann J.A. Vera mentis notion ex probatis scriptoribus eruta et auspiciis serenissimi principis ac Domini Frederici Hassiae Landgravii Religua. Marburgi Cattorum. 1730.*
10. *Indices lectionum et publicarum et privatarum quae in Academia Marpurgensi [Электронный ресурс]. URL: http://archiv.ub.uni-marburg.de/eb/2011/0004/view.html (Дата обращения: 10.03.2013).*
11. *Strieder F.W. Grundlage zu einer Hessischen Gelehrten und Schriftsteller Geschichte. Seit der Reformation bis auf gegenwärtige Zeiten. Besorgt von F.W. Strieder. Bd. 5. Cassel. 1785.*

М.Х. Морозова
M.Kh. Morozova

МИФОЛОГЕМА «ИДЕАЛЬНОЙ ЗЕМЛИ» В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ М. ПРИШВИНА

MYTHEME OF "THE IDEAL EARTH" IN M. PRISHVIN'S ART DISCOURSE

В данной статье рассматривается мифологема «идеальной земли» в художественном дискурсе М. Пришвина. Эта страна не имеет реальных очертаний, границ и имени, но стремление к ней становится главной мечтой писателя и его героев.
***Ключевые слова**: Пришвин, мифологема, земля обетованная, земля идеальная, земная стихия.*

In this article the mytheme of "the ideal earth" in M. Prishvin's art discourse is considered. This country has no real outlines, borders and a name, but the aspiration to it becomes the main dream of the writer and his characters.
***Key words:** Prishvin, mytheme, the promised land, the land is ideal, the earth element.*

Пришвин, создавая свой неомиф о России, нередко обращался к образам, «выражающим взаимообратимость жизненных явлений, в частности, к образам природных стихий, означающим изменчивость всего сущего» [1, 51]. Особое значение среди них принадлежит земной стихии.

В художественном дискурсе писателя актуализируется мифологема «идеальной земли», широко представленной в мировых культурах. В русском национальном сознании место вечного блаженства обычно представлялось как утраченный Эдем, как город (архетип «небесного Иерусалима») или как небесное пространство, вечно истинное и святое. Но если «новоевропейская секуляризация темы рая как сада вела к идеализированному образу природы, то есть к идеологии натурализма, то секуляризация рая как города вела к идеализированному образу общества и цивилизации, то есть к идеологии утопии (урбанистические фантазии, начиная с позднего Возрождения: «Город Солнца» Т. Кампанеллы, «Христианополис» И.В. Андрэе, где связь с новозаветным прототипом особенно очевидна, и т.п.)» [3, т. 2, 364].

Желание обрести потерянный рай заставляло русского человека искать его не только на небесах, но и на земле.

Все творчество Пришвина пронизано чувством любви к земле, верой в ее мистическую природу. Земля с ее тайной «зеленого покрова» и того, что сокрыто под ним, воспринималась писателем как неиссякаемый и неисчерпаемый творческий родник. Писатель, по собственному утверждению, занимал весьма скромное место хранителя земных риз, святого зеленого покрова родной земли.

Чувство счастья, исходящее от земли, рождало в Пришвине неповторимый духовный оптимизм. Не случайно М. Горький отметил в своем письме: «...Не о природе пишете Вы, а о большем, чем она, – о Земле, Великой Матери нашей. Ни у одного из русских писателей я не встречал, не чувствовал такого гармонического сочетания любви к Земле и знания о ней, как вижу и чувствую это у

Вас. ...Ваше чувство дружбы к человеку так логически просто исходит из Вашей любви к Земле, из "геофилии" Вашей, из "геооптимизма"» [2]. И это действительно так.

Пришвинские герои, как и сам автор, стремятся найти землю «без имени и территории». Пришвин обращался к мифологеме райской земли как к цветущему саду. Это очень национальное стремление к лучшему миру, к «земле обетованной» характерно уже для раннего Пришвина. Стремление к таинственной земле означает в пришвинской прозе появление духовной оппозиции по отношению к реальному миру («Кащеева цепь»), где автобиографической герой находится в пространстве несвободы. Бессознательная тяга к сакральному пространству рождает стремление к Небывалому. Так, в своем первом очерке «За волшебным колобком» автор желает «напомнить о той стране без имени, без территории, куда мы в детстве бежим». Мотив поисков неизвестной земли постепенно мифологизируется. В мифологиях народов мира сакральное желание найти «землю идеальную» встречается повсеместно и, очевидно, это связано с мечтой человек об утерянном рае. У Пришвина такая земля вначале не имеет определенных границ, у нее нет конкретного имени, но постепенно она начинает обретать реальные имена и очертания.

Впервые о существовании некоей идеальной земли, где есть все, маленький Курымушка узнает из рассказов деревенского охотника Гуська, который грезит о «новом месте в Сибири», где все «перепела белые», «бобры синенькие, зелененькие, всякие», куда и им «подаваться надо». Где-то там, в Америке или Азии, на сказочной земле сияет эта страна, «еще без имени и без территории», вот там, в этой стране «...и есть настоящая жизнь, а тут у нас жить не стоит, тут – ненастоящее», – рассуждает маленький гимназист Курымушка в романе «Кащеева цепь». Мечта о небывалом заставила Курымушку совершить с друзьями побег в «Азию» – открывать забытые страны. Первое путешествие в сказку закончилось принудительным возвращением беглецов обратно домой и чувством полного разочарования.

Но детская мечта о небывалом не исчезает, она возвращается к подросшему Курымушке, исключенному из гимназии с «волчьим билетом», когда его везет родной дядя в Тюмень. Реалии Сибири, пестрота впечатлений, рассказы окружающих, тяготы переселенцев – все вдруг обретает какой-то новый смысл в его тайных надеждах увидеть страну своих грез. Поэтому особое значение получает встреча Алпатова со странником-старообрядцем, в руках которого была Маргарит-книга. Странник ищет свою райскую землю – тайное Беловодье, что стоит на золотых горах и белых водах, куда приходит только праведный «и святой град ему открывается. Так и на белые воды тоже надо с молитвой идти: кто праведный, приходит и видит золотые горы...» [5, 112].

Старинная легенда обретает новую жизнь в словах странника-старовера, путешествующего с мечтой о земном рае. Здесь, в онтологической схеме текста, встреча Алпатова со странником-старовером не случайна. Он уже никогда не забудет эту встречу, важную веху на пути духовного поиска.

Стоит отметить, что мать Пришвина, Мария Ивановна, происходила из старообрядческого рода Игнатовых: «Именно от матери М. Пришвин унаследовал глубинную духовность, генетическую память старообрядца, которая на протяжении всей жизни приводила его в края, где прошлое сливалось с настоящим, и это соединение времен создало необыкновенный, непримиримый тип людей и необыкновенную глубокую культуру» [4]. Поэтому искания старообрядцев идеальной земли были чрезвычайно близки писателю. Память рода, предков позвала, поманила его на долгие странствия.

Теперь сказочная земля в сознании героя трансформируется в особое мифологическое пространство, что стоит на золотых горах и белых водах: «Мне вдруг пришло сейчас в голову: а что, если и это первое путешествие мое в небывалое и

потом все эти годы странствий на русской почве и дальше, далеко за ее пределы, все это небывалое: на белых водах и в золотых горах началось и осталось в душе от предков-купцов, собиравших русскую землю?» [5, 104].

Беловодье – один из ярчайших мифологических образов в русской культуре. В народном сознании оно локализировано на востоке, так как восток символизирует чистоту, праведность и благополучие и наделяется особой сакральностью. По библейским сказаниям именно на востоке был помещен созданный Богом рай.

Беловодье выступает как некий собирательный образ страны всеобщего счастья, благоденствия и добродетели. Именно к нему восходит образ молочной реки с кисельными берегами, часто встречающийся в русских сказках. Возможно, что под ней подразумевается Млечный путь, растекающийся по небу подобно реке и согласно греческой мифологии возникший из брызнувшего грудного молока богини Геры, оттолкнувшей от себя маленького Геракла.

Беловодье в легендах раскольников-бегунов представлена не только как «как страна будущего, куда попадут лишь те, кого сам Бог удостоит пройти ведущий туда нелегкий и дальний путь, и где они обретут безмятежное житие», но и как страна наделенного признаками идеального прошлого, как некое начало времен, куда избранные могли возвратиться.

Исследовавший народные предания о Беловодье Н.К. Рерих особо отмечал убеждения староверов о том, что эта страна находится «за великими озерами, за горами высокими. ... Там живет высшее знание и высшая мудрость на спасение всего будущего человечества. Зовется это место Беловодье» [6].

Беловодье часто искали на Алтае, который считался и считается сакральной землей. В семантической структуре лексемы «Беловодье» есть компонент, указывающий на белый цвет, на особый белый оттенок воды, поэтому его местонахождение часто предполагали на острове или у водоемов. Действительно, на Алтае есть немало рек и озер, чья вода имеет белый оттенок, что находит отражение в названиях (Белая река, Белое озеро), а само слово «Алтай» в переводе с тюркского языка означает «Золотые горы».

Таким образом, страна без имени и территории получает конкретное местоположение, контрастируя с реальностью.

Интересно, что, пересекая на поезде Урал, Алпатов наблюдает чудесную картину, где на цветущей земле трудятся современные Адам и Ева: «...и все только леса вокруг и кое-где долины, покрытые высокой цветущей травой. Сверкает смелая, привольная коса, а позади нее – смиренная женщина с граблями. Он косит, она собирает» [3, 113]. Окружающий мир приобретает черты земного рая, в котором красота мира и труд человека обретают особую гармонию.

Мифологема «идеальной страны» приобретает различные смыслы и значения: «страна ослепительной зелени», «страна без имени и территории», таинственное Беловодье, – становятся доминантой духовного странничества пришвинских героев и самого автора. Пространственные границы таинственной страны приобретают особое очертание в романе «Кащеева цепь». В этих целях Пришвин вводит особый пространственный символ «зеленая дверь», в котором цветообозначение связано с семантикой надежды и счастья.

Таинственная Зеленая Дверь, ведущая в «страну светящейся зелени», «закрытую тончайшим сплетением трав, через которые надо пройти, не задев ни одной», преследует Алпатова и толкает на поиски. Выполнить необходимое условие и открыть Зеленую Дверь нетрудно, «нужно только для этого отказаться от всякой *выгоды* для себя» [5, 300]. Земля обетованная предстает перед героем-повествователем в хорошо знакомом и родном ему облике, «и только одним она отличается от обыкновенного мира, что растет музыкально, все совершается музыкально, везде вокруг естественная музыка, которой с таким трудом подражают в обыкновенной жизни, проделывая смешные движения локтями и пальцами» [5, 300].

Саксония в Зеленой Германии напоминает автобиографическому герою о стране ослепительной зелени: «...когда Мина сказала слова *Зеленая Германия*, Алпатову смутно что-то вспомнилось, но только этой ночью во сне он догадался, что это было: эта Зеленая Германия явилась ему как Зеленая Дверь, сон, повторявшийся, как ему казалось, тысячи раз» [5, 294].

Главная ипостась таинственной земли – духовная, ибо она соответствует безгреховной природе человека. В описании земли без имени и территории Пришвин глубоко мифологичен. Выбор писателем зеленого цвета, как и образ цветущего луга, как характеристики страны обетованной, не случаен. А.Н. Афанасьев отмечал, что райская страна как представление, списанное с весенней природы, пышно убранной в зелень и цветы и освещенной яркими лучами солнца, изображалась как вечно зеленый сад с золотыми и серебряными плодами или вечно цветущий луг.

Такой райской страной становится Люксембургский сад, в котором смертельно влюбленный Алпатов ждет свою невесту: «Перед самым закатом солнца очутились опять в Люксембургском саду и сели на лавочку против своего фонтана.

– Что я думаю, – сказал Алпатов,– мне кажется, я этот город видел где-то, очень может быть, что во сне, но все равно знал о нем, и что когда народ наш дождется счастья, то у нас сложится, как здесь» [5, 367].

Но пылкое счастье влюбленных омрачено предчувствием чего-то ужасного, катастрофического. Алпатов бродит по Парижу в поисках пристанища, в котором можно укрыться от сжигающего его мучительного чувства, но не может найти, так как все места отмечены присутствием возлюбленной и «только пройдя Этуаль, он вступает наконец в мир, который ему заменит любовь. Тут расходились аллеи, и от каждой из них в стороны было множество тропинок. Алпатов шел, не разбирая пути, и скоро совсем потерялся в незнакомых местах. ...Волшебна была ему одна тропинка с кустарниками в смолистых зеленеющих почках. С необыкновенной силой проникал в него свет этой зелени, и аромат, и музыка множества начинающих свою весеннюю работу пчел» [5, 377].

Свое спасение от мучительной сердечной боли, острого разочарования в любимой женщине герой-повествователь находит в своем путешествии по зеленеющей земле внезапно открывшегося ему нового мира в Булонском лесу: «Алпатов продолжал свой волшебный путь по земле «взамен Инны», совершенно как будто знал в предчувствиях давно о нем и теперь его наконец-то открыл во всей действительной его красоте. Главное, что в этом новом мире не было пустот и промежутков, как в старом» [5, 377].

Глядящий вокруг себя и внутрь себя герой-повествователь вступает в страну непуганых птиц, когда «лесная путаница тропинок окончилась, и открылся великий простор. Была синяя гладь, как широкий торжественный путь, по сторонам тесные кущи особенных, сделанных рукой человека похожими на облака, только начинающих зеленеть деревьев, там и тут из этой светящейся зелени выглядывали белые статуи, били радужные фонтаны» [3, 377–378]. В тексте возникает смысловое поле, существующее в пространстве между грезами о счастье и реальностью, сотворенной руками человека. Происходит прорыв в новое смысловое измерение: земной рай возможен для человека влюбленного и любимого. Но среди чудес сказочно-реального мира Алпатов находит если не исцеление от своего сердечного недуга, то примирение с действительностью.

Нанесенная отвергнувшей его невестой сердечная рана оказалась настолько глубокой и болезненной, что Алпатову «вдруг оказалось, что мира этого *взамен* Инны совсем не существует, все было обман» [5, 416]. Утрата веры в лучший мир для героя-повествователя мучительна и страшна.

В жизни героя судьбоносным становится нелогичный, но внутренне вполне объяснимый поступок. После разрыва с невестой он внезапно сходит с поезда

наугад к живым и гармоничным звукам природы: «И пошел по шпалам в ту сторону, откуда звуки были сильнее. С каждым шагом ясней и ясней вставало перед ним детское путешествие в забытые страны и росло все больше и больше доверие к милым, родным, ласкающим звукам» [5, 434]. Бессознательно он ищет спасения от сердечной боли в природе, на весенней земле, и мечта возвращается: «Все это было для Алпатова, как будто на вопрос сторожа: “Куда идешь?” – он ответил: “Иду открывать забытые страны”, – и сторож сказал: “Иди, забытая страна тут возле”» [5, 434].

Обетованная страна непуганых птиц и ослепительной зелени не имеет своей территории и постоянно меняет свое местоположение. Она то исчезает, то вновь возникает в Сибири, в Саксонии, во Франции, на Русском Севере.

Но реальные черты она получает в ту «живую ночь», в то лучезарное утро, когда звери, птицы и травы встречают солнечное утро и их «хоровая песня во славу расцветающей от солнца земли далеко, за версты, наполняет души случайно не спящих людей тоской о настоящей родине в какой-то забытой стране» [5, 442]. Проснувшийся утром в кусту можжевельника Алпатов внезапно находит свою настоящую родину в окружающей его природе: «”Вот оно что! – догадался человек, лежащий в кусту можжевельника. – Вот она где моя родина, я не один”. И, затаив дыхание, стал при начинающем свете ближе и ближе все узнавать и открывать в *забытой стране*» [5, 442] (курсив мой. – *М.М.*).

1. Борисова Н.В. Мифопоэтика всеединства в философской прозе М. Пришвина: учебно-методическое пособие. Елец, 2004.
2. Горький М. О М.М. Пришвине [Электронный ресурс] // URL: http://dugward.ru/library/prishvin/gorkiy_prishvin.html
3. Мифы народов мира. Энциклопедия: в 2-х т. / Гл. ред. С.А. Токарев. – М., 1998.
4. Михаил Михайлович Пришвин – певец Святой Руси [Электронный ресурс] // URL: http://www.pomor-otvet.ru/?page=prishvin
5. Пришвин М.М. Кащеева цепь // Собр. соч.: в 8 т. Т. 2. М., 1982.
6. Рерих Н.К. Сердце Азии [Электронный ресурс] // URL: http://www.magister.msk.ru/library/roerich/roerih09.htm

Р.И. Хашимов
R.I. Khashimov

РУССКИЕ ИСТОРИЗМЫ, ЭТНОГРАФИЗМЫ: ПРОБЛЕМА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПЕРЕВОДА

RUSSIAN HISTORISMS, ETHNOGRAPHISMS: PROBLEM OF LITERARY TRANSLATION

Статья посвящена проблемам художественного перевода вообще и передаче русских историзмов, этнографизмов как элементов языковой картины мира на другой язык в частности. Материалом исследования послужил перевод на таджикский язык романа А.С. Пушкина «Евгений Онегин».
Ключевые слова: *теория и практика перевода, картина мира, тематическая группа, средства передвижения, национальное и историческое своеобразие.*

The article is concerned with the problems of literary translation in general as well as the translation of Russian historisms, ethnographisms as elements of linguistic view of the world into another language in particular. The translation of A.S. Pushkin's novel "Eugene Onegin" into the Tadjik language served as the study data.
Key words*: theory and practice of translation, view of the world, thematic group, means of transportation, national and historical peculiarity.*

Творческое наследие великого художника русской словесности А.С. Пушкина уже два столетия является неотъемлемой частью духовной жизни русского народа. Его творчество настолько многогранно и многоцветно, что оно будет оказывать влияние на миропонимание многих последующих поколений. Однако творчество великого поэта является достоянием не только русского народа, его культуры, но и других народов. Сам Пушкин, блестящий знаток языков и культур других народов, и его наследие стали достоянием мировой цивилизации. Он проявил себя не только как гениальный творец художественного слова, как основоположник современного русского литературного языка, но и как создатель первой энциклопедии жизни русского народа и российского общества первой трети XIX века. На наш взгляд, впервые именно в творчестве великого русского поэта Пушкина нашло художественное воплощение многообразие русского духа, устремленные в будущее поиски идеала и смысла жизни конкретного человека, осознание причастности русского народа к мировой истории. Многоликим и цельным предстает русский народ в его творчестве. Русские стали близкими и понятными другим народам благодаря и Пушкину, который прозорливо сказал:

Слух обо мне пройдет по всей Руси великой,
И назовет меня всяк сущий в ней язык,
И гордый внук славян, и финн, и ныне дикой
Тунгус, и друг степей калмык.

Без всякого сомнения, можно утверждать, что подлинный Пушкин доступен лишь на русском языке. Однако его влияние сказалось непосредственно на творчестве многих писателей и поэтов народов еще в эпоху существования Российской империи, Советского Союза, а также на творчестве поэтов и прозаиков стран Европы, Азии, Америки посредством перевода поэтических и прозаических произведений Пушкина.

Теория и практика перевода имеет многовековую историю. Но дискуссии о проблемах перевода вообще и художественного перевода в частности не прекращаются до сих пор. Одним из важнейших вопросов является перевод исторического текста как отражения языковой картины мира народа определенной эпохи. Художественное же произведение, созданное несколько веков назад в иных исторических условиях, в современных переводах нуждается в теоретическом осмыслении и практическом воплощении.

Роман в стихах «Евгений Онегин» был завершен Пушкиным в знаменитую Болдинскую осень 1830 года, а начат был в мае 1823 года. Более семи лет отдал поэт этому произведению. С одной стороны, это уже достаточно большой срок для творчества, а с другой стороны, это особый исторический период в жизни русского общества: он охватывает период царствования и Александра I, и Николая I, и восстание декабристов 1825 года. Современники в главах «Евгения Онегина» узнавали в героях себя и знакомых, соседей и своих крестьян, свой город и свою деревню, нетронутый цивилизацией русский пейзаж, окружающую действительность, быт и нравы соседей-помещиков, интересы и развлечения аристократического света и поиск смысла жизни русского патриота, его отчаяние и хандру, в строчках поэтического романа слышали живую народную речь. Надо иметь в виду то обстоятельство, что, принимая положение, что современный русский язык – это «язык от Пушкина до наших дней», в тексте художественного произведения, созданного двести лет назад, мы должны признать, что имеются лексические единицы и обороты, которые обозначают ушедшие реалии и явления из современной жизни русского народа. Такие слова, чаще этнографизмы и историзмы, требуют уже внетекстового комментария не только для иноязычного, но и русского читателя.

Перед переводчиком «Евгения Онегина» стояла и стоит непростая задача: сохранить художественную действительность переводимого произведения, т.е. обеспечить максимально полное художественное, эстетическое соответствие изобразительных средств языка и стиля Пушкина и остаться верным исторической действительности изображаемой эпохи.

Диалектика художественного перевода обусловлена тем, что микропереводческий (собственно лингвистический) аспект художественного соответствия оригинала переводу наслаивается на макропереводческий аспект, т.е. на необходимость учета и сохранения, с одной стороны, тех исторических реалий, которые нашли отражение в произведении, а с другой стороны, сделать его доступным и понятным современному иноязычному читателю без дополнительного внетекстового комментария. Сочетание историзма и реализма с художественным переводом (своего рода оригинальным творчеством) может дать полное и образное ретроспективное представление о жизни, быте другого народа.

При передаче названий исторических реалий, этнографизмов и т.п. перед переводчиком стоит сложная задача: или сохранить названия этих реалий и дать соответствующие комментарии вне текста перевода, или заменить приблизительными (при отсутствии эквивалентов) названиями. Однако частично или полностью совпадающие номинации не должны ассоциироваться с современным языковым сознанием иноязычного читателя, который может быть хорошо осведомлен о культуре, быте, обычаях, истории народа, а может иметь лишь приблизительное представление о нем. Передать национальное и историческое своеобразие того или иного народа, отраженное в

художественном произведении, сложнейшая задача переводчика. Вряд ли можно следовать одному какому-то принципу: либо отразить подлинник произведения, либо отразить историческую реальность, отраженную в художественном воображении мастера слова. В первом случае переведенный текст – это отражение художественного отражения исторической и реальной действительности, т.е. иноязычный читатель воспринимает вторичное осмысление художественной действительности. Во втором случае – предается забвению своеобразие языка и стиля писателя ради исторической достоверности и реальной действительности.

Рассмотрим отдельные тематические группы слов русского языка, отражающие внешние и внутренние атрибуты культуры русского народа и использованные Пушкиным в романе «Евгений Онегин» в сравнении с его таджикским переводом, осуществленным Мухиддином Фархадом. К словам, репрезентирующим внешние атрибуты культуры русского народа, мы относим лексические единицы со значением «средство передвижения людей», «одежда», «обувь», «головные уборы», «пища», «праздники», «танец» и др. Внешние атрибуты культуры русского народа за 180 лет после написания «Евгения Онегина» в определенной степени подверглись изменениям. Качественным и количественным изменениям подверглись и соответствующие тематические группы слов: ушли в пассивный запас языка одни слова, появились другие; одни изменили лишь семантику, другие – стилистическую окраску. Но современный носитель русского языка в целом сохраняет, а в некоторых аспектах – возрождает в своем языковом сознании всю палитру национальной культуры первой трети XIX столетия, поэтому у них не возникает затруднений в понимании тех или иных лексических единиц, отражающих сферу духовной и материальной культуры, в том числе и французской культуры в аристократической среде русского общества. Однако «Пушкин своеобразно использует культуру французской среды. Он оценивает ее достижения с точки зрения «духа» русского языка и с точки рения «нагой простоты», свойственной «свежим вымыслам народным» и разговорному языку «хорошего общества» [1, 517–518].

Даже для современного носителя русского языка такие исторические реалии, как средства передвижения пушкинских героев типа воз, возок, кибитка, бричка, сани, санки, карета, фаэтон, коляска, тройка, почтовые, дроги, дрожки, дровни и т.д., нуждаются в пояснении, чтобы различать тот или иной вид гужевого транспорта. Историзмы в своей основной массе или совсем вышли из употребления и потому семантически трудно различимы (напр., *дроги* и *дрожки*) или видоизменили семантику (напр., *санки* в современном русском языке больше синонимичны слову *салазки*), или находятся на периферии словарного состава языка (*бричка*, *кибитка*, *фаэтон*. *карета* и т.п.).

Историзм *карета* имеет значение «закрытый со всех сторон четырехколесный конный экипаж на рессорах» [6, т. II, 33][5]. В современных текстах изредка встречается устойчивое словосочетание типа *карета скорой помощи* в значении «специальная автомашина, высылаемая для оказания немедленной медицинской помощи». В пушкинскую эпоху кареты могли быть средством передвижения как личного пользования, чаще всего у аристократов, так и общественного за отдельную плату: в городах и в междугородном сообщении использовались ямские кареты.

У нас теперь не то в предмете:
Мы лучше поспешим на бал,
Куда стремглав в **ямской карете**
Уж мой Онегин поскакал.
(гл. 1, строфа 27)[6]

[5] Все значения анализируемых слов даются по данному изданию.

[6] Далее в круглых скобках первая цифра обозначает главу романа, а вторая – строфу.

Перевод:
Фахри мо акнун на ин бошад зарур:
Беҳ, ки бинмоем сӯи бал шитоб,
Гашта дар **файтон** савора боғурур,
Рафт Онегини ман он ҷо завқьёб.

Переводчик М. Фархад использует таджикский историзм *файтун* (в литературном языке закрепилась форма *фойтун*). Однако фойтун – это коляска с откидным верхом, в то время как карета – закрытая со всех сторон четырехколесная повозка на рессорах. Лингвистически и стилистически оправданное использование историзма при переводе входит в противоречие с обозначаемой реалией: коляски, фаэтоны не использовались для передвижения в зимнее время, т.е. языковая картина мира русских искажается, у таджиков возникает неверное представление о быте русского народа. Переводчик для обозначения дрожек «легкий открытый экипаж» использует снова лексему *фаэтон*, что более оправдано и исторически, и лингвистически:

А вы, красотки молодые,
Которые позднею порой
Уносят **дрожки** удалые
По петербургской мостовой
И вас покинул мой Евгений (I, 43).

Перевод:
Ҳам шумо, о, нозанинони ҷавон,
Тарк кард, охир, Онегин умрбод, –
Эй ки бо рохи Петербурги калон
Мебарад **файтон** яке монанди бод.

Однако ни исторически в макропереводческом аспекте, ни лингвистически в микропереводческом аспекте не является оправданным использование слова *ароба* при переводе русского историзма *карета*:

Когда все вышли на крыльцо,
И все, прощаясь, суетилось
Вокруг **кареты** молодых,
Татьяна проводила их (7, 12).

Перевод:
Бо ҷавонон чун ҳама бо хою хӯ
Дар такопӯ вақти хайру хуш шуданд,
Таня аз пушти **ароба** рахравон,
То ба гардишгох; бугселондашон.

К необходимости передать слово *карета* путем заимствования переводчик приходит в одной из пушкинских строф:

В поля, друзья! скорей, скорей,
В **каретах**, тяжело нагруженных,
На долгих иль почтовых
Тянитесь из застав градских (7, 4).

Перевод:
Сӯй саҳро зуд, ёрони наҷиб!
Бас **карета** пур шавад аз борҳо,
Мекашонад почтаву суст аст боз,
Гӯ, ки: зуд аз шахр бар саҳро битоз.

Почтовые перевозки грузов и пассажиров в России осуществлялись почтовыми каретами и почтовыми лошадьми. М. Фархад данную историческую реалию передает сочетанием слов со значением «почтовая лошадь»:

Так думал молодой повеса
Летя в пыли на **почтовых**
Всевышней волею Зевеса
Наследник всех своих родных (1, 2).

Перевод:
Буд инсон фикри марди сарсарӣ,
Вориси чизи ҳама хешу табор
Бо иродота Зевеси акбаре
Медавонд **асп**, аз қафо чангу губор.

Евгений тотчас на свиданье
Стремглав **по почте** поскакал (1, 52).

Перевод:
Хозири дидор Онегин гашт худ,
Аспи почта, мисли боде, медавид.

Если в первом случае таджикский читатель может подумать, что Евгений мчался верхом, то во втором случае определение «почта» дает более верное представление об этой исторической реалии.

Когда Пушкин рисует способ приезда гостей на Ольгины именины, используя названия разных средств передвижения, то он одновременно дает представление о разном благосостоянии дворян, помещиков-соседей:

С утра дом Лариных гостями
Весь полон; целыми семьями
Соседи съехались в **возках**,
В **кибитках**, в **бричках** и в **санях**
(5, 25).

Перевод:
Аз саҳар дар ҳавлии Ларин шуданд
Меҳмонони азизу арҷманд,
Омаданд аз ҳар тараф ҳамсоягон
Ҳам пиёда, ҳам савора ин замон.

Переводчику удалось лишь создать образ многолюдности, многоликости гостей, дорогих и желанных для Лариных. Однако то, что в переводе одни гости приезжали (*савора*), а другие прибыли пешком (*пиёда*), совершенно исключает историческую и художественную достоверность произведения, разнообразные способы приезда дворян на бал, хотя и в сельской местности.

М. Фархад не нашел необходимых названий для возков, кибиток, бричек и саней, хотя часть из них имеет соответствия, а другую часть можно было бы заимствовать. Использовав название *файтон* для кареты, дрожек и коляски, переводчик усредняет различные виды средств передвижения людей. На наш взгляд, нельзя названия *дровни* и *сани* переводить одним словом *чана*, нельзя русские блины превращать в лепешки, хотя и с определением *русские*. Оставив неизменными слова *пирог, кофе, ананас, бланманже, альманах, журнал, эпиграмма, бал, зал, клуб, камин, лорнет, раут, роберта, вист, мазурка, вальс, бостон, котильон, ломбер, семинарист, диплом, гусар, княжна, сержант, чепец, трактир, прейскурант* и десятки других названий исторических и этнографических реалий, составлявших внешние атрибуты культуры, быта русского дворянства, русских крестьян, переводчику необходимо было придерживаться принципа системности в переводе непереводимых лексических единиц, т.е. диалектически соединить художественную действительность и историческую правду. Естественно, сохранение названий реалий быта, культуры в переводе не должно нарушать естественную природу художественного произведения оригинала, т.к. «слово народной, обыденной речи, реалия в оригинале ничем не отличается от окружающих ее слов, не «торчит над строкой», а вполне естественно сливается с гомогенной тканью всего контекста. Стало быть, такое же малозаметное положение она должна занимать и после введения ее в текст перевода, И здесь, как в подлиннике, она должна иметь свое функциональное оправдание» [2, 493].

Системность, свойственная любому языку, в художественном переводе обусловливает сопоставление лексического репертуара двух языков, а установление полной или частичной эквивалентности историзмов и этнографизмов (слов, свойственных языку данной национальной общности, данного народа) поможет определить характер взаимоотношений национальных языков, даст возможность переводчику выявить закономерности использования тех или иных единиц, учитывая при этом парадигматические и синтагматические отношения, особенно синонимические и родо-видовые отношения. Так, описание русской жизни лишь перечислением атрибутов Пушкин создает своеобразный исторический колорит: ср. сборы Татьяны перед ее отъездом и ее въезда в Москву:

Осмотрен, вновь обит, упрочен
Забвенью брошенный **возок**,
Обоз обычный: три **кибитки**
Везут домашние **пожитки**,
Кастрюльки, **стулья**, **сундуки**,
Варенье в **банках**, **тюфяки**,
Перины, клетки с петухами,
Горшки, тазы et cetera,
Ну, много всякого **добра**,
И вот в избе между **слугами**
Поднялся шум, прощальный плач:
Ведут на двор осьмнадцать **кляч**
(7, 31).

В **возок боярский** их впрягают,
Готовят завтрак повара,
Горой **кибитки** нагружают,
Бранятся **бабы**, **кучера**.
На **кляче** тощей и косматой
Сидит **форейтор** бородатый,
Сбежалась **челядь** у ворот
Прощаться с барами (7, 32).

.... Уж **столпы заставы**
Белеют: вот уж по Тверской
Возок несется чрез **ухабы**.
Мелькают мимо **будки**, **бабы**,
Мальчишки, **лавки**, **фонари**,
Дворцы, **сады**, **монастыри**,
Бухарцы, **сани**, **огороды**,
Купцы, **лачужки**, **мужики**,
Бульвары, **башни**, **казаки**,
Аптеки, **магазины моды**,
Балконы, **львы**, на воротах
И стаи галок на **крестах** (7, 38).

Рисуя широкими словесными мазками картины русской жизни, Пушкин создает неповторимый облик России, русского народа, его своеобразия. Слово в пушкинском тексте, даже самое известное или вышедшее из употребления современного русского народа, несет заряд жизнеутверждающего начала, силы духа и широты русской души, несмотря на неравенство социального положения, на существовавшие мерзости крепостничества или духовную нищету части русской аристократии.

С пушкинских времен слова русского языка подверглись видоизменениям: они могли перестать быть просторечными или диалектными и превратиться в общеупотребительные слова, приобрести новые значения или утратить те или иные семы, могли видоизмениться парадигматические и синтагматические отношения, но в любом случае они отражают функциональную, экспрессивно-стилистическую, социально-культурную и социально-этнографическую сложность русского языка как исторической и духовной реальности. Поэтому недосказанность, неполнота или, что совсем недопустимо, искажение этой сложности при переводе может привести или к утрате своеобразия пушкинского слога, или нивелировке исторического и национального колорита.

Переводчик М. Фархад в целом передает в вышеприведенном отрывке дух суматохи и сборов Татьяны перед отъездом. Таджикоязычный читатель ощущает, что данный переезд – целое событие в жизни девушки и всех домочадцев, что она вступает в новую жизнь, что весь отъезд проходит как будто без участия самой героини: она глазами поэта отстраненно наблюдает за всем происходящим. В передаче внутреннего состояния Татьяны, самой русской среди русских героинь литературы XIX века, переводчик достигает цели. Однако описанная художественная действительность мало похожа на русскую жизнь первой трети XIX столетия, на реальную действительность и жизнь небогатых дворян Лариных, особенно описание деталей и суеты Тверской улицы Москвы. Одновременно переводчик филигранно передает образ автора, его мысли и чувства в 36-й и 37-й строфах седьмой главы о русской столице. Апофеозом звучат слова:

Москва... как много в этом звуке
Для сердца русского слилось!
Как много в нем отозвалось.

<u>Перевод:</u>
Маскав... охир, бениҳоят ин садо
Аз барои қалби руси аст арҷ манд!
Ӯ ба дилҳо он қадар омад писанд!

Духовные искания, страдания ума и сердца, свойственные русскому народу, и способы их художественного воплощения в таджикском тексте «Евгения Онегина» находят в полной мере. Переводчику удалось средствами другого языка передать национально-речевые и демократические корни самой природы общенационального русского литературного языка, а это соответствует взглядам, языку и стилю Пушкина. И это не случайно. Мельчайшие движения человеческой души, полет жизнерадостного чувства, глубокого патриотизма (не патриархальности!) пушкинских стихов в обобщенно-

предметном своеобразии свойственны и традициям великих таджикско-персидских поэтов. В мире чувств и страданий, радости и надежд дух разноязыких народов типичен. Национальная форма и национальное содержание художественного произведения доступны иноязычному читателю при условии, что «знание жизни народа, с языка которого осуществляется перевод, – непременное условие для передачи в художественном переводе **богатства реального содержания подлинника** (выделено мной. – *Р.Х.*), в том числе и национальной формы изображенной в нем жизни» [5, 175].

1. Виноградов В.В. Стиль Пушкина. М., 1941.
2. Влахов С. Глорин С. Непереводимое в переводе // Мастерство перевода. М., 1970.
3. Пушкин А.С. Собр. соч.: в десяти томах. Т. 5. Л., 1978.
4. Пушкин А.С. Евгений Онегин / Перевод с русского языка Мухидина Фархада. Душанбе, 1967.
5. Россельс Вл. Перевод и национальное своеобразие подлинника // Вопросы художественного перевода. М., 1955. С. 155–212.
6. Словарь русского языка. Т. I–IV. М., I98I–I984.

Ваффа Эльвия
Waffa Elwia

ДИМИНУТИВЫ, ОБОЗНАЧАЮЩИЕ ПРЕДМЕТЫ ОДЕЖДЫ, В РАННИХ РАССКАЗАХ А.П. ЧЕХОВА

THE DIMINUTIVES DENOTING CLOTHING IN ANTON CHEKHOV'S EARLY SHORT STORIES

В статье рассматриваются вопросы употребления диминутивов – слов с уменьшительно-ласкательными суффиксами, обозначающими предметы одежды в ранних рассказах А.П. Чехова. Слова эти объединяются в разнообразные группы по типу одежды, но в большей степени с гендерной позиции – мужская и женская одежда. Очень часто диминутивы А.П. Чехова выражают не столько чистую уменьшительность, сколько отношение автора или персонажа к владельцу одежды: от легкой иронии до откровенного презрения. Поэтому диминутивные названия одежды анализируются как в описательном плане, так и в оценочно-прагматическом аспекте.
Ключевые слова*: диминутивы, слова с уменьшительно-ласкательными суффиксами, одежда, оценочно-прагматический аспект.*

The article deals with the questions of using diminutives (words with the diminutive suffixes) denoting clothing in Anton Chekhov's early short stories. These words form different groups on the basis of clothing types but to a greater extent on the basis of gender (men's clothing and women's clothing).Anton Chekhov's diminutives very often express the author's or a character's attitude towards a clothes owner: from delicate irony to undisguised contempt. That is why the diminutives denoting clothing are analyzed in descriptive, estimative and pragmatic aspects.
Key words: *diminutives, words with the diminutive suffixes, clothing, estimative and pragmatic aspect.*

В рассказах А.П. Чехова слова-диминутивы, обозначающие предметы одежды, разнообразны: *башмачок, брючки* (2), *воротничок* (2), *дырка*, *жилетка* (3), *костюмчик*, *кофточка*, *оборочка*, *одежонка*, *пелеринка*, *петличка* (2), *пиджачок* (2), *платочек* (2), *платьице*, *платьишко*, *полусапожки*, *пуговки* (6), *ремешок* (4), *ряска*, *сапожки*, *сюртучишко*, *фалдочка*, *фартучек* (2), *чепчик*, *чулочки*, *шапочка*, *шинелька*, *шинелишка*, *шляпка*, *штанишки*, *шубейка*, *шубенка*, *шубка*, *юбочка*.

Многие диминутивы образованы или суффиксом *-к-*, или формантами с этим же элементом. Так, с помощью суффикса *-к-* образованы диминутивы *брючки, жилетка, пелеринка, петличка, полусапожки, дырка* и др. В произведениях Чехова они выполняют различные функции. Одни из них – например, диминутив *брючки* – способствуют созданию иронического контекста: *Над пестренькими, полосатыми* ***брючками*** *барона можете смеяться сколько вам угодно. Их не носило ранее ни одно авторитетное лицо, хотя актеры и шутят, что эти брючки сши-*

ты из паруса парохода, на котором Сара Бернар ездила в Америку (Барон»)[7]. Здесь существительное *брючки* используется в ироничном описании персонажа, а прилагательное-диминутив *пестренькие* усиливает жалкое впечатление, которое производит одежда героя. Диминутив *петличка* – уменьшительно-ласкательное к *петлица*, употреблен в тексте также в ироническом контексте, в котором перечисляются предметы, способные стать темами рассказов: *Портфель из русской кожи, китайский фарфор, английское седло, револьвер, не дающий осечки, орден в* ***петличке****, ананасы, шампанское, трюфели и устрицы* («Что чаще всего встречается в романах, повестях и т.п.?»). Однако *петличка* также может служить и предметом тщеславия: *Доктор ... отпахнул кусочек шубы, чтобы похвастать перед ссыльным* ***петличкой****, в которой болтался «Станислав»* («Вор»).

С помощью этого же суффикса образован диминутив *жилетка,* который в словаре трактуется как «разг., то же, что жилет»; у Чехова он употребляется в описании одежды мужских персонажей. Диминутивы *сапожки* – уменьшительное к *сапоги*, *полусапожки* – уменьшительное к *полусапоги*, *дырка* – разг., уменьшительное к *дыра: Рабом был бы, девицы, и на коленях* ***дырки****...* («Корреспондент»). С помощью этих диминутивов характеризуется как внешний вид персонажа, так и указывается на его внутреннее состояние.

Диминутив *ряска*, образованный с помощью суффикса -*к*- от существительного *ряса*, использован в следующем контексте: *…отец Кузьма, маленький, седенький попик в лиловой* ***ряске*** («Певчие»). В этом описании ряд диминутивов – *маленький седенький, попик* – способствуют передаче доброго отношения автора к персонажу.

Диминутивы могут способствовать передаче чувств персонажей: Например, существительное *шляпка* – уменьшительное к *шляпа*: *Я готов ее скушать вместе с ее* ***шляпкой****, шубкой и ножками, на которых блестят коньки, – так хороша!* («Добрый знакомый»). Так иронично, с помощью диминутивов *шляпкой, шубкой, ножками* герой передает свои чувства. Другой пример любовного описания: *Влюбился…в белокурые волосы, которые кудряшками падали на красивые плечи из-под широкополой соломенной* ***шляпки****…* («Моя Нана»).

Диминутив *юбочка* – уменьш. [СУ, т. 4, 1445], уменьш.-ласкательное к *юбка* [МАС, т. 4, 773]; образованный с помощью суффикса -*к*-: *Внимание их приковано теми же лошадками и куклами в марлевых* ***юбочках*** («Ярмарка»), – в одном контексте со словом *юбочки* указывает на то впечатление, которое на девочек производит балаган с игрушками.

Диминутив *пелеринка,* образованный также с помощью суффикса -*к*-, использован в качестве такого художественно-изобразительного средства, как метонимия: *Форменные вицмундиры уступили свое место белым* ***пелеринкам*** («Альбом») – речь идет о том, что маленькая девочка в отцовский альбом вместо портретов чиновников вставила портреты своих подруг.

С помощью суффикса -*ок*- образованы диминутивы *башмачок* – разг., уменьшительное к *башмак*: *Она шла медленно, приподняв немного платье и показывая свои маленькие башмачки* («Зеленая коса»); *воротничок* – от производящего *воротник:* ***Воротнички*** *грязной сорочки выдают, что барон не следует моде* («Ненужная победа»). Эти диминутивы использованы как для характеристики внешнего вида персонажа, что показывают приведенные примеры, так и могут быть средством создания комической ситуации: *На его белоснежных* ***воротничках****, обгоняя друг друга, бегут два большущие клопа… О, ужас!!..* («И то и се»). Диминутив *пиджачок,* также образованный с помощью суффикса -*ок*-, в словаре имеет следующее толкование: разг., фам., уменьш. [СУ, т. 3, 255], уменьш.-ласкат. к *пиджак* [МАС, т. 3, 121]. Употреблен он для характеристики

[7] Все тексты произведений А.П. Чехова приводятся по изданию: Чехов А.П. Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. М.: Наука, 1994. Т. 1–2. Рассказы, повести, юморески, 1880–1884.

героя, который стойко переносит незаслуженное наказание: *Серапион сбрасывает с себя* ***пиджачок****, крестится и со смирением ложится на скамью* («Суд»). Диминутив *ремешок* – уменьшительно-ласкательное к *ремень*, также образован с помощью суффикса *-ок-*. Употреблен он для характеристики героя, который дискредитирован в глазах своих подчиненных именно благодаря ремешку, который не вовремя выпал из его кармана: ***Ремешок****, маленький, грязненький, закорузлый, поболтался в воздухе змейкой и упал к ногам архивариуса* («Речь и ремешок»). Диминутивы *маленький, грязненький, змейкой* подчеркивают негативное впечатление, которое оставляет герой, ранее произносивший умные речи.

Диминутив *костюмчик* образован от производящего *костюм* с помощью суффикса *-чик-*; автором употреблен при описании внешности ребенка: *Петя, двенадцатилетний мальчуган в сером* ***костюмчике****, пухлый и краснощекий, с маленьким лбом и щетинистыми волосами…* («Репетитор»).

Другую функцию выполняет диминутив *чепчик,* образованный от *чепец* также с помощью суффикса *-ик*: *На ее крошечной голове сидел большой* ***чепчик*** *с широчайшими бантами, а из-под* ***чепчика*** *выглядывали стариннейшие, дедовские очки: они сидели на длинном тупом носу, напоминавшем большой палец ноги…* («Ненужная победа»). В этом примере диминутив *чепчик*, прилагательные в превосходной степени *широчайшие, стариннейшие*, сравнение носа с пальцем ноги утрируют комическое впечатление, производимое героиней.

Диминутив *рубашечка* – уменьшительное к *рубашка*, образован с помощью суффикса *-ечк-*. Диминутив *кофточка* произведен от существительного *кофта* с помощью суффикса *-очк-*: *черная* ***кофточка*** *с живыми нитками* («Приданое»). Использованные в одном рассказе, эти слова показывают трогательное, сочувственно-любовное отношение автора к своим героям. С помощью уменьшительного слова *кофточка* могут передаваться и переживания героини: *…из груди ее вылетали отрывистые стоны, пальцы корчились и рвали на груди фланелевую* ***кофточку****…* («Месть женщины»). Диминутив *оборочка* – уменьшительное, ласкательное к *оборка* также образованный с помощью суффикса *-очк-*, способствует показу чувств влюбленной девушки: *Из всех* ***оборочек****, щелочек и закоулочков платья посыпались его рецепты…* («Цветы запоздалые»). Употребленные в этом же контексте диминутивы *щелочки, закоулочки* усиливают этот показ.

Диминутив *фалдочка* образован от слова *фалда* также с помощью суффикса *-очк-*: *Шафер Недорезов…с выпученными глазами и стриженой головой, во фраке с оттопыренными* ***фалдочками****, стоял в толпе барышень…* («Гордый человек»). Здесь существительное *фалдочки* использовано как деталь для характеристики самовлюбленного и глупого героя.

Диминутив *одежонка* содержит в своем значении уничижительный оттенок; образован от разговорного *одежа* с помощью суффикса *-онк-: …поломойка Пантелей в* ***одежонке*** *с барского плеча…*(«За двумя зайцами погонишься, ни одного не поймаешь»). С помощью этого диминутива передано сочувственно-пренебрежительное отношение автора к герою. Этот же оттенок пренебрежительности зафиксирован и в диминутиве *сюртучишко* – разг., уменьшительное к *сюртук* [СУ, т. 4, 630], (в МАС не зафиксирован).

Диминутив *платочек* – уменьшительно-ласкательное к *платок* [СУ, т. 3, 288], уменьшительное (МАС); образован с помощью суффикса *-ек-*: *Пахло порошком от моли и новыми козловыми башмаками, которые, завернутые в* ***платочек****, лежали возле меня на стуле* («Приданое»). Диминутив использован для описания нищей обстановки, в которой живут герои, вызывающие сочувствие автора. Также это слово употребляется, когда речь идет о переживаниях героя: *Макар Кузьмич молчит и стоит недвижим, потом достает из кармана* ***платочек*** *и начинает плакать* («В цирульне»). С помощью суффикса *-ек-* образован и диминутив *фартучек* – от *фартук*: *В передней*

встречается ему девочка лет шестнадцати, в ситцевом ***платьице*** *и белом фартучке* («Неудачный визит»). Использованные автором уменьшительные формы помогают созданию щекотливой ситуации, в которую попадает герой рассказа: он принимает дочку хозяйки дома за прислугу и позволяет с ней некоторые вольности.

Диминутив *платьице* – разг., уменьшительное/уменьшительно-ласкательное к *платье*, образован с помощью суффикса *-иц-*. Однокоренной диминутив *платьишко,* образованный от производящего *платье* с помощью суффикса *-ишк-*, получает благодаря этому суффиксу уничижительно-пренебрежительное значение: *...на карточке не было и намека на то бедное* ***платьишко****, которое когда-то обливалось горючими слезами оскорбленной Ильки* («Ненужная победа»). Здесь также использован прием метонимии (человек характеризуется через какие-то его внешние признаки, в данном случае через *платьишко*), что позволяет автору ярче подчеркнуть изменения в облике героини.

Диминутив *пуговки* – разг., уменьшительное к *пуговица*: *Светлые* ***пуговки*** *...По привычке-с... В древности, лет 20 тому назад, я заказал портному сюртучишко; ну, а он, портной-то, по ошибке пришил вместо черных* ***пуговок*** *светлые. Я и привык к светлым* ***пуговкам****, потому что тот сюртучишко лет семь таскал…* («Корреспондент»). Существительное *пуговки* приобретает в данном контексте уничижительно-пренебрежительное значение, усиливаемое диминутивом *сюртучишко* – они характеризуют героя как униженное, забитое существо, раболепствующее перед сильными мира сего.

В рассказе «Толстый и тонкий» с помощью слова ***пуговки*** передается отношение героя к влиятельному другу отца: *…Нафанаил вытянулся во фрунт и застегнул все* ***пуговки*** *своего мундира…*; в другом рассказе слово *пуговки* характеризует героя как разборчивого жениха: *Приятно, ежели жена по-французски и по-немецки…но что из этого толку, ежели она не умеет тебе* ***пуговки****, положим, пришить?* («Дура, или Капитан в отставке»).

Диминутив *шинелька* – просторечное [СУ, т. 4, 1342], (в МАС отсутствует), образован от производящего *шинель* с помощью суффикса *-к-*: *Иван Никитич… засеменил в прихожую, где, среди множества шуб и шинелей, терялась и его маленькая поношенная* ***шинелька*** («Корреспондент»). Есть у Чехова и однокоренное существительное *шинелишка* – разг., уничижительное [СУ, т. 4, 1342], (в МАС отсутствует), образованное от *шинель* с помощью суффикса *-ишк-*: *Впереди толпы прыгает маленький солдатик в старой* ***шинелишке*** *и с шапкой набекрень* («Ряженые»). Диминутивы *маленький, солдатик, шинелишка* создают образ веселого, разудалого солдата невысокого роста [3, 59–64].

С помощью суффикса *-ишк-* образован и диминутив *штанишки* – уменьшительное к *штаны*: *А прежде-то, прежде что было! А? Боже ты мой! Памяти своей не веришь. Без сапог, в рваных* ***штанишках****, со страхом и трепетом…* – так герой, который взял «*судьбы человеческие за вихор*», вспоминает начало своей карьеры («Торжество победителя»). Слово *штанишки* – из прошлой, зависимой и унизительной жизни. В другом рассказе слово *штанишки* использовано в описании чувств героини: *Мамаша побледнела, разинула рот и всплеснула руками.* ***Штанишки****, которые она починяла, выпали у нее из рук* («Случай с классиком»).

Однокоренные диминутивы *шубейка*, *шубенка*, *шубка* имеют в словаре разные пометы: *шубка* – уменьшительное к *шуба*; *шубейка* – разг., устар.; *шубенка* – разг., пренебр., то же, что шубейка [СУ, т. 4, 1375], разг., уничиж. к *шуба* [МАС, т. 4, 735]. В чеховских примерах они выполняют различные функции: так, слово *шубка,* образованное при помощи суффикса *-к-*, использовано в ироническом контексте – *Плачущая Катя медленно расстегнула три верхние пуговки* ***шубки****. Роман с красноречивым героем стушевался из ее головы…* («Слова, слова и слова»), – говорящем о том, что ни о каком духовном возрождении падшей жен-

щины не может быть и речи [1, 58–65]. Существительное *шубенка,* образованное с помощью суффикса -*'онк*-: *Из-под фалды его* ***шубенки*** *болталась шпага* («Вор»), – использовано как деталь в описании доктора, «образованного человека», а глагол *болталась* подчеркивает фанфаронство героя. Диминутив *шубейка,* образованный с помощью форманта -*ейк*-, передает нравственные и физические муки героини: *Что там?» – думала женщина, вглядываясь в даль и кутаясь от ветра и дождя в измокшую* ***шубейку*** *и шаль* («В рождественскую ночь»).

Анализ лексико-семантических групп диминутивов, обозначающих предметы одежды, показал, что больше половины из них (19 из 34 примеров) относятся к женщинам и детям.

Они образованы с помощью суффиксов: -*ок*-, -*чик*-, -*к*-, -*ек*-, -*очк*-, -*ишк*-, -*ей*-, -*енк*-, -*ик*-, -*онк*-, -*иц*-, придающим производным чаще уменьшительно-ласкательное, реже – пренебрежительно-уничижительное значение. Самые частотные суффиксы – это -*к*- (17 слов), -*ишк*- и -*ок*- (по 4 примера).

Диминутивы этих лексико-семантических групп участвуют в создании образа персонажа и показывают отношение к нему: ласково-насмешливое, ироничное – к женщинам и детям; сочувственное, уничижительное, иронично-насмешливое – к героям-мужчинам. Также рассмотренные слова участвуют в создании комических ситуаций.

Частое использование нескольких диминутивов в рамках одного фрагмента текста усиливает впечатление, производимое героями.

1. *Готовцева Е.С. Ирония как риторическая фигура и дискурс // Научный вестник Воронежского гос. архитектурно-строительного ун-та. Серия: Современные лингвистические и методико-дидактические исследования. 2007. № 8. С. 58–65.*
2. *МАС – Малый академический словарь: в 4 т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. М., 1985–1988.*
3. *Сребрянская Н.А. О некоторых аспектах лингвистического анализа художественного текста // Научный вестник Воронежского гос. архитектурно-строительного ун-та. Серия: Современные лингвистические и методико-дидактические исследования. 2006. № 6. С. 59–64.*
4. *СУ – Толковый словарь русского языка: в 4 т. / Под ред. Д.Н. Ушакова. М., 1935–1939.*

РЕЦЕНЗИИ / BOOK REVIEWS

В.К. Харченко
V.K. Kharchenko

СКОРОБОГАТОВА Е.А. ГРАММАТИЧЕСКИЕ ЗНАЧЕНИЯ И ПОЭТИЧЕСКИЕ СМЫСЛЫ: ПОЭТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ РУССКОЙ ГРАММАТИКИ (МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ КАТЕГОРИИ И ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИЕ РАЗРЯДЫ ИМЕНИ). ХАРЬКОВ: ХАРЬКОВСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ Г.С. СКОВОРОДЫ, 2012. 480 с.

(Проект выполнен в рамках государственного задания НИУ «БелГУ» на 2013 г. Проект 6.8195.2013)

SCOROBOGATOVA E.A. “GRAMMATICAL MEANINGS AND POETIC SENSES: POETIC POTENTIAL OF RUSSIAN GRAMMAR (MORPHOLOGICAL CATEGORIES AND LEXICO-GRAMMATICAL CLASSES OF A NOMEN)”. KHARCOV: KHARCOV NACIONAL PEDAGOGICAL UNIVERSITY OF A NAME G.S. SCOVORODA, 2012. 480 p.

Художественный дискурс, и в первую очередь корпус поэтических текстов, издавна служил привлекательным и щедрым на материал объектом для проведения лингвистических исследований. В свою очередь и лингвистика для уяснения сущности и природы языка многое получала в зеркале именно поэтического слова, поскольку, как писал М.М. Бахтин, только «в поэзии язык раскрывает все свои возможности, ибо требования к нему здесь максимальные: все стороны его напряжены до крайности, доходят до своих последних пределов; поэзия как бы выжимает все соки из языка, и язык превосходит здесь себя самого» [1, 287]. Эту же мысль впоследствии провозглашал и Умберто Эко: «Единственная возможная наука о языке – поэзия» [5, 31]. Естественно, при анализе поэтических средств на первый план всегда выходила семантика, и в языковедении второй половины XX века наблюдался серьезнейший поворот к изучению, прежде всего, семантики слова. Действительно, такие «механизмы» символики и экспрессии, как метафоры, сравнения, перифразы, гиперболы etc., весьма поощряли исследовательский интерес к значению слова. «Грамматические исследования» поэтического языка, разумеется, тоже имели место, и в рецензируемой монографии это место хорошо очерчено и охарактеризовано достаточно подробно, однако в мейнстрим анализа поэтического дискурса грамматические опусы не попадали и сами по себе это ведущее течение не формировали, не образовывали. В данном пассаже нет оце-

ночной подоплеки: наука не может развиваться симметрично, и лингвистика здесь не исключение.

Вместе с тем однообразное движение (исследовательский монотон!) долго продолжаться не может. И сейчас намечается если не «возврат» к грамматике (тоже будто бы оценочное слово!), то всплеск поискового интереса на обновленном витке лингвистической мысли к тому, что вроде бы давно изучено и всеми хорошо и прочно усвоено. М.Н. Эпштейн с философских позиций (!) анализирует… предлог «в» в русском языке, подчеркивая, что грамматика – «это не то, что мы думаем, а чем мы думаем, когда говорим, или даже то, что думает нами; это бессознательное нашего мышления» [6, 89]. Интерес к грамматике возрождается, и рецензируемая монография блестящее тому подтверждение. О чем эта книга?

«*Но нельзя рябине к дубу перебраться…*». Поет ли эту песню лингвист или любой другой носитель языка, в сознании исполнителя родовое сопоставление двух деревьев неминуемо и пластично трансформируется в вечную драму любви женщины к мужчине. *Традиционно используется грамматическое соположение существительных мужского и женского рода в произведениях, основанных на олицетворении, в которых представлен мотив неразделенной любви или невозможности соединения влюбленных* (с. 429). Другой пример. С ученических лет памятно пояснение к прекрасному переводу М.Ю. Лермонтова стихотворения о сосне и пальме, где по тексту оригинала должно было стоять слово мужского рода – *кедр*. Так грамматика изменила эмоциональный нерв стиха: вместо любовного томления дружеское чувство. Мы привели всего два общеизвестных образца грамматической игры в стихе, чтобы подчеркнуть главное содержательное богатство книги: вся монография посвящена объемному и системному выявлению поэзии, заложенной будто бы в «скучной» и «правильной» грамматике. Источниковую базу исследования составили и (преимущественно) классические тексты (*К. Батюшков, И. Анненский*), и советские (*Б. Окуджава, Б. Ахмадулина*), и постсоветские (*Ю. Левитанский, М. Рахлина*), и авторская песня, и стихи для детей, то есть расклад аргументирующего материала весьма широк. В списке источников 183 позиции, точнее 183 тома стихов.

В каждом серьезном исследовании есть свой конфликт, своя трудность, своя неизбывная, онтологически заложенная драма исследования. Елена Александровна Скоробогатова предприняла психологически труднейшую попытку, анализируя стихотворение, видеть в нем прежде всего грамматический скелет – настолько естественный, что он-то как раз и ускользает при восприятии «особенностей» стиха. Чтобы это продемонстрировать, вслед за автором монографии рассмотрим строку некогда общеизвестной песни «Широка страна моя родная» – *Много в ней лесов, полей и рек*. Сколько раз пелась эта песня, но вряд ли кто задумывался: а почему, собственно здесь полная (!) парадигма рода: *лес* – м.р., *поле* – ср.р., *река* – ж.р.? Приведя еще и другие поэтические свидетельства, Е.А.Скоробогатова, установила, что использование сразу трех родов дает ощущение всеохватности пространства. *Текстовая парадигмальная полнота наборов граммем рода и падежа связана с мотивом предметно-пространственной полноты и всеохватности представленного*» (с. 429). И подобных открытий в книге немало. Такие наблюдения сочетаются с обзором наработок других исследователей. Аналитический обзор автор осуществляет на добротной основе, прописывая вклад того или иного исследователя в раскрытие экспрессивно-поэтических значений в их сопоставлении и противопоставлении. Много внимания автор уделяет повтору однокоренных слов, грамматике повтора. Упомянем в связи с этим работу польского исследователя Бранко Тошовича, выделившего типы корреляции языковых единиц и составившего своеобразные матрицы пребывания однокоренных слов в условиях контекста [4].

Оригинальность и новизна монографического исследования заключается не

только в возврате к грамматике и восстановлению ее прав на экспрессивные смыслы, но и в возврате к… норме, к исследованию отнюдь не исключений и не окказионализмов, не «вывертов» (поэтических экспериментов). Опять же, в последние десятилетия интерес исследователей зиждется большей частью на необычных приемах и пассажах. Это и эксперименты с самой книжной формой (предуведомления, жанровая форма, новый язык, живописный текст и мн. др.) [3, 355–361], это палиндромы, анаграммы, скрибентическое письмо («*освободить» букву от шрифта, например, букву «б» я стал слева направо рисовать*), это переносы, слияния и разрывы слов (*ныхдней / весен/ них*), «ребризм» (*отс-утс-твие*) [2, 194–200]. Принцип Е.А. Скоробогатовой – оставаться в рамках грамматической нормы. Такой установкой и обширным текстом книги автор доказывает, что норма сама по себе может быть красивой и выразительной, что потенциал морфологической (не исключено, что и синтаксической!) нормы не только мало изучен, но и мало происпользован. А ведь это уже проекция работы в прикладные аспекты – не только для лингвистов, это подсказка для молодых авторов-стихотворцев, а также материал для опытных мэтров, наставников, ведущих семинары по литературному мастерству.

Разумеется, главная ценность рецензируемой работы – в системности и объеме охвата грамматических значений (при очерченности материала, повторим и подчеркнем, сугубо стихотворными текстами!). Главные части монографии – вторая и третья. Вторая часть посвящена тому, как в режиме поэтического восприятия работают грамматические категории: категория числа, рода и одушевленности, падежа, как работают онимы и апеллятивы, наконец, как задействованы субстантиваты (*белое на белом*). В третьей части выстраивается теория морфологического соположения и грамматической аттракции, уподобления (глава 1), морфологическая составляющая развертывания поэтического сюжета, морфологический ритм (глава 2), наконец, исследуется морфологическая селекция (отбор), морфологическая доминанта и морфологические лейтмотивы в языке русской поэзии (глава 3). Разрешим себе несколько цитат. «*Однако в поэзии начала XX века, ориентированной на обнажение приема, полиптотон используется достаточно часто: Бежит волна – волной волне хребет ломая…*» (с. 348). «*Мифопоэтической универсалией является поэтико-грамматический лейтмотив колебания рода при назывании сущностей, принадлежащих ирреальному миру. С ним связаны и колебания категории одушевленности»* (с. 429). Пример-подтверждение: *Родила царевна в ночь не то сына, не то дочь, не мышонка, не лягушку…* «*Мотив одиночества в русской поэзии связан с отбором граммем единственного числа и грамматическим устройством одночисловых сингулярных стихотворений и стихотворений с сингулярной доминантой»* (с. 429). Аттракция форм используется, во-первых, как прием фольклорной стилизации (*и долго ужинать – до девяти, / до информационной до программы…*); во-вторых, для создания грамматической симметрии как основы образной симметрии (с. 309–310). «*Так как русский язык лишен артиклей, значение определенности – неопределенности передается дополнительными средствами, одно из которых – соположение форм числа: Так писем не ждут / Так ждут письма* (М. Цветаева) (с. 91). При стремлении выявлять грамматические универсалии автор не забывает и о языковой личности поэта, обнаруживая индивидуальные предпочтения в использовании тех или иных аттракций, соположений, лейтмотивов. Например, при анализе соположения: оним – апеллятив наиболее широко представлена поэзия А. Вознесенского.

В силу своих жанровых канонов рецензия всенепременно предполагает наличие хотя бы небольшой критической части. В этой связи заметим, что название книги содержит избыточный пассаж: «грамматические значения и поэтические смыслы» и «поэтический потенциал рус-

ской грамматики». Пожалуй, хватило бы одного из двух, тем более что далее следует еще одно уточнение: «морфологические категории и лексико-грамматические разряды имени». С этим легко согласиться, тогда как со вторым нашим сомнением автору книги, да и читателям, пожалуй, согласиться будет труднее. Полагаем, что в таких научных опусах некоторую часть стихов пропечатывать лучше в строку, через знак «/», поскольку при традиционном, графически, безусловно, выигрышном, «правильном» оформлении стихи… завораживают. Начинаешь читать и отслеживать только их. Тогда бы автору не пришлось жертвовать и рядом объемных текстов: «*Мы приводим небольшие по объему тексты не из-за отсутствия крупных, обнаруживающих числовую однородность, а избегая значительного увеличения объема иллюстраций*» (с. 109).

Таково общее впечатление от книги, которая уже оказывается востребованной лингвистами самого широкого профиля.

1. Бахтин М.М. К эстетике слова // Контекст, 1973. М., 1974. С. 258–280.

2. Бирюков С. Традиция эксперимента в современной поэзии // Aktuelle Aspekte der Erforschung und Vermittlung der russischen Sprache und Literatur/ Yrsg.: Sergej Afonin, Svetkana Mengel, Elena Plaksina. Das Neue in Erforschung und Vermittlung des Russischen, Bd.1. Schoneiche bei Berlin, 2013. S. 191–201.

3. Кузьмина Н.А. Креативный потенциал книжной формы (современная авторская книга стихов) // Лингвистика креатива. Коллективная монография. Екатеринбург, 2009. С. 346–368.

4. Тошович Б. Глагольный категориал. – Opole, 1998.

5. Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семасиологию. СПб., 2004.

6. Эпштейн М.Н. Предлог «в» как философия. Частотный словарь и основной вопрос философии // Вопросы философии, 2003, № 6. С. 86–95.

ПУБЛИКАЦИИ / PUBLICATIONS

Т.В. Чурилин
ТЯПКАТАНЬ,
российская комедия
(хроника одного города и его народа)

Подготовка текста, публикация и комментарии
О.К. Крамарь

T.V. Churilin
TYAPKATAN,
The Russian Comedy
(The chronicles of a city and its people)

Preparing for publishing, publishing and comments by
O.K. Kramar

Подготовленный к настоящей публикации фрагмент представляет собой отрывок из главы «Эстеты» [1], не включенной Т. Чурилиным в состав белового варианта автобиографического романа «Тяпкатань», машинописная копия которого хранится в Литературно-художественном музее города Старый Крым (АР Крым, Украина). Примечательной особенностью указанной главы является попытка объединения двух принципиально разных жанровых решений в подходе к одному и тому же жизненному материалу. В одном случае автор создавал реалистические описания биографий героев, в другом случае он делал этих героев экспонатами «паноптикума», завезенного в уездный город для потехи публики. Большое количество черновых набросков к главе «Эстеты», содержащих детальную проработку указанных жанровых линий, свидетельствует о том, насколько важен для Чурилина был мотив узнавания героями себя в шаржированных, гротескно заостренных образах «Паноптикума».

Публикуемый фрагмент занимает важное место в структуре главы «Эстеты»: он относится к группе выполненных в реалистической манере «четьминейных» историй «о житии преподобных мужей, преподобносдобных жен и дщерей Тяпкатаньских, украшавших зело град и веси сия». В качестве «мужей», «жен» и «дщерей Тяпкатаньских» выступают жители современной Чурилину Лебедяни, родного города писателя. В большинстве случаев это представители купеческой династии Чурилиных (в романе – Чудилиных) или люди из их ближайшего окружения. Так, в частности, в предложенном к публикации отрывке содержится детализированное описание жизни лебедянского купца Ивана Васильевича Чурилина, крестного отца Тихона Чурилина. Упоминания об этом герое и членах его семьи неоднократно встречаются на страницах романа, однако именно в главе «Эстеты» он удостаивается персональной характеристики, осуществленной в присущей Чурилину сказовой манере. Не лишним будет упомянуть о том, что, помимо главы «Эстеты», подобные «крупные планы» фиксируются только в главе «Выдвиженцы».

Продолжая тематику романа, развивая его основные мотивы, обращая внимание на детали внешнего облика, одежду, жестовое поведение, своеобразие языковой личности портретируемого, Чурилин создает запоминающийся образ одного из ярчайших представителей купеческой Лебедяни.

Излагаемые в «житии» Иянвасильча Чудилина факты, документально подтверждаемые записями в метрических книгах лебедянского Старого соборного храма Казанской иконы Божией Матери, свидетельствуют о том, что в произведении отразился реальный биографический опыт автора «Тяпкатани», и это придает неоспоримую значимость как публикуемому фрагменту, так и главе в целом.

Фрагмент главы романа «Тяпкатань» «Эстеты» публикуется по рукописи, хранящейся в фондах Российского государственного архива литературы и искусства (РГАЛИ. Ф. 1222. Оп. 1. Ед. хр. 41. Лл. 57 – 64).

При публикации отрывка из главы «Эстеты» максимально учитывались особенности графического оформления оригинала, сохранялись авторская орфография и пунктуация. Исключением является замена авторского знака = на соответствующий ему дефис.

1. В черновиках к роману сохранились два варианта развернутого названия главы: «Эстеты, или история о людиях в живом и мертвом Паноптикумах в г. Тяпкатани» и «Эстеты, история о людях вроде булок и пирохов с Четьи-Минеиной Прочинкой» (РГАЛИ. Ф. 1222. Оп. 1. Ед. хр. 41. Лл. 1, 3).

Ж И Т И Е
опчее – в свалку!! отцов нашиих преподобных
горождан городу Тяпкатани – Иованна Простоты,
в миру Иянвасильча Чудилина [1], – верной ево слуги
и личарды [2] Цанцы-Ермоланцы и супруг их благоверных –
Вольги, Перьвоей, Васильны [3], хозяйки, и Параскевы-Четверга
во вторые. А также отрока Копца, сиречь Николки Прошибенного
разбойника, потом – списмиром почившего праведником от
Тубрикулозы во цвете и целкомудрии юности своея [4].

Вить ето нынче у Вас, милосливыи грождане и грожданочьки, Простота т` в писании и в пичатном и нивпичатном художестве в чести и в знати. Ну а у нас побаска была: ина простота хужее вороства! И верно: рази можно такое, что наш Чудилкин т` Иянвасильч в жисти производить? Курам на смех, а умным – одна горя! И были они со дворником своим Иваном Ермолавым кык бедный лыцарь Кишот Донской со своим тоже дворником Санцией Спансьеей [5]. Вот оттово-то Копчиков братец двоюрнай, Тимка Чудилин [6] его Цанцой-Ермоланцой и прозвал. Так и пошло-о-о!! Тоисть, он т` ево Санцией прозвал, а тот как выпиет, и поидё кричать: Хто я? Цанция! д` Ермоланция!!!

Иянвасильч был брат двоюрный Василиску Чудилину [7], нашему ху! хозяйну, вон он! Тэнтот` хуть и косолапец был и есть, вон он, возьмите иво, сидить: джентильментилем!!

А что – не джентильментиль? Брюки на улицу аглицкой фирмы Поповы, ишь вон в манишке и галстук как задвижка горлу запер! [8] А сам махорку куряааа! из трубы с ряшоткой, чем не мужик Инвалидский [9], рыло т` кэк у Миколы чудотворца Мурлыкиевсково [10], тьфу! прости осподи, язык мой враг мой! Ну, а тэт т`, Иованн т` Простота, тэнтот – брюки в бутылки-сапоги, спинжак и рубашка биз галстуку сантинетная. И люббитель книг церковных: и Триоть цветная [11], и Четьминея и Просалтырь и библиу, и святая ивангелия

святово апостола Иованна Простоты чтение-е-е-е, хе-хе-хе-хохо. Вонь имем да прокинем иё чирез ризы нашааа, аммминь.

Ннну, словом Кишот-Дон был, а не человек. Николайвасильч Шишка [12] т`, ево дед, Чудилкин было троим братцам по второму уроду, какой капитал т` оставил? Василиску т` нашему, д` Пашке, ево брату т` – десять тысч серебром, д`– трахтир етот вот, д`– ссыпку [13], д`– дом, мать твою курицу с ведром! А Простоте т` Ване – одному пятнадцать тысьч да дом белый двухс`этажный, д` флигель, д` коня-мерина-Васькю белого и счас жив, Цанца т` на ём воду возя! Говорять – дровоотдел т`ваш ево собираетца в Москву в музей за долголечье перевезть. И то! надо, надо! Семьдесят годков будя – пора и заслуженным конем акечеству ей быть. А для параду – главново сичашново вашего ветинара по древностям и культурново наследствию в прошлом, возичь на ей из дому в дом. Обои́ – реткость! Чюдо народу, слава теи ипохи! Куль-ктур-ная наследствия, важна для племени молодову, низнакомову!! [14]

Так вотс, жил наш припадобиц-отец Иованн Простота в зажитку: дом от белой двухсэтажной сдавал, а хлигель – сопственная разыденция, сам-девять: он сам ды супруга Волька Васильна, ды сын Копчик, ды Саша-горбатая пелемянница, ды Цанца Ермоланца кучер, ды Праковья-Четверг кухварка, ды кот Васькя, ды мэрин тоже Василий, ды коровушка Аллушка, симменталка кык палка березовая-пестрая! Настоящая девитиперстная, хвакт!

Лик его преподобной: нос ворлиный, крутой, тонкой нос; чернобрадие округ лика – истовое, растригал; сухощав; очи черныи с отливом и сам пользуетца чернoсливом: почечуй [15] мучивал, чуй! И хоть плачья на нем – мещанская: ноги – в бутылках, брюки в них же, а был – г у р т м а н: пломбер делал изо сливок со яицыми, ну и какхлебяку стряпал што надо!! И горячишную кашу с сливками обожал: любимая блюда!

В двунадесятые ж числа [16], красной цифирью, одевалси в сертушную тройку, крахмал, золотой гырнитур-запынки, галстук рыгант [17] чернай с белой проседью и красныи лапки да цапки по фону для фасону, брюки тоды – на выпуск и на плечи – шшуба с бобровым паворотником, шапка – пперогом, каракулевая, – а летом, весной и в полуосень – дипломат и фуражка-вандрак [18] синево сукну.

В делах т` был и нисчастный! ни привиди осподи, за энто и Простотой ево проназвали, прямо Простота-батюшка! Вот, скажим, сады снял: один, например, ув Монаенках [19], у Манаенковых-помещиков-дружков, а второй, пример, в Сизёновой [20], в подмонастырном уделе, в обителе женской. В Сизёнове пошлё зав садом Михалваныча Сокольцова, оберафицерсково сыну, красноносово акалу: ты – хто, а? а я хто, а? Плевать я на вас хочу, а? Грязь земная, а? – а в Монаенках сам сядя на правление ды Копчика возметь дли утехи ды Тимку Чудилина с им тоже. А дома Волька Васильна царствуя, с дворoправителем с Цанцой-Ермоланцой остаетца. И идеть жизнь: – Михалваныч пьеть как губка из морской воды грецкая – и всею продухцыю яблошную-грушовую, д и бергамотную-славную в прах пропустя: пропьеть! Раз.

В Монаенках – либо град вси хрухты побьеть, либо сад сонце пожжёть, либо ночами ни украулять – всеи шалаши яблошныи оберуть добрыи люди, либо – продадуть всё на корню с лихвой – а деньги т`, Катеринки т`! [21] и вовсе дерьмо фальшивая – ник-к-куды! тольк сжечь от греха. Два.

Ну а дома т` Волька т – бинсма́рк [22], а не баба, все благополучно, зато Цанца напиется и мерина-Васькю опоить – у тово жиздра вохряная откроетца, а коновалы в ей што понимають? тута невпопадолух надобен, да людской!

Жана у Иянвасильча, Иованна Простоты т`, отча наша приподобново была, дествительно, депломат, Мать-те-рви-их [23] в юбке, ум-палатный – а вот Копец, ево наследник, тэнтот сплоковал рождением и житием, энто да! Маклакхольный, немноговато, а случился. Уж его мать била-била, д` не сама, а руками Иянвасильча прочила, и все по её юстимулу, т.е. по её воле-приказу ременной плеткой хлестал отец, отче наш Иян; уж его сам Иянвасильч ругал-ругал, а все толку нема, все прошибенный разбойник по домашнему и житейскому случа́ю, а в научной матисстери – незадачный, незаможнай: в предготовитель-

ном классцыи – два, в перьвом – два, а в третьем было все три годочка просидел, да за ноги ево лепектитор рыжий Агаспьер Никитьич вытянул, энтот мог!

Мордой т` Копец весь в папаню, а глазом – в маманю, а умом тоже в отца – никакого ни началу ни конца, одна арламентика [24], нисчастнааай, ой.

И стоить, бывалча, в передней горничке Иянвасильч, ж<...>цу, извините, средь голанки грея, на носу – очки, на плече – котваська и Тимку, крестника-пелеменника мурштруя: – Ну, Тиман, с тово свету сниман, иде, ет, есть – Расея?

– В Ивропе, папакрестный! – А иде, ет, Ивропа? (гладь, гладь, гладь рукой по шерсти котаваськю) – А Ивропа, ет, часть свету. – А какая, ет? – А пятая! – А шиштая ет, што? – А шиштой нету? – Как ет, нет? Иде жь она делась? (гладь, гладь, гладь) А иде ети пять, ну, ну? – Пять т`? Д … ды … дддды во вселенной!!! – А всиленная иде, хе, хе, хю? – А всиленнн … вси … леннн … лень … ле-е-е …

– А всиленную т` – и не знаишь, э? э? э? хю, хю, хе. И доволен, и перевертывает-продвигая левую полуж<...>ку-с, кык мясо на вертеле: а то перепроподжаришь. Хххорррош-ш-шо!!

Ну, любил он жану, любил сына своиво разнесчастново Копца, Николку, любил котаваськю и конявасю, любил, понятно, дом свой и двор и дворочадцев: Шашку горбатую жилел, а Цанцу-Ермоланцу и Парашу-Четверток, супругов, оченно жаловал за их личардную верносчь. А ево и нихто не любил, токо-токо сын по своему по расшибенному обычаю по разбойницкому по домашнему – во и все. Так и умумер. А помер он от трактиру-ванпиру и анпиру [25] – и иво засосал, иссосал трактир, а упоместила иво туды супруга, Волька Васильна для поправлению дела за виннай бухвет главным приказчиком-чиком. И сидел он день-деньской в трахтире, глотал дым-пар, шум-гам, душь-мат, вонь-перевонь, глотал-глотал и наглотал – тубрикулозу.

Ночью, ет, придё; деньгу принесё, несметную, наворованную левой рукой у Василискянча, двоюуродново братца – все, все жане Мать-те-рвиихе отдасть на улукшению быту и канкфорту – та собе, и сыр швикцарскай, и канкхфект, и перожных, и кофею, и ладиколонту и духов и мадиполану [26] с шифроном [27] – а ему ночь возь неё до утра в малой спаленке на двухактной кроватишши, да и то опосле Энхшаковых да аль Апласкиных сурьфикусов [28], во же, а остальное все иди-сиди в ат.

И помер Иянвасильч, Иян-Иоанн отча Простота, от усушению лехкхих и тубрикулозы [29] и оплакал лишь ево сухим плачем Николка Копец расшибеннай и то в Ильце, иде он юнкерем-вольнопридящим был, а тута несли иво в галазете [30] в гробе – кругопопье большое да два протопопа-протырея, один митрохформенный [31] Димитряй [32], да певчих стоголософ. И поставила она, жана, Волька Васильна, Мать-те-рвииха умпалатная над им камень, на сеем камне надписала: У мине был муж Иван, улукшал он мой карман, носил деньги-мэньги много, в рай иму дорога и спи с миром подольши, друх мой нежнай примиреннай навечно! Ам-мин.

1. В данном текстовом фрагменте речь идет о лебедянском купце Иване Васильевиче Чурилине, крестном отце Тихона Чурилина, двоюродном брате его юридического отца В.И. Чурилина.

2. Личарда – имя верного слуги из старинной русской повести о Бове-королевиче, восходящей к средневековому французскому рыцарскому роману о Бюэве из города Анстона; ироническая характеристика преданных слуг, распространенная в произведениях русской литературы XIX века.

3. Женой И.В. Чурилина была сестра матери Т. Чурилина (в романе – Волександры Чудилиной). Венчание «лебедянского купца Ивана Васильева Чурилина» и «города Ефремова мещанки Ольги Васильевой Ломакиной» состоялось в Старом соборном храме Казанской иконы Божией Матери города Лебедяни 20 апреля 1886 года, о чем в метрической книге церкви сделана соответствующая запись (ГАЛО. Ф. 273. Оп. 5. № дела 137. Л. 37). «Высокая хитрым разумом и красотой серых земчужных очей», «патрици-

анка» Вольга Васильна Чудилина – один из сквозных образов автобиографической прозы Т. Чурилина.

4. Николай Чурилин, сын И.В. Чурилина и О.В. Чурилиной, родился 5 февраля 1887 года (ГАЛО. Ф. 273. Оп. 5. № дела 137. Л. 69). В метрической книге Старого соборного храма Казанской иконы Божией Матери на 1887 год одним из восприемников окрещенного младенца значится лебедянский купец В.И. Чурилин. 3 ноября 1914 года Николай Чурилин (в романе – Николка Чудилин, Николка Прошибенный, Копец, Копчик) умер от чахотки в возрасте 26 лет (ГАЛО. Ф. 273. Оп. 5. № дела 342. Л. 163).

5. Герои романа Сервантеса Дон Кихот и Санчо Панса. О «рыцаре печального образа» и о его верном спутнике и оруженосце Чурилин неоднократно упоминает в своем произведении, руководствуясь при этом не столько культурной памятью, сколько стремлением к обыгрыванию звукового тождества слова Дон (господин), в имени героя романа Сервантеса и названия реки, на берегах которой раскинулся «холмоград» с вымышленным названием Тяпкатань. Однако в данном конкретном случае литературный сюжет накладывается на реальную историю жизни лебедянского купца, известного горожанам под именем Ивана Простоты. В результате этого наложения Иван Васильевич Чурилин (в романе – Чудилин) воспринимается как пародия на героя великого романа Сервантеса.

6. Тимка Чудилин – это «сын-несын» лебедянского купца В.И. Чурилина, «наследник невпрок», автор романа «Тяпкатань» и один из его главных героев Тихон Васильевич Чурилин.

7. Василиском Чудилиным в романе именуется юридический отец Т. Чурилина, представитель богатой купеческой династии Чурилиных, «водочник-складчик-трактирщик» Василий Иванович Чурилин.

8. Детализированное описание внешнего облика В.И. Чурилина содержится в первой главе романа «Тяпкатань» «Событие первое. Песня». См.: Т. Чурилин. Тяпкатань, российская комедия (хроника одного города и его народа) / Подгот. текста, вступ. статья, примеч. и коммент. О.К. Крамарь. Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2013. С. 17–18.

9. То есть мужик, проживающий в Инвалидной слободе. В 1764 году, согласно указу Екатерины II, инвалиды освобождались от призрения в монастырях и расселялись в специально назначенных городах, в числе которых оказалась Лебедянь. Инвалидная слобода располагалась к югу и юго-востоку от центральной части Лебедяни.

10. Никола Мирликийский – христианский святитель Николай Чудотворец или Николай Угодник, покровитель моряков, купцов и детей, наиболее любимый и почитаемый на Руси святой. «Богомольность» внешнего облика хозяина «чуриловского трактира» зафиксирована также в повести Е. Замятина «Уездное».

11. Триодь – богослужебная книга Православной церкви, содержащая службы предпасхального и послепасхального периодов.

12. В метрической книге Старого соборного храма Казанской иконы Божией Матери на 1884 год содержится запись о том, что 25 января 1884 года на общем городском кладбище был погребен лебедянский купец Николай Васильевич Чурилин, умерший от старости в возрасте 78 лет (ГАЛО. Ф. 273. Оп. 5. № дела 114. Л. 95). О персонаже, называемом «Миколай Васильч Шишка, купец, ссыпщик в разные страны», упоминается также в третьей главе романа «Тяпкатань» «Тяпкатаньский сон». См.: Т. Чурилин. Тяпкатань, российская комедия (хроника одного города и его народа) / Подгот. текста, вступ. статья, примеч. и коммент. О.К. Крамарь. Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2013. С. 31.

13. Ссыпка – скупка, хранение и последующая продажа зерна – была основным родом деятельности и источником дохода многих лебедянских купцов.

14. Ироническая перефразировка широко известной строки из стихотворения А.С. Пушкина «…Вновь я посетил». Отмеченный высоким индексом цитирования прецедентный образ «племени младого, незнакомого» неоднократно используется автором романа «Тяпкатань».

15. Почечуй (мед., уст.) – геморрой.

16. Двунадесятые – двенадцать важнейших после Пасхи православных праздников. См. в неопубликованных воспоминаниях С.Н. Игумнова: «Из праздников выделялись, конечно, пасха – «всем праздникам праздник» и рождество, а затем двунадесятые и

престольные. Посещать церковные службы в эти праздники и накануне считалось обязательным, и не выполняли этого только дети, больные, да хозяйки, связанные подготовкой к праздникам, варением, да печением и уходом за детьми. В церковь ходили не в затрапезном платье, а принарядившись, причесавшись, и почти все приходившие ставили перед иконами свечку» (Игумнов С.Н. Воспоминания. Машинописный текст. Начало 1940-х годов. Без шифра. МБУ «Лебедянский краеведческий музей им. П.Н. Черменского». Фонд Игумновых. С. 21).

17. Возможно, в данном случае имеется в виду галстук-регат, имеющий пуговицу и петлю и застегивающийся сзади под воротником рубашки.

18. Очевидно, речь в данном случае идет об изделии знаменитого в начале XX века московского шляпного ателье «Вандраг».

19. В описываемое время село Монаенки входило в состав Лебедянского уезда. Ныне это село входит в состав Краснинского района Липецкой области.

20. Село Сезёново расположено в северной части Лебедянского района на реке Сквирня в 14 километрах от Лебедяни. Его главной достопримечательностью является Сезёновский Иоанно-Казанский женский монастырь.

21. Катеринка (разг.) – сторублевый билет Банка Российской империи с изображением Екатерины II.

22. Просторечный вариант имени Бисмарка. Бисмарк Отто фон Шёнхаузен (1815–1898) – выдающийся германский политический и государственный деятель, первый рейхсканцлер Германской империи (1871 – 1890), один из организаторов Тройственного союза 1882 года (Германия, Австро-Венгрия, Италия), направленного против Франции и России.

23. Игровой вариант имени Меттерниха. Меттерних-Виннебург Клеменс (1773–1859) – выдающийся австрийский политик, государственный деятель, дипломат, министр иностранных дел австрийского правительства (1809–1821), канцлер (1821–1848), один их организаторов Священного Союза.

24. Возможно, слово орнаментика, данное в просторечном варианте. Орнаментика – совокупность орнаментальных мотивов в произведениях искусства или в художественном стиле. Орнамент – узор, основанный на повторе составляющих его элементов. Подобное толкование использованного Чурилиным слова арламентика подтверждается контекстом предложения, включающего в себя указанную лексему.

25. Описанию чурилинского (в романе – чудилинского) трактира посвящена седьмая глава романа «Тяпкатань» с красноречивым названием «Трактир анпир и трактир ванпир».

26. Мадеполам (разг. – мадаполам, мадиполан) – тонкая и плотная хлопчатобумажная ткань полотняного переплетения.

27. Шифон (франц. chiffon) – очень тонкая и легкая шелковая ткань.

28. Очевидно, разговорный вариант слова журфикс. Журфикс (франц. jour fixe – определенный день) – день недели, предназначенный для приема гостей.

29. В метрической книге Старого соборного храма Казанской иконы Божией Матери на 1907 год содержится запись, зафиксировавшая дату смерти (15 марта) и погребения (18 марта) лебедянского купца Ивана Васильевича Чурилина, умершего от чахотки в возрасте 62 лет (ГАЛО. Ф. 273. Оп. 5. № дела 278. Л. 205). О.В. Чурилина пережила своего мужа на 5 лет. Она умерла в августе 1912 года в возрасте 57 лет (ГАЛО. Ф. 273. Оп. 5. № дела 342. Л. 44).

30. Глазет (франц. glase) – ткань с шелковой цветной основой и узорами из золота и серебра, похожая на парчу.

31. Митрофорный – т.е. имеющий право на ношение митры, головного убора священнослужителей. Митра – это принадлежность богослужебного облачения архиереев, архимандритов, а также священников, которые получают право ее ношения в качестве награды.

32. Очевидно, речь идет о Димитрии Григорьевиче Высоцком, священнике лебедянского Нового соборного храма Казанской иконы Божией Матери в 1887–1917 годах.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Бондаренко Виктор Терентьевич – доктор филологических наук, профессор кафедры документоведения и стилистики русского языка Тульского государственного педагогического университета имени Л. Н. Толстого (Тула). E-mail: victor.vicbond@yandex.ru

Бондаренко Виктория Сергеевна – аспирант кафедры русского языка, культуры и коррекции речи Таганрогского государственного педагогического института имени А.П. Чехова (Таганрог). E-mail: rector@tgpi.ru

Борисова Наталья Валерьевна **–** доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой историко-культурного наследия Елецкого государственного университета имени И.А. Бунина (Елец). E-mail: ivanova@elsu.ru

Бородина Надежда Анатольевна – кандидат филологических наук, докторант кафедры современного русского языка и методики его преподавания Елецкого государственного университета имени И.А. Бунина (Елец). E-mail: borodinanadezhda@yandex.ru

Гурков Павел Юрьевич – соискатель кафедры русской классической литературы и теоретического литературоведения Елецкого государственного университета имени И.А. Бунина (Елец). E-mail: Pavlentyi87@yandex.ru

Дмитриева Елизавета Игоревна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры англистики и межкультурной коммуникации института иностранных языков Московского городского педагогического университета (Москва). E-mail: eidmitrieva@mail.ru

Дубровина Светлана Юрьевна **–** доктор филологических наук, профессор кафедры теории и истории русского языка Елецкого государственного университета имени И.А. Бунина (Елец). E-mail: dubr5@yandex.ru

Земляная Анна Сергеевна **–** соискатель кафедры перевода и информационных технологий в лингвистике Южного федерального университета (Ростов-на-Дону). E-mail: annzem@yandex.ru

Знобищева Мария Игоревна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русской и зарубежной литературы Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина (Тамбов). E-mail: znobishcheva@yandex.ru

Капинос Елена Владимировна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора литературоведения Института филологии СО РАН (Новосибирск). E-mail: dzerv@mail.ru

Касимова Гульзухра Кевировна **–** кандидат филологических наук, доцент, докторант кафедры русского языка и методики преподавания русского языка педагогического института им. В.Г. Белинского Пензенского государственного университета **(**Пенза**)**. E-mail: zuhra_kasimova@mail.ru

Корышев Михаил Витальевич **–** кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкой филологии Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург). E-mail: mkorychev@yandex.ru

Крамарь Ольга Казимировна **–** кандидат филологических наук, доцент кафедры русской литературы XX века и зарубежной литературы Елецкого государственного университета имени И.А. Бунина (Елец). E-mail: kramol@yandex.ru

Манерова Кристина Валерьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкой филологии Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург). E-mail: martinus2003@mail.ru

Морозова Маргарита Хакимшоевна **–** аспирант кафедры историко-культурного наследия Елецкого государственного университета имени И.А. Бунина (Елец). E-mail: mbily@mail.ru

Харченко Вера Константиновна – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русского языка и методики преподавания ФГАОУ ВПО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет» (Белгород). E-mail: wera_kharchenko@mail.ru
Хашимов Рахим Ибрагимович – доктор филологических наук, профессор кафедры теории и истории русского языка Елецкого государственного университета имени И.А. Бунина (Елец). E-mail: hashrai@yandex.ru
Эльвия Ваффа – аспирант кафедры русско-славянского языкознания Воронежского государственного университета (Воронеж). E-mail: luna_elwia@yahoo.com

ДЛЯ АВТОРОВ

Научный журнал «ФИЛОLOGOS» учрежден Елецким государственным университетом имени И.А. Бунина. Периодичность издания – четыре номера в год (март, июнь, сентябрь, декабрь).

Журнал публикует разножанровый материал по актуальным лингвистическим и литературоведческим проблемам (статьи, публикации, рецензии, хронику научной жизни и др.).

Требования к публикациям

1. Текст публикации присылается в готовом для печати виде электронной почтой по адресу: filologos07@mail.ru (ответственному секретарю Ирине Михайловне Курносовой). Сопровождающие текст публикации материалы присылаются на имя И.М. Курносовой по адресу: 399770, г. Елец Липецкой области, ул. Коммунаров, 28.

2. К тексту публикации прилагаются отдельным файлом сведения об авторе (фамилия, имя, отчество; ученые степень и звание, должность и место работы/учебы или соискательства; домашний и служебный адреса, номера контактных телефонов, адрес электронной почты).

3. Авторы несут персональную ответственность за содержание материалов, точность перевода аннотации, цитирования, библиографической информации.

Требования к оформлению статей

1. Объем статьи: 14 000 – 18 000 знаков. Редактор – Word. Основной текст – Times New Roman 10. Постраничные примечания – Times New Roman 10. Абзац (отступ) – 1. Интервал – 1. Поля: верхнее – 2,5; нижнее – 6; левое, правое – 3,5.

3. В верхнем правом углу полужирным курсивом (Times New Roman 12) – инициалы и фамилия автора статьи на русском и английском языках; через интервал название – выравнивание по левому краю, заглавными буквами, полужирным шрифтом, Times New Roman 12 – на русском и английском языках; через интервал аннотация на русском и английском языках (не более 400 знаков с пробелами) – по ширине страницы без абзаца (отступа), Times New Roman 10, курсив; словосочетание «ключевые слова» и «key words» – полужирным курсивом без абзаца, Times New Roman 10, без интервала между ними и аннотацией, сами ключевые слова и/или словосочетания на русском и английском языках (5-6) – Times New Roman 10, курсив; далее через интервал – основной текст.

3. После основного текста через 1 интервал следует список литературы (Times New Roman 9, курсив) без обозначения «список литературы». Список литературы формируется по алфавитному принципу, нумерация порядковая.

1. Анри Корбэн. Световой человек в иранском суфизме [Электронный ресурс]. URL: http://persian.sufism.ru/korben.htm (дата обращения: 23.08.2011).

2. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. СПб., 1863–1866.

3. Пушкин А.С. Сказка о золотом петушке // А.С. Пушкин. Собр. соч.: в 10 т. М., 1968. Т. 3.

4. Смирнов В.А. Достоевский // Литература и фольклорная традиция: вопросы поэтики (архетипы «женского начала» в русской литературе XIX – начала XX века). Иваново, 2001. С. 112–161.

Указания на источник в тексте – [1, т. 6, 18]: первая цифра – номер источника, вторая – тома, третья – страницы; [2, 45]: первая цифра – номер источника, вторая – страницы.

Условия рецензирования рукописи

1. Соответствие представляемых в редколлегию материалов научному профилю журнала.

2. Соблюдение автором правил подачи рукописи в редколлегию и ее оформления.

3. Наличие сопроводительных документов: а) выписки из протокола заседания кафедры или отдела, где работает автор, о рекомендации его рукописи к печати; б) развернутого внешнего отзыва об авторской рукописи, в котором высказывается аргументированное мнение о профессиональном качестве авторской рукописи; для аспирантов и соискателей – отзыв научного руководителя или консультанта.

Сопроводительные документы должны быть подписаны и заверены печатью.

При нарушении этих условий редколлегия имеет право отказать автору в рецензировании его рукописи.

Правила рецензирования рукописи

1. Редколлегия по своему усмотрению вправе провести собственное внешнее рецензирование авторской рукописи специалистами в соответствующей области филологии. Рецензия призвана обсудить актуальность научной проблемы, обоснованность и продуктивность методов исследования объекта, оригинальность решения проблемы и значимость полученных выводов, логику и стиль изложения и т.п.

Рецензирование проводится конфиденциально для автора рукописи, носит закрытый характер.

2. По поручению главного редактора один из членов редколлегии (по необходимости несколько) знакомится с авторской рукописью, всеми сопроводительными материалами, а также с организованной редколлегией независимой внешней рецензией (при ее наличии), и дает письменное обоснованное заключение о рукописи с рекомендацией (или не рекомендацией) ее к печати.

3. Окончательное суждение об авторской рукописи выносится на очередном заседании редколлегии на основе всех имеющихся о ней отзывов.

О положительном или отрицательном решении редколлегии своевременно сообщается ее автору. Отклоненная рукопись автору не возвращается. Автор имеет право на ознакомление с отзывом внешнего (редакционного) рецензента и заключением члена редколлегии. Копии рецензии и заключения высылаются автору по его письменному запросу без подписей, фамилий и других сведений о рецензенте и члене редколлегии, составившем заключение о статье.

4. В случае редакционного решения о доработке рукописи в соответствии со сделанными рецензентом и членом редколлегии замечаниями и пожеланиями она возвращается автору с копиями отзывов на нее без указания фамилии рецензента и члена редколлегии.

Главный редактор вправе возвратить автору его рукопись на доработку после ее независимого внешнего рецензирования при условии необходимости внести в ее текст незначительные изменения.

Редколлегия имеет право на собственное редактирование присланной рукописи без ущерба для ее содержания и авторского стиля.

Новый вариант авторской рукописи должен быть представлен в редколлегию в текстовой и электронной версиях в полном соответствии с требованиями их подачи и оформления. К тексту рукописи прилагается авторская справка с перечнем внесенных в него поправок.

После доработки авторская рукопись проходит повторную экспертизу, которая проводится либо независимым внешним рецензентом, либо членом редколлегии, либо главным редактором.

Обсуждение нового варианта рукописи происходит на очередном заседании редколлегии с принятием коллективного решения о целесообразности или нецелесообразности ее публикации в научном журнале.

5. Любые коллективные решения относительно авторской рукописи оформляются протоколом заседания редколлегии.

6. Главный редактор имеет ответственное право на самостоятельное решение судьбы авторской рукописи.

7. Копии текста статьи и сопутствующих документов с указанием фамилии, должности и места работы всех участников ее рецензирования могут быть предоставлены по запросу ВАК Министерства образования и науки Российской Федерации.

Финансовая ответственность авторов

1. Все авторы оплачивают рецензирование, публикацию материалов и журнальную подписку. С аспирантов плата за публикацию не взимается. При отрицательной рецензии автору направляется мотивированный отказ.

Плата за публикацию материалов производится после редакционного решения об их включении в один из очередных выпусков журнала.

2. Каждый автор обязан оформить подписку «ФИЛOLOGOS» на тот выпуск, в котором публикуется его статья. Факт подписки должен быть засвидетельствован копией соответствующей почтовой квитанции, присланной в адрес редколлегии.

Подписной индекс журнала «ФИЛOLOGOS» – 64991 в каталоге периодических изданий «Научно-техническая информация».

Авторские права

Авторы передают Издательству журнала – Елецкому государственному университету им. И.А. Бунина – авторские права на публикацию в печатном издании и в сети Интернет.

Полнотекстовые версии выпусков журнала можно найти в свободном доступе в Научной электронной библиотеке www.elirary.ru не позднее, чем через год после выхода журнала.

По всем вопросам обращаться в редакцию журнала.

E-mail: filologos07@mail.ru.

Адрес редакции: 399770, Липецкая область, г. Елец, ул. Коммунаров, 28.

Более подробная информация – на сайте редакции: htt:/elsu.ru/filologos

Научный журнал

ФИЛОLOGOS

Выпуск 18 (3)

Технический редактор — Г. Н. Бурганская
Техническое исполнение — В. М. Гришин
Дизайн обложки — Б. П. Иванюк

Подписано в печать 29.08.2013
Дата выхода в свет 15.09.2013
Формат 70 х 108/16. Гарнитура Times. Печать трафаретная
Усл.-печ.л. 6,9. Уч.-изд.л. 6,11
Тираж 500 экз. Заказ № 101
Свободная цена

Адрес редакции и издателя:
399770, Липецкая область, г. Елец, ул. Коммунаров, 28
E-mail: filologos07@mail.ru
Сайт редколлегии: http:/elsu.ru/filologos

Подписной индекс журнала «ФИЛОLOGOS » — 64991 в каталоге периодических изданий «Научно-техническая информация»

Отпечатано с готового оригинал-макета на участке оперативной полиграфии
Елецкого государственного университета им. И. А. Бунина
399770, Липецкая область, г. Елец, ул. Коммунаров, 28

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина»
399770, Липецкая область, г. Елец, ул. Коммунаров, 28